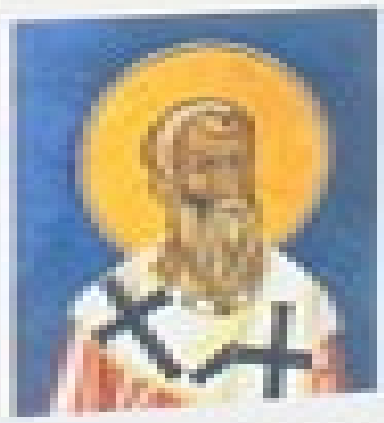

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ

Наша жизнь в душевной молитве

Письма о духовности и молитве

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
КИПРИАН
КАРФАГЕНСКИЙ

*Минск
Свято-Симеоновская Церковь*

В сборник вошли все дошедшие до нас письма священномученика Киприана, епископа Карфагенского († 258). Письма святителя и исповедника Христова, обращенные к самым различным адресатам, даны здесь в предполагаемом хронологическом порядке. Вопросы, которых касается в своих письмах священно–мученик Киприан, актуальны и для нынешнего времени — тема единства Церкви и благодатных даров, подаваемых через нее, наставления христианину, как хранить свою веру и возрастать в ней.

- [Творения](#)

- [Письмо к Донату о Благодати Божией](#)
- [Письмо к Рогациану о диаконе, оскорбившем епископа](#)
- [Письмо к мученикам и исповедникам, просившим даровать мир павшим](#)
- [Письмо к народу](#)
- [Письмо к клиру о падших и оглашенных, чтобы разрешать их при смерти](#)
- [Письмо павшим](#)
- [Письмо к Фиду, о крещении детей](#)
- [Письмо к Квинту Корнилию о достоинстве епископов и расколе Фелициссима](#)
- [Письмо к фиваретянам, с увещанием к мученичеству](#)
- [Письмо к Флоренцию Пупиану о поносителях](#)
- [Письмо христианам Легиона и Астурики о падших епископах](#)
- [Письмо к Квинту о крещении еретиков](#)
- [Письмо к Цецилию о Таинстве Чаши Господней](#)
- [Письмо к Немезиану и другим сосланным на рудокопии](#)
- [Письмо к Сукцессу о возвращении послов из Рима с известием о гонении](#)
- [Письмо к клиру и народу о своем временном удалении перед страданием](#)
- [Письмо къ Евкратію о комедіанте](#)
- [Письмо къ Помпонію о девственницахъ](#)
- [Письмо къ клиру и народу фурнитанскому, о Викторе, назначившемъ пресвитера Фавстина опекуномъ](#)
- [Письмо къ пресвитерамъ и діаконамъ](#)
- [Письмо к Фортунату, о не выдержавших мучений](#)
- [Письмо к Фортунату об увещевании к мученичеству](#)
- [Книга о благе терпения](#)
- [Книга о единстве Церкви](#)
- [Книга о зрелищахъ\[3\]](#)
- [Книга о Молитве Господней](#)
- [Книга о падших](#)
- [Книга о ревности и зависти](#)
- [Книга о смертности](#)
- [Книга о суете идолов](#)
- [Об одежде девственниц](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
-

Письмо к Донату о Благодати Божией

Цецилий Киприан Донату желает здравия. Твое приглашение, любезнейший Донат, очень кстати, ибо и я помню о своем обещании и настоящее время для исполнения его самое благоприятное, потому что теперь, во время собирания винограда, незанятый дух предаётся покою и разделяет с другими праздничные и вошедшие в обычай досуга после утомительного года. С этим временем сообразно и само место: приятный вид садов соответствует успокоенным чувствам, которые освежаются тихими ветерками приветливой осени. Приятно здесь проводить время в разговорах и назидательными повестями умудрять дух в Божественных заповедях. Но, чтобы кто из мирских людей не вмешался в наш разговор и не помешал нам или не беспокоил нас неумеренный крик какого-нибудь шумного общества, пойдем вот на то место. Эти ближайшие, отделенные части сада представляют закрытое убежище, потому что виноградные ветви, спускаясь с тростниковых подпор в беспорядке, образовали там виноградную галерею, покрытую листьями. Здесь мы удобно можем предаться беседованию, и в то время, как мы будем увеселять взоры приятным видом дерев и виноградных лоз, дух наш будет получать вместе и назидание от слуха, и удовольствие от зрения. Впрочем, для тебя существует теперь одно удовольствие: ты ищешь только беседы со мною. Не обращая внимания на здешние приятные виды, ты в меня вперишь свои взоры. И слухом, и умом весь ты обратился в слушателя — так ты любишь меня. Что же есть такое во мне или много ли есть во мне такого, что проникало бы в твое сердце? Скучный ум приносит и плоды скучные: он не обременяется, подобно плодоносной земле, богатыми колосьями. Впрочем, я приступлю к делу с теми силами, какие имею, тем более что и самый предмет слова помогает мне. Пусть щеголяет богатое красноречие свою изворотливостью в судебных местах и в публичных речах, произносимых среди народных собраний. Где идет речь о Господе Боге, там чистое и искреннее слово ищет доказательств. Для веры не в силе красноречия, а в самой вещи. Итак, ожидай от меня не красноречия, а силы, не речей, прикрашенных витиеватыми оборотами, какими увлекается толпа, а безыскусственного, сильного простою истиною слова благодати Божией. Ты услышишь от меня то, что знают прежде, нежели научаются, и что приобретается не длинным рядом лет, не продолжительным размышлением, но случается наикратчайшим путем от благодати, сразу доставляющей духовную зрелость.

Когда я находился во тьме и в глубоком ослеплении, когда, исполненный нерешительности и сомнения, я носился и блуждал в море этого бурного века, когда я не признавал самого образа моей жизни и чужд был света и истины, тогда, согласно с моим прежним образом мыслей, я считал весьма трудным и даже невозможным то, что благодать Божия обещала мне ко спасению, именно чтобы человек мог вновь родиться и, одушевленный для новой жизни водами спасительного крещения, мог отложить все то, чем был он прежде и при том же самом телесном составе сделаться другим человеком по уму и сердцу. Как возможна, думал я, такая перемена, чтобы человек вдруг совлекся того, что или, как прирожденное, отвердело до степени грубой материи, или, как нажитое, внедрилось вместе с годами? Нет, зло слишком глубоко пустило корни! Научится ли когда бережливости тот, кто привык к великолепным пиршествам и роскошным обедам? Покажется ли когда-нибудь народу в обыкновенном простом платье тот, на ком всегда сияли драгоценные, блестящие одежды и багряница? Нет, кто привык забавляться венками; и другими почестями, тот никогда не захочет быть частным и незнатным человеком. Всегда сопровождаемый своими клиентами, окружаемый в знак почести многочисленной толпою раболепствующего ему народа, он почитает наказанием, когда бывает один. Как раб беспрепятственных забав, он не может отстать от привычного пьянства; его надмевает

гордость, воспламеняет гнев, подстрекает корысть, разжигает жестокость, услаждает честолюбие, увлекает похоть.

Так часто рассуждал я сам собою, ибо и сам прежде опутан был весьма многими заблуждениями, от которых совсем не надеялся освободиться. Покорствуя укоренившимся страстям своим и не надеясь на лучшее, я благоприятствовал своему злу, как будто бы оно было естественно во мне. Но, когда возрождающие воды омыли пятна прежней моей жизни и в очищенное и оправданное сердце пролился небесный свет, когда, приняв Духа Небесного, соделался я по второму рождению новым человеком, — тогда чудным образом сомнения разрешились в уверенность; тайны начали открываться, мрак исчезать; то, что прежде казалось трудным, сод слалось удобным, невозможное стало возможным; я начал познавать, что вся мояпрежняя плотская жизнь, проведенная во грехах, была жизнь земная и что теперь только началась жизнь Божия, одушевляемая Святым Духом. Сам ты, конечно, знаешь и так же, как и я, помнишь, что мы потеряли и что приобрели, умерев [в крещении] для греха, ожив для добродетели. Сам ты знаешь это без моего напоминания. Хвалиться самим собою предосудительно, но не может быть самохвальством, а служит знаком благодарности все то, что не силам человеческим приписывается, но относится к славе дел Божиих. Так, жизнь безгрешная есть благословенный плод истинной веры; подобно как грешная жизнь прежде веры — плод заблуждений человеческих! Божие дело, говорю, Божие дело есть все то, что мы можем; о Нем живем, Его силою мы сильны; от Него заимствуя крепость, мы еще здесь, на земле, проразумеваем будущее. Да будет только страх блюстителем непорочности, чтобы Господь, наитием Небесной благодати милостиво водворившийся в душах наших, за достойное послушание наше пребывал у нас в обители веселящегося сердца; приобретенная безопасность да не возродит нерадения, да не подползет паки враг древний.

Впрочем, если ты держишься пути непорочности и правды, если идешь по нему с непреткновенною твердостью, если ты, утверждаясь в Боге всеми силами и всем сердцем, пребываешь тем, чем начал быть, — то тебе дастся свобода по мере умножения духовной благодати. Ибо в принятии небесных даров нет меры, с какою обыкновение принимаются благотворения на земле; щедро изливающаяся благодать Духа не стесняется никакими пределами; она течет непрестанно, богатит преизбыточно. Лишь бы только жаждало и было отверсто наше сердце; мы столько почерпаем от избытка благодати, сколько имеем веры, способной к ее принятию. Она дарует способность трезвенною чистотою, непорочною мыслью, чистым словом, непритворною добродетелью уничтожать ядотвориую силу греха, очищать скверны развращенных сердец, возвращая им здравие, примирять врагов, успокаивать беспокойных; смягчать свирепствующих, грозными заклинаниями понуждать к признанию нечистых духов, вселяющихся в человека для господства над ним, — да престанут поражать человечество жестокими ударами; да престанут умножать число страждущих, рыдающих, сетующих, распространяя повсюду свои казни, да престанут убивать людей бичом и пламенем. Дело это делается невидимо; удары неприметны, но казнь очевидна. Таким образом, вселяясь в нас. Дух благодати уже начинает проявлять свою могущественную силу, хотя мы тела своего с членами еще и не переменили на другое; впрочем, наше око не затмевается уже мраком века сего. Какое могущество, какая сила души! Кто очистился и пребывает чист, тот не только сам себя охраняет от мирских соблазнов, не только не уловляется никакою сетью нападающего на него врага, но и укрепляется в своих силах до того, что над всем воинством противника господствует по своей воле, как повелитель.

Но, дабы, открыв истину, яснее видеть следы звания Божия, я покажу тебе, каков свет, и, разогнав мрак заблуждений, открою самые тайные завесы, под которыми скрывается отвратительный образ мира. Представь на некоторое время, что ты взошел на высокую вершину

крутой горы и смотришь оттуда на лежащие внизу предметы. Вознесшись над всем земным, не находя нигде преграды своим взорам, смотри на вихри волнующегося мира. Ты сам пожалеешь о нем и, вспоминая о своем прежнем состоянии, проникнутый благодарностью к Богу, гораздо более обрадуешься тому, что из него вышел—Смотри: дороги преграждены разбойниками, моря наполнены везде кровавыми ужасами. Вселенная обагрена кровью человеческой; убийство, почитаемое преступлением, когда совершается частными людьми, слывет добродетелью, когда совершается открыто; злодейства освобождаются от казней не по закону невинности, но по великости бесчеловечия.

Ежели обратишь взоры свои к городам, то найдешь шумное многолюдство, более жалкое, нежели всякая пустыня. Готовятся гладиаторские зрелища, дабы кровью доставить удовольствие прихоти кровожадных глаз. Тело от питательных яств наполняется соками, и крепкий состав его тучнеет, дабы обреченному на казнь веселее было погибнуть. Убивают человека в удовольствие человеку; убийство вошло в обыкновение, в искусство, в науку; люди не только злодействуют, но и обучают злодействам. Что может быть более бесчеловечнее, более жестоко? Учат, как убивать, и убийцы славны тем, что убивают! Что это такое, скажи мне? От чего происходит, что отдают себя зверям те, которых никто не осуждал на это? Люди цветущих лет, довольно благообразные, в блестящих одеждах, заживо украшают себя па произвольное погребение к, несчастные, хвалятся еще своей гибелью! Вступают в сражение со зверями не за преступление, а по страсти. Отцы смотрят на гибель своих детей; брат с сестрой сидят в партере; сама мать ~ что может быть достойнее сожаления?! — сама мать покупает для себя место на зрелище, платит за будущие свои вопли и отчаяние! И зрители столь нечестивых, столь бесчеловечных и ужасных позорищ нимало не помышляют о том, что их кровожадные взоры — существенная причина кровопролития и убийства.

Отсюда обрати взор на другие, не менее жалкие и опасные для нравов зрелища: в театрах также ты увидишь то, что произведет в тебе и горечь, и стыд. Там трагик возвышенным слогом рассказывает о древних злодеяниях: омерзительные предания об убийствах и кровосмешениях повторяются в живом действии, как события настоящие, чтобы учиненное некогда злодейство не вышло из памяти потомства—Стараются внушить всем и каждому, что нет невозможности случиться снова тому, что уже случилось: преступлениям дают переживать века, всеистребляющему времени не позволяют истреблять памяти злодейств, пороку не допускают приходить в забвение, давно минувшие мерзости обращаются в живые примеры. Присутствуя на комических представлениях, одни повторяют пороки, которые им известны по домашней их жизни, другие учатся, как можно быть порочным. Смотря на прелюбодейство, учатся прелюбодейству; открытое потворство злу располагает к порокам, и женщина, пришедшая на зрелище, может быть, целомудренною, выходит из него бесстыдною. Сколько соблазнов в комедиантских телодвижениях! Сколько заразы для нравов! Сколько примеров бесстыдства! Сколько пищи для разврата! Какое противоестественное и непотребное искусство вырабатывается там? Мужчины превращаются в женщин, так что вся честь и крепость пола бесчестится видом изнеженности тела, и, чем кто лучше успеет преобразиться из мужчины в женщину, тем больше нравится — за большее преступление получает большую похвалу и, чем становится гнуснее, тем считается искуснее. И вот на него смотрят, и — какое нечестие! — смотрят с удовольствием. Чему не научит подобный человек! Он возбуждает чувство, щекочет страсть, усыпляет самую трезвую совесть доброго сердца; ласкающий порок имеет столько силы, чтобы под приятности» внести пагубу для человека. Представляют бесстыдную Венеру, неистового Марса; представляют также Юпитера, этого верховного царя вселенной или, лучше, всех пороков, как он вместе со своими молниями горит страстию земной любви... Рассуди сам, может ли тот, кто на все сие смотрит, быть человеком честным и целомудренным! Они

подражают своим богам, которым поклоняются, — несчастные! Они боготворят и самые страсти.

О, если бы ты мог с этой высоты проникнуть своим взором в их уединение, открыть потаенные двери в их покои и со светильником совести войти во внутренние их храмины! Ты увидел бы, что эти безумные делают то, на что не может смотреть целомудренное око, ты увидел бы то, что видеть преступно, ты увидел бы, что обезумевшие от пороков отрицают сделанное и спешат делать то, что отрицали. Мужчины похотствуют с мужчинами. Делается то, что не нравится самим делающим. Тот, кто таков сам, других в том же обличает: худой бесславит худых и думает, что тем самым сделался прав, как будто недовольно угрызений совести! Одни и те же обличают то, что делают тайно: в лице других изрекают суд над собственными преступлениями. Не терпят по наружности того, чему благоприятствуют внутренне: сами охотно делают, а винят за то же самое других. Наглость-, достойная гнусности порока! Бесстыдство, совершенно приличное потерявшим совесть! Не дивись, что эти люди говорят таким языком — их уста никогда не превзойдут в разврате их сердца.

Но после опасных дорог, после многоразличных браней, рассеянных по всему миру, после кровавых или гнусных зрелищ, после мерзостей сладострастия, совершаемых публично в непотребных домах или скрывающихся внутри домашних стен, где обыкновенно бывают тем необузданнее, чем неприметнее, — торжище, может быть, покажется тебе невинным, свободным от наглых обид, неприступным для соблазнительного бесчинства. Хорошо, обрати туда взор свой. И здесь встретишь множество тех же самых мерзостей, достойных отвращения, и тем скорее поспешишь отвратить оттуда свои взоры. Какая польза, что законы начертаны на двенадцати досках, что права, выбитые на меди, открыто для всех выставлены? Нарушают законы среди самих законов, попирают права при самих правах. Невинность не находит защиты и там, где ее прибежище. Взаимные раздоры неистовствуют до бешенства, нет мира и среди мирных тог, и скромное торжище оглушается неистовыми криками. Там все готово: копье, и меч, и палач; когти для терзания, деревянный конь для пытки, огонь для жжения; для одного тела человеческого гораздо больше готово казней, нежели сколько в нем находится членов. Кто защитит среди этих ужасов? Покровитель? Но он вероломец и обманщик. Судья? Но у него приговор продажный. Кто поставлен наказывать преступления, тот сам преступник; обвиняемый погибает невинно потому только, что судья виновен. Везде свирепствует пламень греха, яд пороков являет свою силу над бесчисленными сердцами в неисчислимых видах. Один делает ложное завещание, другой с утоловно-преступным обманом подписывает его; здесь отчуждают от наследства детей, там отдают имение совсем чужому человеку. Противник обвиняет, клеветник настраивает, свидетель лжет; с обеих сторон наглость лживого и продажного языка старается придать обману и преступлению вид истины и справедливости, а оттого с виновным гибнут и невинные. Законов совсем не боятся: не страшатся ни следователей, ни судей — что можно подкупить, то нестрашно. Быть невинным среди виновных есть уже преступление:

кто не подражает худым людям, тот уже оскорбляет их. Права уравнились с пороками, и то, что делается открыто, перестало быть недозволенным. И какой совести, какой справедливости ожидать там, где совсем нет людей, которые могли бы осуждать порок, где толпятся одни те, которые должны подлежать осуждению?

Но, дабы не показалось тебе, что я нарочно выбираю худшие предметы и в намерении расстроить твой ум и зрение вожу тебя по таким местам, жалкий и отвратительный вид которых оскорбителен для совестливого взора, я покажу тебе то, что в мире по невежеству почитают добрым; ты увидишь, что и это стоит только презрения. Как думаешь ты о почестях, о венках, о несметных богатствах, о воинском могуществе, о пурпуре, что на судьях; о вольности и силе, какими пользуются люди, облеченные властью? Вред приятного по виду нечестия скрыт, весел

вид улыбающегося порока, но под обманчивою наружностью таится пагуба. Это яд, которому хитрое коварство придает вкус сладости, чтобы он удобнее был принят: кажется, ты берешь стакан с питьем; но, коль скоро выпьешь, погибель неизбежна. Вот встречается с тобою кто-нибудь в великолепной одежде, в блестящей багрянице; но знаешь ли, какими подлостями купил он сей блеск? Сколько прежде претерпел он презрения от горделивцев? Сколько по утрам просиживал у пыльных входов со своими приветствиями? Сколько раз, теснясь по углам людских комнат, опережал подобных ему искателей, чтобы после к нему самому приходили непрестанно такие же поздравители с почтением, раболепствующим не человеку, но власти? Ибо ему оказывают почтение не потому, что уважают его добродетели, а потому, что пред ним носят венки. Посмотри на их гнусный конец. Когда лицемер, умевший пользоваться временем, упадет; когда подлые ласкатели должны будут оставить его, как человека, лишенного власти, тогда бедствия разоренного семейства поражают совесть, тогда в полной мере чувствуют потерю расточенного имения, которым покупаема была неверная любовь легкомысленного народа.

И богатые, проводящие жизнь в беспрестанных забавах, которые, не терпя того, чтобы с ними в соседстве жили бедные, расширяют на бесконечное пространство свои поместья, у которых множество серебра и золота, у которых насыпаны или зарыты в земле огромные груды денег; и они трепещут со всеми своими сокровищами, мучаются опасениями, чтобы не разграбил их тать, не разорил разбойник или какой-нибудь более богатый враг из зависти не потревожил их несправедливыми тяжбами—Богач не ест, не спит. Воздыхает на пиршествах, хотя бы пил из сосудов, осыпанных драгоценными камнями; и хотя иссохшее тело его покоится на самом великолепном ложе, однако он и в пуху не засыпает: не знает, несчастный, что он сам бывает виною блистательных по наружности мучений, прилепляясь к золоту и раболепствуя богатствам и сокровищам, вместо того чтобы быть их обладателем—О ужасное ослепление сердца! О глубокое омрачение неистовой страсти! Вместо того чтобы свергнуть с себя тяжкое бремя, человек продолжает гоняться за мучительным счастьем и слепо тянется к подавляющим его грудам. Он яе оказывает никакой щедрости к тем, которые почитают его покровителем; нисколько не уделяет неимущим: деньги называет он своею собственностью и, как чуждое имущество, заперев дома, стережет их с беспокойною заботливостью и из них ни друзьям, ни детям, ни даже самому себе ничего не уделяет. Он обладает ими только для того, чтобы не обладал другой. И какое разнообразие в названиях! Называют благами даже такие вещи, из которых нельзя сделать никакого употребления, разве только употребив их на худое.

По твоему мнению, может быть, безопасны по крайней мере те, которых окружает блеск золотых чертогов и охраняет стража оруженосцев? Но такие люди боятся более, нежели кто другой. Чем больше кого боятся, тем больше причины бояться тому самому. По мере возвышения человека возрастает для него и опасность, хотя бы защищали его руки телохранителей, хотя он всегда был под прикрытием многочисленной стражи—Чем меньше позволяет он быть спокойным другим, тем меньше может быть спокоен и сам. Власть страшна прежде всего для самих властителей, которых делает страшными для других. Она улыбается, дабы свирепствовать; ласкает, дабы обмануть; привлекает, дабы убить; возносит, дабы низвергнуть по некоторому закону возмездия за большую честь и знатность большими и лишениями.

Итак, то одно спокойствие верно, та только безопасность крепка, тверда и постоянна, когда человек, освободись от вихрей мятежного века, утвердит свое пребывание в спасительной пристани; когда он от земли возносит взоры к небу и, вступив в звание сына Господня, приблизившись к Богу своим сердцем, ниже себя считает все то, что другим в круге вещей человеческих кажется высоким и величественным. Кто выше века сего, тот ничего уже не может от него ни желать, ни требовать. Какая твердая, какая непоколебимая оборона, какая небесная помощь для обладания вечными благами заключается в том, чтобы быть свободным от сетей

лукавого мира, чистым от земного тления, способным обитать во свете бессмертия! В этом состоянии мы ясно можем видеть, с какою хитростью прежде напал на нас непримиримый враг для нашего погубления. Когда мы знаем и осуждаем то, чем были, то в этом самом имеем сильнейшее побуждение стремиться к тому, чем должны быть. Для этого не нужно ни денег, ни домогательств, ни усилий, ни неусыпных трудов, которыми приобретаются высокие достоинства и власть человеческая. Это дар Божий и дело легкое. Как солнце само собою светит, ручей сам собою течет, дождь сам собою орошает, так сам собою проливается Небесный Дух. Как только душа, взирая на небо, познает своего Творца, то, вознесшись превыше земли и всего земного величия, начинает быть тем, чем себя почитает. Только ты сам, запечатленный уже знамением небесного воина, облеченный во всеоружие благодати, соблюдай ненарушимо правила своего знания исполнением святых добродетелей. Занимайся тщательнее либо молитвою, либо чтением — и будешь то сам с Богом беседовать, то Бог с тобою. Да наставит Он тебя в своих заповедях, Он да управит тобою; кого Он обогатит, того никто не сделает бедным. Не может быть бедным тот, чье сердце однажды насытилось небесным брашном. Ты тотчас возгнушаешься испещренными золотом сводами и стенами, покрытыми дорогим мрамором, когда узнаешь, что наипаче должно украшать себя самого, что лучший для тебя дом есть тот, в котором, как во храме, обитает Господь, в котором утвердил свое жилище Дух Святой. Украсим сей дом лепотою непорочности, освятим светом правды. Он никогда не развалится от ветхости; живописные краски или позолота, полиняв на стенах, никогда не обезобразят его. Все обманчивое тленно, и нельзя быть твердо уверенным во обладании тем, чем нельзя обладать постоянно, Истинные украшения всегда имеют цену, истинные почести невредимы, истинный блеск продолжителен; они не могут ни обветшать, ни помрачиться; могут только преобразоваться в лучший вид при воскресении тела. Вот в кратких словах то, о чем я хотел побеседовать с тобою, любезнейший Донат. Знаю, что сердце доброе и терпеливое, ум твердый, вера крепкая услаждаются слышанием спасительных истин; знаю и то, что для твоего слуха нет ничего столь приятного, как то, что приятно Богу; однако сократим беседу, ибо мы живем вместе и имеем случай и впредь часто беседовать, И так как теперь праздник и время свободное, то весь остаток дня до самого вечера проведем в веселии; не останемся ни на одну минуту без участия в пире Небесной благодати. Да огласится он трезвенным псалмопением; и так как у тебя память крепкая, голос звучный, то начни сам это пение по обычаю. Тем приятнее будут песни духовные, если, внимая им духовно, будем находить в них благочестивое удовольствие для слуха телесного.

Письмо к Рогациану о диаконе, оскорбившем епископа

Киприан брату Рогациану желает здоровья.

Тяжкою скорбию поражены были — я и находившиеся здесь мои товарищи, когда прочитали, возлюбленный брат, письмо твое, в котором ты жалуешься на своего диакона за то, что он, забывши о твоём священническом звании и о служебной своей обязанности, огорчил тебя ругательствами и своими неправдами. Между тем, ты поступил с ним почтительно в отношении к нам и сообразно с твоим обычным смирением, признав за лучшее пожаловаться нам на него, тогда как, по власти епископской и по важности кафедры, ты мог и сам наказать его немедленно, будучи уверен, что мы, твои товарищи, одобрили бы все, что ты ни сделал бы с этим буйным диаконом по священнической власти, имея касательно подобных людей Божественные наставления. Так Господь Бог говорит во Второзаконии: и человек, иже сотворит в гордости, еже не послушати жерца... или судии, иже в ты я дни будет, да умрет человек той, и вси людие услышавше убоятся и не будут нечестновати ктому (Втор. 17:12–13). А что эти Божественные слова с истинным и высочайшим величием Божиим произнесены с тем, чтобы священники Божий были почитаемы и отмщеваемы, видно из того, что Хорей, Дафан и Авирон, служившие священнику Аарону, как только дерзнули восстать на него, гордиться пред ним и считать себя равными начальствующему священнику, немедленно, будучи поглощены и пожраны разверзшеюся землею, восприяли наказание за святотатственную дерзость. И не они одни, но и прочие двести пятьдесят человек, участвовавшие в их возмущении, были пожраны нисшедшим от Бога огнем, чтобы стало очевидным, что священники Божий отмщеваются Тем, Кто поставляет священников. Также в книге Царств говорится, что когда иудейским народом оказано было презрение священнику Самуилу за его старость, как теперь тебе, Бог во гневе сказал: не тебе уничижиша, но Мене уничижиша (1 Цар. 8:7), и в наказание за это воздвиг им царя Саула с тем, чтобы тот, угнетая их тяжкими неправдами, смирил и уничижил разными озлоблениями и наказаниями гордый народ; и таким-то образом было воздано этому гордому народу Божеское отмщение за уничиженного священника. Соломон, наставленный Святым Духом, тоже свидетельствует о священническом достоинстве и власти, давая наставление в следующих словах: всею душею твоею благоговей Господеви, и иереи Его чти. И еще: всею силою твоею... бойся Господа и прослави иерея^[1]. Помня эти заповеди, блаженный апостол Павел, как читаем в Деяниях Апостольских, — когда ему сказали: архиерею ли Божию досаждаеши? отвечал: не ведах, братие, яко архиерей есть: писано бо есть: князю людей твоих да не речеши зла (Деян. 23:5). Сам Господь наш Иисус Христос, Царь, Судья и Бог наш, даже до дня Своих страданий оказывал почтение архиереям и священникам, хотя они не имели ни страха Божия, ни познания Христа. Так, когда Он очистил прокаженного, то сказал ему: шед покажися иереови, и принеси дар (Мф. 8:4). По смирению, которое внушал и нам, Он все еще называл иереем того, кого знал как святотатца. Также, когда во время страданий Его ударили в ланиту и сказали: тако ли отвещаваеши архиереови? — Он не сказал ничего оскорбительного для лица архиерея, но только, защищая Свою невинность, отвечал: аще зле глаголах, свидетельствуй о зле: аще ли добре, что Мя биеши? (Ин. 18:22–23). Во всех случаях поступал так терпеливо для того, чтобы и нам подать пример кротости и терпения. Будучи почтителен к священникам лживым, Он этим учил нас оказывать истинным священникам законное и полное уважение. Притом диаконы должны помнить, что апостолов, то есть епископов и предстоятелей, избрал Сам Господь, а диаконов, по Вознесении Господа на небо, постановили апостолы, как служителей своего епископского звания в Церкви. Итак, если бы мы дерзали восставать против Бога, Который поставляет епископов, то могли бы восставать и против нас диаконы, поставляемые нами (Деян.

6:5–6). И потому Диакон, о котором ты пишешь, должен раскаяться в своей дерзости, признать достоинство священства и полным смирением загладить вину свою пред епископом, своим начальником. Ибо усилия еретиков и зломыслящих раскольников начинаются обыкновенно с самоугождения, соединенного с надменным и гордым презрением к предстоятелю. Так совершается отступление от Церкви и осквернение алтаря, так возмущается мир Христов, чиноположение и единство Божие. Если этот диакон будет и впредь огорчать и оскорблять тебя своими бесчинствами, то употреби над ним власть своего сана, низложив его или усмирив. Апостол Павел, пиша к Тимофею, сказал: никтоже о юности твоей да не радит (Тим. 4:12); тем более должны сказать о тебе твои товарищи: никтоже о старости твоей да не радит. А как ты писал, что к диакону пристал еще кто–то и сделался сообщником его гордости и дерзости, то и сего, а также и всех других, если есть такие, восставшие на священника Божия, нужно или отлучить или усмирить. Мы же увещеваем и просим: пусть они лучше познают свой грех, пусть загладят вину свою, признав за нами наше право; потому что мы желаем и стараемся скорее милосердием и терпением побеждать оскорбления и обиды каждого, нежели наказывать за них по власти священства.

Желаю тебе, возлюбленный брат, всегда быть в добром здоровье.

Письмо к мученикам и исповедникам, просившим даровать мир павшим

Киприан мученикам и исповедникам, возлюбленнейшим братьям, желает здоровья. Обязанности моего звания и страх Господень заставляют меня напомнить вам письменно, мужественнейшие и блаженнейшие братья, чтобы вы, с таким самоотвержением и с таким мужеством хранящие веру Господню, сохраняли также закон и учение Господа. Ибо, если всем воинам Христовым должно соблюдать заповеди своего Владыки, то тем более должно хранить заповеди Его вам, которые соделались для прочих примером мужества и страха Божия. И до сих пор я был уверен, что находящиеся там у вас пресвитеры и диаконы руководствуют вас своими советами и самым полным образом наставляют в законе евангельском, как это и прежде всегда делалось при наших предшественниках; тогда диаконы обязаны были, посещая темницы, своим советом и внушением заповедей Писания давать направления желаниям мучеников. Но теперь с величайшею болезнью сердца узнаю, что там не только не внушают вам Божественных заповедей, но еще и противодействуют им; что некоторые пресвитеры отвергают даже то, что вами самими делается и осмотрительно в отношении к Богу, и почтительно в отношении к Божию священнику. Так, письмом своим ко мне вы просили рассмотреть ваши желания и даровать мир некоторым падшим тогда, как кончится гонение и мы, соединившись с клиром, станем снова собираться вместе; а те пресвитеры, не имея ни страха Божия, ни уважения к епископу, вопреки закону евангельскому и вопреки почтительной вашей просьбе, прежде принесения покаяния падшими, прежде исповедания самого тяжкого и величайшего преступления, прежде возложения на них руки епископом и клиром в знак покаяния, дерзают возносить за них жертву и преподавать им Евхаристию, т. е. ругаться над святым телом Господа, как написано:

Иже аще яст хлеб или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господней. И в этом можно еще извинить падших, потому что кто же из обреченных смерти не пожелал бы скорее получить жизнь? Кто не захотел бы поспешить к своему спасению? Но долг предстоятелей — держаться заповеди и вразумлять как поспешающих, так и неведущих, иначе должныствующие быть пастырями овец соделаются хищниками. Ибо позволить то, что влечет к погибели, — значит обманывать: через это не восстанавливается падший, а только, вновь оскорбляя Бога, еще более увлекается к погибели. Итак, пусть по крайней мере от вас они научатся тому, чему должны были сами учить. Прощения и желания ваши пусть представят епископу и для дарования по вашему прощению мира пусть подождут удобного и благоприятного времени. Нужно, чтобы прежде мать получила мир от Господа, тогда уже можно будет, согласно вашему желанию, рассуждать о мире детей. А так как я слышу, мужественнейшие и возлюбленнейшие братья, что некоторые бесстыдно докучают вам и насилуют вашу скромность, то всеми возможными мольбами молю вас, чтобы вы, помня Евангелие и соображаясь с тем, что и сколько позволяли себе прежде предшественники ваши, мученики, как они были во всем внимательны, чтобы и вы также внимательно и осторожно взвешивали желания просящих, чтобы и вы, как други Господа, которые некогда будете судить вместе с ним, вникали в проступки, и в дела, и в заслуги каждого, роды и качества самих преступлений, чтобы не постыдилась Церковь наша перед самими язычниками, если что-нибудь неосмотрительно и недостойно будет или вами обещано, или много сделано. Нас часто посещает и вразумляет Господь, напоминая ненарушимо и свято соблюдать Его заповеди. Это же, как я замечаю, бывает там и у вас; весьма многие из вас получают Божественное

вразумление относительно учения Церкви. Все же это может быть, если только то, чего от вас просят, вы будете умерять благочестивым рассмотрением, стараясь понять и обуздать тех, которые при помощи притворства ищут в ваших благодеяниях случая или заслужить благодарность, или приобрести непозволительные выгоды.

Об этом я писал письма к клиру и к народу, поручив те письма прочитать вам. Да не оставьте тщательно заботиться о том, чтобы поименно были вами означаемы те, для которых испрашивает мир; а то слышно, что некоторым даются такие свидетельства, в которых говорится только: «Да имеет он общение со своими», чего решительно никогда не допускалось мучениками, потому что неопределенное и безымянное ходатайство только умножит впоследствии неудовольствие к нам. Слова «он со своими» имеют обширное значение, и к нам могут являться по двадцати, тридцати и более человек, уверяя, что они родные, свойственники, вольноотпущенные и слуги того, кто получил свидетельство. И потому прошу поименно означать в свидетельстве тех, которых вы сами видели, знаете и покаяния которых находите более или менее удовлетворительными; и такие только письма, сообразные с верою и учением, присылайте к нам.

Желаю вам, мужественнейшие и возлюбленнейшие братья, всегда здравствовать о Господе и помнить о нас. Прощайте.

Письмо к народу

Киприан братьям из народа желает здоровья. Я знаю по себе, возлюбленнейшие братья, как вы сетуете и болезируете о падении братьев наших, потому что и сам я сетую с вами и болезную о каждом, вполне чувствуя сказанное блаженным Апостолом. *Кто изнемогает, — говорит он, — и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжигаются?* (2 Кор. 11:29). Он же заметил еще в своем послании: *Аще страждет един уд, с ним страждут вси уди, аще ли славится един уд, с ним радуются вси уди* (1 Кор. 12:26). Итак, я сострадаю и соболезную о братьях наших, которые не устояли против напора гонения и падением своим увлекли некоторых чад наших; своими ранами они причинили боль и нам. Улучивать их может Божественное милосердие, но при этом, я думаю, не должно спешить, ничего не должно делать неосмотрительно и поспешно, чтобы безрассудным оскорблением мира не навлечь еще более гнева оскорбленного Господа. Блаженные мученики письменно ходатайствовали за некоторых, прося рассмотреть их желания, когда Господь дарует всем нам мир; тогда по возвращении нашем к Церкви все будет исследовано в присутствии и по суду вашему; между тем я слышу, что некоторые пресвитеры, не помня о Евангелии, не обращая внимания на то, что писали к нам мученики, с неуважением к священному сану епископа и его кафедры вошли уже в общение с падшими, молятся за них и преподают им Евхаристию, тогда как надлежало дойти к тому по порядку. Ибо если при меньших преступлениях, соделанных не против Господа, требуется принесение покаяния в определенное время, совершение исповеди с рассмотрением жизни кающегося, и никто не может войти в общение прежде возложения на него руки епископом и клиром, то во сколько же более при этих самых тяжких и крайних преступлениях надлежит все делать осмотрительно и обдуманно, согласно учению Господа. И об этом должны были напомнить диаконы, чтобы подкрепить вверенных им овец и Божественным учением наставить на путь желанного спасения; а наш народ, как я знаю, смирен и боязлив: падшие бдительно позаботились бы об удовлетворении и умилоствлении Бога, если бы некоторые угодливые пресвитеры не обманули их. Итак, по крайней мере, вы руководите каждого и своим советом и наставлением настройте души падших сообразоваться с Божественными заповедями. Пусть никто неблаговременно не срывает незрелого плода, пусть никто потрясенного и пробитого волнами корабля своего не вверяет снова морю, не исправив сперва тщательно, пусть никто не берет и не надевает разодранной одежды, пока, искусно починенная, она не будет вручена ему исправленной мастером. Молю, пусть терпеливо выслушают совет наш и подождут возвращения нашего; а когда мы по милосердию Божию придем к вам, то по созвании многих епископов, в присутствии исповедников и согласно вашему мнению можно будет, применяясь к Божественному учению, рассмотреть письма блаженных мучеников и их желания. Об этом я писал письма к клиру, и к мученикам, и исповедникам, поручил прочитать те письма и вам. Желая вам, возлюбленнейшие и вождественнейшие братья, всегда здравствовать о Господе и помнить о нас. Прощайте.

Письмо к клиру о падших и оглашенных, чтобы разрешать их при смерти

Киприан пресвитерам и диаконам, братьям, желает здоровья. Удивляюсь, возлюбленнейшие братья, что на многие и частые мои к вам письма вы ничего мне не отвечали, тогда как, получивши от вас сведение, я мог бы рассудить, как повести дела, чтобы таким образом всячески содействовать и пользе, и нуждам нашего братства. Между тем как я не вижу еще возможности прийти к вам, а уже наступило лето — время, когда беспрестанно свирепствуют тяжкие болезни, то почитаю нужным предупредить братьев наших о том, что получившие свидетельства от мучеников, которых заслуга может споспешествовать им пред Богом, могут в случае постигшего их какого-либо бедствия и опасной болезни, не ожидая присутствия нашего, исповедать свой грех перед всяким, какой тут случится, пресвитером идя даже если нельзя будет найти пресвитера, а им будет угрожать смерть, то перед диаконом; затем, по возложении руки на них, в знак покаяния да отходят ко Господу с миром, который письменно спрашивали для них мученики. Поддерживайте также своим присутствием и остальную часть падшего народа, утешая и побуждая не оскудевать в вере и не отчаиваться в милосердии Божиим; потому что те, которые при кротости, смирении и истинном покаянии пребудут непоколебимы в добрых делах, не будут лишены Божественной помощи и подкрепления и им также преподается Божественное врачевство. Будьте бдительны и в отношении оглашенных: когда они в случае угрожающей опасности и близкой кончины будут умолять о Божественном прощении, да не будет и им отказано в милосердии Господа. Желая вам, возлюбленнейшие братья, всегда здравствовать я помню о нас. Приветствуйте моим именем все братство и усердно просите помнить о нас. Прощайте.

Письмо павшим

Господь наш. Чьи заповеди мы должны с трепетом соблюдать, определяя честь епископского сана и устроая Церковь, говорит в Евангелии, обращаясь к Петру: *«И Я говорю тебе: ты—Петр, и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»* (Мф. 16:18—19). С тех пор епископы поставляются в преемственности непрерывной, и Церковь устроена так, что она стоит на епископах и вся жизнь ее управляется этими предстоятелями. Так устроено по закону Господню, и я удивляюсь, что некоторые дерзко и безрассудно написали ко мне, обращаясь как бы от имени Церкви, тогда как Церковь стоит на епископах, клире и на всех устоявших в вере. Господь, милосердный и всевластный, да не допустит называться Церковью какое-то число «павших». Написано ведь *«Бог не есть Бог мертвых, но живых»* (Мф. 22:32). Мы желаем, конечно, чтобы все ожили; просим, чтобы по нашим слезным мольбам они вернулись в прежнее состояние. Если же они желают быть Церковью и если у них и в них есть Церковь, то что остается нам делать, как не просить их, чтобы они удостоили принять нас в свою Церковь? Уничижеными, тихими и скромными подобает быть тем, кто, помня о своем преступлении, должны умилоствовать Господа, а не составлять письма от имени Церкви, тем более зная, что они обращаются именно к Церкви.

Писали ко мне некоторые из «павших»: смиренные, кроткие, богобоязненные, всегда трудившиеся в церквах добросовестно и со славой и никогда не выставлявшие свою работу, как заслугу перед Господом, зная, что Он сказал: *«Когда всё это исполните, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»* (Лк. 17:10). Думая об этом, они, хотя и получили от мучеников «записки», обратились ко мне с просьбой: они сознают свое преступление, искренне каются, не торопятся получить «мир», без времени и не имея к тому основания, но будут ждать нашего прибытия, потому что, говорят они, самый «мир», полученный в нашем присутствии, будет для них слаще. Господь — свидетель, как я радовался на них: Он удостоил показать, чего, по благодати Его, заслуживают такие и подобные им рабы. Я получил это письмо, а сейчас читаю в вашем совсем другое. Выделите, прошу вас, каждый свои желания, и кто бы ни были вы, приславшие мне это письмо, подпишитесь под вашим заявлением и перешлите мне это заявление с именами каждого. Надо сначала знать, кому отвечать. Тогда я отвечу на каждый запрос в соответствии с моим саном и линией поведения, которого придерживается мое смирение. Желая вам, братья, здравствовать и вести себя тихо и спокойно, в соответствии с правилами Господними.

Письмо к Фиду, о крещении детей

Киприан и прочие товарищи, присутствовавшие на Соборе в числе 66: Фиду, брату, желают здоровья.

Мы прочитали твое письмо, возлюбленный брат, в котором извещаешь, что товарищ наш Ферापий преждевременно и слишком поспешно даровал мир бывшему когда-то пресвитером Виктору прежде принесения им полного покаяния и удовлетворения Господу Богу, пред которым тот согрешил. Дело это сильно смутило нас, так как мир дарован ему с нарушением важности нашего определения, дарован прежде исполнения законного времени покаяния и удовлетворения, без прошения с его стороны и без одобрения народа, при отсутствии всякой настоятельной немоги и нудящей необходимости. Впрочем, после долгого рассуждения мы признали достаточным сделать товарищу нашему, Ферапию, выговор за этот безрассудный поступок его и внушить ему, чтобы впоследствии он не делал ничего подобного. Между тем мы не почли нужным отнимать мир, однажды каким бы то ни было образом дарованный священником Божиим, и потому позволили Виктору пользоваться предоставленным ему общением.

Что же касается дела о младенцах, которых, по словам твоим, не должно крестить во второй или третий день со дня их рождения, а должно сообразоваться с законом древнего обрезания, и рожденного, как ты думаешь, ни крестить, ни освящать прежде восьмого дня, — то это обстоятельство представилось на нашем Соборе совершенно иначе. Никто не согласился с твоим мнением об этом деле — напротив, все мы за лучшее почли ни одного родившегося человека не лишать милосердия и благодати Божией. Если Сам Господь в Евангелии Своим говорит, что Сын человеческий не прииде душ человеческих погубить, но спасти (Лк. 9:56), то, сколько это от нас зависит, ни одна душа не должна погибнуть, если это возможно. Да и чего еще недостает тому, кто однажды навсегда образован во утробе руками Божиими? Только нам и глазам нашим представляется, что родившиеся получают некоторое приращение с течением мирских дней; между тем как все то, что творится Богом, есть совершенно сообразно с величием и художеством Бога Творца. Притом и свидетельство Священного Писания показывает нам, что все люди: и младенцы, и возрастные — имеют равный божественный дар. Елисей, когда молил Бога об умершем отроке, сыне вдовы, распростерся над ним так, что голова приходилась к голове и лицо к лицу, и каждый член распростертого Елисея положен был на каждый член из членов дитяти, и ноги — на ноги (4 Пар. 4:34). Если рассматривать это со стороны неравенства нашего возраста и тела, то отрок не мог бы сравниться со взрослым и пожилым и малые члены не могли бы сойтись и сравниться с большими. Но здесь выражается равенство Божественное и духовное, именно то, что все люди, как однажды навсегда созданные Богом, равны и одинаковы и что возраст наш может иметь приращение только для мира, но не для Бога; почему и самая благодать, даруемая крещаемым, сообщается не в большей или меньшей мере, смотря по возрасту приемлющих, так как и Дух Святой подается всем один и тот же не по какой-нибудь мере, но по любви и отеческому благоволению (Гал 2). Бог не взирает ни на лицо, ни на возраст, являясь отцом в равной мере для всех в деле приобретения Небесной благодати. А что младенец в первые дни после своего рождения бывает, по твоим словам, нечист, так что даже всякий из нас боится целовать его, то мы не думаем, чтобы это долженствовало служить препятствием к дарованию ему Небесной благодати. В Писании сказано: Вся чиста чистым (Тит. 1:15), и никто из нас не должен гнушаться тем, что благоволил создать Господь. Хотя младенец от рождения бывает еще невзрачен, однако ж не столько, чтобы надлежало кому-либо бояться поцеловать его при сообщении благодати и даровании мира, тем более что, целуя младенца, всяк из нас по

своей вере должен представлять еще недавнее делание рук Божиих, которые некоторым образом мы лобызали на человеке, только что образованном, когда заключаем в свои объятия то, что создал Бог. А что при иудейском плотском обрезании наблюдаем был восьмой день, то это есть таинство, предпосланное прежде в сени и в образе и потом исполнившееся самым делом с пришествием Христовым. Так как восьмому дню, т. е. первому после субботы, надлежало быть тем днем, в который Господь воскрес, оживотворил нас и даровал нам обрезание духовное. И потому мы думаем, что никому не должно препятствовать в получении благодати на основании закона уже прекратившегося и духовное обрезание не должно стесняться плотским; но решительно всякий человек должен быть допускаем к благодати Христовой, тем более что и Петр в Деяниях апостольских возвещает и говорит: Мне Бог показа ни единого скверна или нечиста глаголати человека (Деян. 10:28). Впрочем, если бы и могло что-нибудь служить препятствием к получению благодати, так это тяжкие грехи, да и те могли бы препятствовать более возрастным, пожилым старцам. Притом же если и величайшим грешникам, много грешившим прежде против Бога, когда они потом уверуют, даруется отпущение грехов и никому не возбраняется прощение и благодать; то тем более не должно возбранять это младенцу, который, едва родившись, ни в чем не согрешил, а только, происшедши по плоти от Адама, воспринял заразу древней смерти через само рождение и который тем удобнее приступает к принятию отпущения грехов, что ему отпускаются не собственные, а чужие грехи, И потому, возлюбленный брат, на Соборе нашем состоялось такое определение: не должно нам никого устранивать от крещения и благодати Бога. Если этого надобно держаться по отношению ко всем, то особенно, как мы думаем, надобно соблюдать это по отношению к новорожденным младенцам, которые уже тем заслуживают преимущественно нашу помощь и милосердие Божие, что с самого начала своего рождения они своим плачем и слезами выражают одно моление. Желаем тебе, возлюбленный брат, всегда здравствовать.

Письмо к Квинту Корнилию о достоинстве епископов и расколе Фелициссима

Я прочел, дорогой брат, твое письмо, присланное с аколупом Сатуром, братом нашим; оно дышит братской любовью, верностью церковной дисциплине и епископской строгостью. Ты сообщил, что Фелициссим, враг Христов, не новый, а давно уже отлученный за множество тягчайших преступлений, осужденный по решению не только моему, но и многих собратьев-епископов, был отринут тобой в Риме. Когда он пришел, окруженный шайкой пропащих людей, ты с тем властным правом, с каким и должен действовать епископ, выгнал его из Церкви, откуда он уже давно, вместе с ему подобными, изгнан силой Божией и строгим решением Христа, нашего Господа и Судьи. Виножник раскола и разлада, похититель вверенных ему денег, развратитель девиц, разрушитель и осквернитель множества семейных очагов не смеет больше осквернять своим гнусным и нечистым появлением Невесту Христову, чистую, святую, целомудренную.

Прочитав другое твое письмо, которое ты присоединил к первому, я, брат, очень удивился, поняв, что ты несколько встревожен их угрозами и запугиванием: они, как ты пишешь, приступили к тебе, неистово угрожая, что если ты не возьмешь писем, ими принесенных, то они прочтут их публично; при этом они осыпали меня гнусной бранью, достойной их уст. Есл», дорогой брат, бояться дерзких негодяев, потому что плохие люди отчаянной наглостью добиваются того, чего по закону и по справедливости получить не могут, тогда конец и власти епископа, и его высокому, от Бога данному, праву управлять Церковью. Мы не сможем долго продержаться и быть христианами, если дошло до того, что мы трепещем угроз и козней пропащих людей. Нам грозят и язычники, и евреи, и еретики — вообще все, чьи сердца и умы во власти дьявола; о бешенстве, их отравившем, они ежедневно свидетельствуют своими неистовыми воплями. Уступать им, потому что они угрожают, отнюдь не следует; нельзя думать, что враг сильнее Христа, потому что он столько захватил и присвоил себе в миру. Наша вера, дорогой брат, должна пребывать непошатнувшейся, а наше мужество, стойкое и непоколебимое — противостоять, как мощная скала, всякому напору воющих волн. Не важно, откуда идет на епископа гроза и опасность: он живет под грозами и опасностями, и слава его от гроз и опасностей. Мы не должны думать об угрозах только язычников и евреев и обращать внимание на них одних: мы знаем, что Сам Господь Бог задержан был братьями, что Его предал тот, кого Он Сам избрал в число апостолов; что в начале мира праведного Авеля убил не кто иной, как брат; Иаков бежал, преследуемый братом-врагом; отрока Иосифа продали, и продавцами были братья. В Евангелии предсказано, что домашние станут врагами и люди, связанные раньше узами единодушия, будут предавать друг Друга. Не важно, кто предает и свирепствует, если Господь разрешает быть преданным и увенчанным. Для нас нет позора терпеть от братьев то, что терпел Христос, и для них нет чести поступать так, как поступил Иуда. Какая, однако, заносчивость, какое надутое и пустое хвастовство грозит там отсутствующему, когда я здесь в полном их распоряжении! Их ругательств, которыми они ежедневно рвут в куски и самих себя и собственную жизнь, мы не боимся; от дубив, камней и мечей, которые они всегда упоминают в своих братоубийственных речах, не приходим в трепет. По своим качествам люди эти у Господа почитаются убийцами. Убить, однако, они не могут, если Господь не разрешит им убивать. Нам суждено умереть однажды, но они ежедневно умерщвляют себя своей ненавистью, своими словами и проступками.

Не следует, однако, дорогой брат, забывать церковную дисциплину, а епископу

попустительствовать потому, что нам нет покоя от брани и запугивания. На помощь ведь приходит Писание: *«Надменный и упрямый, завистливый человек ничего вообще не добьется, он — расширяющий душу свою, как ад»* (Авв. 2:5). И еще: *«Не убойтесь слов мужа грешного, ибо слава его превратится в навоз и червей. Сегодня он превозносится, а завтра—не найдут его, ибо он обратился в прах и замысел его погиб»* (1 Макк. 2:62—63). И еще: *«Видел я нечестивца грозного, возносившегося выше кедров ливанских; я прошел—и вот нет его; ищу и не нахожу»* (Пс. 36:35—36). Превозношение, спесь, дерзкое и горделивое хвастовство—не от Христовых заповедей: Он учил: смирению, а от антихриста, которого Господь укоряет через пророка: *«Ты говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих поставлю престол свой, буду сидеть на горе высокой, превыше гор высоких, на краю севера, взойду на облака, буду подобен Всевышнему»* (Ис. 14:13—14), И добавляет: *«Ты спустишься в ад, в глубины преисподние. И кто увидит тебя, будет изумляться»* (Ис. 14:15—16). Равным наказанием таким людям грозит Священное Писание в другом месте: *«Ибо грядет день Господа Саваофа на дерзкого и горделивого, на все превозносящееся и высокомерное»* (Ис. 2:12). Каждого человека сразу же выдает его речь, из его слов открывается, кто живет в его сердце: Христос или антихрист. Поэтому Господь в Своем Евангелии и говорит: *«Порождения ехиднины! как вы можете говорите доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое»* (Мф. 12:34—35). Поэтому у того грешного богача, который просит помощи у Лазаря, находящегося в лоне Авраамовом, в месте прохладном, — сам он мучится и горит в жарком пламени, — особенно страдает рот и язык: больше всего нагрешил он языком своим.

Написано: *«Злоречивые Царства Божия не наследуют»* (1 Кор. 6:10), и опять же Господь в Евангелии Своем говорит: *«Кто скажет брату своему: «глупец», подлежит геенне огненной»* (Мф. 5:22). Как же уйти от Господа, отмщающего тем, кто поносит не только братьев, но и епископов, которых Господь удостоил такой чести, что человек, не повиновавшийся священнику и судьбе, бывшим в те дни, немедленно подлежит смерти!

Во Второзаконии говорит Господь Бог: *«А кто поступит так дерзко, что не послушает священника или судьи, который будет в те дни, да умрет человек этот, и весь народ услышит и убоится, и не будут впредь поступать дерзко»* (Втор. 17:12—13). 2. И когда евреи стали презрительно относиться к Самуилу, Господь сказал: *«Не тебя они презрели, но Меня презрели»* (1 Цар. 8:7). И Господь говорит в Евангелии: *«Слушающий вас Меня слушает и Того, Кто Меня послал; отвергающий вас Меня отвергает и Того, Кто Меня послал»* (Лк. 10:16). Очистив прокаженного, Он сказал: *«Пойди, покажись священнику»* (Мф. 8:4). И потом во время Страстей Своих, когда раб первосвященника ударил Его по лицу и сказал: *«Так ты отвечаешь первосвященнику?»*, Господь не сказал ничего оскорбительного первосвященнику, ничем не умалил чести священства, а только ответил, настаивая на Своей невинности: *«Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?»* (Ин. 18:22—23). А позднее в «Деяниях апостолов», когда блаженному апостолу Павлу сказали: *«Так поносишь первосвященника Божия?»*, то он сказал: *«Я не знал, братья, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоём не злословь»* (Деян. 23:4—5). А ведь священники, распявшие Господа, эти безбожники, нечестивцы, облитые кровью, ничего не удержали от священнической чести и авторитета, и тем не менее Павел принял в расчет имя, пусть уже лишенное содержания, и сан первосвященника, хотя от него осталась лишь тень.

Вот сколько примеров из прошлого, подтверждающих, что Господь удостоил епископов авторитета и власти. Каковы же, по—твоему, эти люди, враждующие с епископами, восстающие на Православную Церковь, не уstraшенные ни грозным предупреждением от Господа, ни отмщением на будущем Суде? Почему возникают ереси и рождаются расколы? Потому что не

повинуются епископу Божию и не понимают, что в Церкви может быть одновременно только один епископ и один судья, занимающий на свой срок место Христа, :И : если ему, следуя наставлениям Божиим, повинуется вся община братьев, то никто не пошевелится против епископата; никто после указания Господня, после народного одобрения, после согласия всех епископов и не подумает сделаться судьей не епископов уже, а Самого Бога; никто не станет раздирать на части единую Церковь Христову; никто в своем самодовольстве и гордыне не уйдет из нее и не подумает основывать свою новую ересь, разве человек такой святотатственной дерзости, такого умственного помрачения, что решит, будто епископом становятся без указания свыше. Господь говорит в Евангелии Своем: *«Не две ли малые птицы продаются за асе? И ни одна из них не упадет на землю без доли Отца»* (Мф. 10:29). Если, по словам Господа, мельчайшие случаи бывают только по воле Божией, то можно ли думать, что величайшее, важнейшее событие в Церкви Божией происходит без воли и без ведома Божия: епископы, т. е. Его управляющие, будут поставлены помимо Его решения? Так думать — значит не иметь веры, которой мы живем; так думать—значит не чтить Бога, Который—мы это знаем и в это верим— всем руководит и всем управляет—Есть, конечно, епископы, поставленные и не по воле Божией, — это те, кто стали ими, пребывая вне Церкви; это те, кто стали ими вопреки порядку и учению Евангельскому, как говорит Господь: *«Поставляли царей сами, без Меня»* (Ос. 8:4) и еще: *«Жертвы их, как хлеб скорби: все, кто едят их, оскверняются»* (Ос. 9:4). И устами Исаии восклицает Дух Святой: *«Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые устраивают совещания, но без Меня, заключают союзы, но не по Духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху»* (Ис. 30:1).

А затем—я вынужден это сказать—я говорю со скорбью, говорю по принуждению: когда епископ поставлен на место скончавшегося, когда он в дни мира выбран голосами всего народа, когда в гонение Господь покрывает его Своей помощью, и он, верный союзник всем собратьям, снискавший за четыре года епископства одобрение своего народа, в мирное время—страж церковной дисциплины, в бурное—осужденный с добавочной пометкой «епископ»; сколько раз требуемый «в цирк, ко львам». удостоенный в амфитеатре явленной ему милости Божией и опять в эти самые дни, когда я писал тебе это письмо, требуемый воплями толпы «в цирк, ко льву», ибо вывешен эдикт, приказывающий всему народу совершать жертвоприношения, — когда на такого епископа, дорогой брат, нападают люди отчаявшиеся, потерянные и находящиеся вне Церкви, то совершенно ясно, кто нападает: конечно, не Христос, ставящий и защищающий епископов, а он, противник Христа и враг Его Церкви, который, неистовый в своей свирепости, затем преследует ее представителя, чтобы, убрав кормчего, скорее пустить Церковь ко дну.

Ни один христианин, помнящий Евангелие и апостольские предостережения, не должен смущаться, дорогой брат, если в последние времена гордецы и упрямцы, враги епископов Божиих, уходят из Церкви или действуют против нее: и Господь и апостолы Его предсказывали, что такие люди теперь будут. Никто не должен удивляться, что раб, поставленный во главе, будет некоторыми покинут: Самого Господа, творившего великие чудеса, засвидетельствовавшего делами Своими могущество Отчее, ученики—докинули. И, однако. Он не упрекнул отходящих и не пригрозил им страшной угрозой, а только, обратившись к Своим апостолам, спросил: *«Не хотите ли и вы отойти?»* Он соблюдал закон, предоставляющий человека его воле; по собственному выбору он стремится или к смерти, или к спасению. Петр—камень, на котором Самим Господом воздвигнута была Церковь, — отозвался за всех и ответил голосом Церкви: *«Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго»* (Ин. 6:68—69). Эти слова его означают, что те, кто отошел от Христа, гибнут по своей вине. Церковь же, верующая во Христа, твердая в своем знании, никогда вообще от Него не отходит; что Церковь Его—это те, кто пребывает в доме Господнем, и что не

Богом Отцом посеян посев, взошедший не стеной неподвижной пшеницы, но стеблями, качающимися из стороны в сторону, словно мякина, разлетающаяся от дыхания врага. О таких людях Иоанн говорит в своем Послании: «Они вышли от нас, но не были наши; если бы они были наши, то остались бы с нами» (1 Ин. 2:19). И Павел уговаривает нас не смущаться, когда плохие люди уходят из Церкви, и не ослабевать в вере, если вероломные ушли: «Если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность божию? Никак Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3:3—4).

Что касается нас, то мы, брат, по требованию совести, должны стараться, чтобы никто по вине нашей не ушел из Церкви—Если же кто погибнет по своей воле и по своей вине и не пожелает раскаяться и вернуться в Церковь, то в день судный на нас, заботившихся о его здоровье, вины не окажется; наказанными пребудут они одни, не пожелавшие излечиться по нашему спасительному совету. Нас не должна смущать ругань потерянных людей; мы не собьемся с прямой дороги и не отойдем от определенной нормы поведения. И апостол ведь говорит: «Если бы я угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (Гал. 1:10). Важно, кому человек хочет угодить: людям или Богу. Делая приятное людям, оскорбляют Бога. Если же мы прилагаем все усилия именно к тому, чтобы угодить Богу, то должны презирать человеческую ругань и злословие,

Что я не сразу написал тебе о Фортунате, этом лжеепископе, поставленном несколькими закоренелыми еретиками, то ведь это не такое дело, о котором следовало бы спешно уведомить тебя, как о чем-то важном и внушающем опасения, тем более, что ты уже достаточно знаешь Фортуната. Это один из пяти священников, давно уже сбежавших из Церкви; по решению многих наших собратий—епископов, людей весьма авторитетных, они были недавно отлучены — об этом они тебе в прошлом году писали. В Фелициссуме ты сам признал знаменосца восставших; о нем тоже говорится в том же епископском письме, раньше к тебе написанном. Он не только отлучен ими здесь, но и тобой недавно изгнан в Риме из Церкви. Так как я являлся тебе известным, и был уверен, что ты, по своей верности церковной дисциплине, крепко держишь это в памяти, то не считал необходимым быстро и настойчиво сообщать тебе о всех безумствах еретиков. Православной Церкви с ее величием и достоинством не пристало интересоваться тем, что вытворяют у себя дерзающие на все еретики и раскольники. Партия Новаткана. говорят, поставила себе здесь лжеепископа—священника Максима, недавно бывшего у меня послом от Новатиана и не принятого мною в общение. Я не писал тебе об этом раньше, считая все это пустяками, а совсем недавно послал тебе список здешних епископов, право правящих в Православной Церкви братьями—С общего совета решено было это сделать, чтобы дать возможность быстро разглядеть истину и не впасть в ошибку: и ты, и собратия наши должны знать, с кем следует вам переписываться. Если вам осмелится написать кто-то, кто не включен в этот наш список, знайте, что он запятнан или жертвоприношением, или «свидетельством», либо же это еретик, т. е. безбожник и перевертень. Когда подвернулся хорошо знакомый человек и клирик—аколуйф Фелициан (ты отправил его вместе с Персеем, собратом нашим), я в письме, среди прочих наших здешних дел, о которых следовало довести до вашего сведения, писал и о Фелициссуме. Пока, однако, брат наш Фелициан медлил с отъездом. — то мешала погода, то мы задерживали его, желая вручить еще и другие письма, — Фелициссим, который к вам торопится, опередил его. Злодеи всегда торопятся, словно могут торопливостью одолеть невинность.

Через Фелициана же я дал тебе знать, брат, что в Карфаген прибыл из Ламбеаа Приват — давний еретик, осужденный много лет назад за множество тяжких преступлений решением девяноста епископов; предшественники наши—Фабиан и Донат—строго порицали его в письмах, что известно и тебе. Он заявил, что желает разбора своего дела у нас на Соборе, бывшем в середине прошлого мая, но допущен не был. Он сделал этого Фортуната

лжеепископом, он достоин и его сотоварищей. Прибыл также с ним и некий Феликс, которого он, сам еретик, находившийся вне Церкви, некогда поставил лжеепископом. Явились вместе с еретиком Приватом и его спутники—Иовин и Максим: они были осуждены решением наших девяти собратий за их преступления и гнусное жертвоприношение: это было доказано. На Соборе прошлого года они повторно были отлучены большим числом епископов. К этим четверем присоединился и Репост из Сутунурка, который не только сам пал во время гонения, но и погубил очень много народа своими кощунственными советами. Эти пятеро с небольшим числом или принесших жертву, или таких, которые что-то за собой знали, приняли лжеепископом Фортуната, чтобы объединиться в преступлениях: правитель был таким же, как и управляемые

По этому, дорогой брат, ты можешь судить и об остальной лжи, которую там распустили отчаявшиеся и потерянные люди. Никто из принесших жертву или из еретиков в Карфаген не приходил, кроме этих пяти лжеепископов, которые и приобщили Фортуната к своей безумной затее, Эти дети дьявола, исполненные лжи, осмеливаются, как ты пишешь, болтать, что епископов присутствовало двадцать пять человек. Эту ложь они раньше распускали и здесь среди наших братьев, говоря, что из Нумидии прибудет двадцать пять епископов для поставления епископа. Когда они были изблечены в той лжи — их собралось только пятеро, потерпевших кораблекрушение и отлученных нами, — они отплыли в Рим с грузом своей лжи, как будто истина не сможет отплыть вслед за ними п точными фактами опровергнуть их лживые речи. Это вот настоящее безумие, брат: не думать о том. Не знать того, что обман живет недолго, что ночь длится только до рассвета, что с наступлением ясного солнечного дня мрак и туман исчезают и ночной разбой прекращается. Если ты спросишь у них имена этих епископов, то они не смогут даже придумать, кого бы назвать. У них такая бедность даже в негодях, что они не могли подобрать себе двадцати пяти человек ни из принесших жертву, ни из еретиков. Они лгут и раздувают это число, чтобы обмануть простецов и людей, живущих далеко от наших мест, как будто, если бы число это и было настоящим, еретики могли бы победить Церковь, а неправедные — праведность.

Мне не следует, дорогой брат, равняться по ним и перебирать всё, что они до сих пор натворили и что продолжают вытворять и поныне. Нам надо подумать о том, о чем Божиим епископам следует говорить и писать, причем слова наши должны быть продиктованы не столько досадой, сколько нравственным долгом. Да не покажется, что я в раздражении скорее осыпаю их бранью, чем подвожу итог их преступлениям и грехам. Поэтому я умолчу о том, как они обманывали Церковь; не буду говорить об их сговорах, распутстве и разнообразных провинностях, об одном только, думаю, нельзя умолчать — об их преступлении, не передо мною, не перед людьми, но перед Богом: сразу же, с первого дня гонения, когда свежи еще были преступления согрешивших и не только от дьявольских алтарей—от рук, изо рта «павших» шел еще пар от гнусных жертв, они не переставали общаться с «павшими» и мешали им сотворить покаяние. Господь возглашает; «Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен» (Исх. 22:20). И Господь в Евангелии говорит: «Кто отречется от Меня, отрекусь от того и Я» (Мф. 10:33). А в другом месте Господь не скрывает Своего негодования и говорит: «Им ты делаешь возлияния и приносишь жертвы. Могу ли Я быть доволен этим?» (Ис. 57:6). Они мешают им просить Господа, Который Сам свидетельствует о Своем негодовании! Они мешают умолять и умиловать Христа, Который Сам объявил, что Он отречется от отрекшегося.

В самое время гонения мы посылали об этом письма, но услышаны не были. На многолюдном Соборе вы постановили не только с общего согласия, но и пригрозив, что братья должны покаяться и никто не смеет дерзостно давать «мир» непокаявшимся. И они, перед Богом

виновные в кощунстве, перед епископами Божиими в дерзком самочинии, ушедшие из Церкви и на Церковь поднявшие матереубийственное оружие, стараются с дьявольской злобой довершить свое дело я помешать Божественному милосердию излечить раненых в Церкви. Они отнимают своей ложью покаяние несчастных: пусть не умоливают негодующего Бога: пусть человек, постеснявшийся или побоявшийся быть христианином, не ищет потом Христа, Господа Своего; пусть не возвращается в Церковь, Приложены усилия к тому, чтобы грехи не были искуплены праведными рыданиями, раны не были омыты слезами. Настоящий «мир» отнят лживым обещанием мнимого «мира»; спасительное лоно матеря закрывает вмешавшаяся мачеха: да не будут услышаны стоны и плач «падших», изливаемые устами и сердцем. И вдобавок «падших» подстрекают, чтобы они, уже согрешив устами и языком на Капитолии, еще поносили епископов, исповедников, дев, праведников — всех, кто выделился своей верой и прославлен в Церкви, они преследуют оскорблениями и злословием. Они, правда, не очень задевают наших людей, скромных, смиренных и уважительных, скорее они рвут на куски свои надежды и свою жизнь. Жалок не тот, кто слушает ругательства, а тот, кто их произносит; не тот, кто терпит побои от брата, а тот, кто грешник перед законом, колотит брата, Когда виновные обижают невинных, обижены те, кто думают, что наносят обиду. Поэтому и расстроен их ум, отсюда их душевная тупость и потеря разума: не понимать своих грехов и не нуждаться в покаянии—это знак гнева Божия, ибо написано: «И навел на них Господь дух усыпления» {Ис. 29:10}, дабы не обратились, не позаботились о себе, не излечились от грехов своими необходимыми молитвами и умоливаниями. Апостол Павел пишет в своем Послании: «Они не приняли любви истины для своего спасения. И за это пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду» (2 Фее. 2:10—12). Высшая ступень счастья—не грешить; следующая за ней—сознавать свои грехи. Там — полное спасительное отсутствие греха, здесь — целительное лекарство. Они, оскорбив Бога, потеряли и одно и другое: утрачена благодать, получаемая в святом Крещении, и отвергнуто покаяние, излечивающее вину. Малое, по-твоему, брат, преступление перед Богом, легкий и незначительный грех: по их вине не молят Бога, мощного и негодующего, не боятся дня судного с его огнем и гневом; накануне антихристового прихода выбито оружие веры у сражающегося народа, уничтожен страх перед Христом и Его силой? Пусть миряне сами подумают, как им с этим справиться; на епископов ложится труд большой: действительно говорить о Боге и Его могуществе, да не явлюсь в этой части небрежными, ибо говорит Господь и наставляет: «Итак, для вас, священники, эта заповедь; если вы не слушаетесь и если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему, то Я пошлю на вас проклятие и прокляну ваши благословения» (Мал. 2:1—2). Богу, значит, воздается слава, если Его могущество и власть до такой степени презирают? Когда Он говорит, что негодует и гневается на приносящих жертву и грозит им вечным наказанием и непрекращающимися муками, эти кощунники предлагают не думать о гневном Боже, не бояться суда Господня, не стучаться в Церковь Христову; отброшено покаяние, никакого признания в совершённом преступлении, епископов презрительно попирают, и священники словами лживыми дают «мир»: пусть «павшие» не встают, оказавшиеся вне Церкви не возвращаются обратно, общение предлагается теми, кому отказано в общении.

Им недостаточно было отступить от Евангелия, отнять у «павших» покаяние и надежду на то, что они умоливают Бога; мало было отобрать у опутанных ложью, запятанных распутством или оскверненных гнусными жертвами плоды покаяния и понимание того, что оно значит! Нечего просить Бога, нечего признаваться Церкви в своих преступлениях! Мало им быть вне Церкви и против Церкви устроить сходку своей гиблой партии, куда устремилась шайка людей с нечистой совестью, не желающих просить Бога и умоливать Его. Вдобавок, когда еретиками был себе поставлен лжеепископ, они осмеливаются отплыть в Рим и предъявлять

письма от раскольников и невежд кафедре Петра и главной Церкви, положившей начало единству епископской власти, не думая о том, что перед ними те римляне, чью веру хвалил апостол, кто не впустит к себе измены. Зачем, однако, они явились с заявлением, что против епископов они могут выставить своего лжеепископа? Или они довольны тем, что сделали, и упорствуют в своем преступлении? Если они недовольны и делают обратный ход, они знают, куда вернуться. Всеми нами было постановлено (это и благожелательно и справедливо), чтобы дело каждого слушалось там, где совершено преступление; каждому пастырю вручена часть стада, которой он я управляет; отчет в своих действиях он даст Богу. Полагается, чтобы те, во главе кого мы стоим, не бегали туда-сюда, не нарушали согласия между епископами своим лукавством и дерзостью, а вели свое дело там, где находятся и обвинители и свидетели их преступлениям. Небольшой кучке отчаянных и потерянных людей показались, может быть, недостаточно авторитетными африканские епископы, которые их уже судили и, видя, что они увязли в преступлениях, произнесли недавно свой внушительный приговор. Дело их разобрано, решение вынесено, нельзя, чтобы епископский суд упрекали в легкомыслии и непостоянстве: Господь ведь поучает нас, говоря: «Да будет слово ваше: да, ди нет, нет» (Мф. 5:37).

Если сосчитать число тех, кто судил их в прошлом году, включая священников и диаконов, то окажется, что на суде и Следствии присутствовало людей больше, чем нынче связано с Фортунатом. Ты должен знать—дорогой брат, что после того, как еретики поставили его лжеепископом его почти все покинули. Те, от кого в прошлом заслоняли истину пустословием, лживо уверяя, будто все одновременно вернутся в Церковь, поняли, когда им поставили лжеепископа, что их обошли и обманули; они ежедневно приходят обратно и стучатся в Церковь, но мы, которым придется давать отчет Господу, должны в тревоге и заботе проверять и взвешивать, кого следует принять в Церковь. Для некоторых препятствием являются и преступления; иногда решительное сопротивление братьев—оказывается, что этих людей вообще нельзя принять, не вводя в опасный соблазн очень многих. Незачем собирать всякую гниль, которая испортит крепкое и здоровое; никуда не годится неразумный пастух, пускающий больных и зараженных овец в свое стадо; оно все может заразиться прилипчивой хворью. О дорогой брат, если бы ты мог быть здесь вместе с нами, когда эти, сбитые с толку, переметнувшиеся люди возвращались из раскола! Ты увидел бы, какого труда мне стоит убедить братьев наших, чтобы они были терпеливы, утишили душевную скорбь и согласились принять виноватых и позаботиться об их излечении. Они радуются и ликуют, когда приходят обратно Люди приемлемые и не так виноватые, но ворчат и протестуют всякий раз, когда неисправимые наглецы, люди, запятнанные распутством или принесением жертвы, вдобавок не утратившие своей гордости, возвращаются в Церковь, чтобы, как они думают, находясь в ней, развращать чуждые души. С трудом убеждаю я нзр&d, вернее, вымогаю у него согласие принять таких людей. И досада братьев оправдана тем фактсм, что по моему попустительству (народ упирался и возражал) были приняты люди которые стали теперь еще хуже, чем были раньше: они не смогли как следует покаяться, потому что пришли без искреннего покаянного чувства.

Что же сказать мне о тех, которые явились к тебе с Фелициссимом, повинным во всех преступлениях, в качестве послдов от лжеепископа Фор-туната с письмами такими же лживыми, как лжив и тот, чьи письма они принесли? Сколько разных преступлений на их совести! Какая отвратитель-,ная, мерзкая жизнь! Если бы такие люди были в Церкви, их следовало бы из Церкви гнать. Они сознают, что они наделали, и не осмеливаются подступить к церковному порогу, а скитаются по провинции с расчетом обойти и ограбить братьев. Достаточно всем известные я отовсюду за свои Дела изгоняемые, они отплывают к вам. У них не хватает бесстыдства подступить к нам или осесть в наших местах, потому что братья бросят им обвинение в страшных и тяжких преступлениях. Если они желают предстать перед нашим судом, пусть

приходят. Если они могут чем-то извинить и защитить себя, то мы посмотрим, какой плод покаяния они принесут и понимают ли они, как им надо умиловать Бога. Церковь здесь ни перед кем не заперта, и епископ никому не отказывает. Мы доступны всем приходящим, ко всем терпеливы и человечны. Я желаю, чтобы все вернулись в Церковь, желаю, чтобы все наши соратники собрались а Христовом лагере и в обители Отчей. Я всё отпускаю, я многое покрываю из ревностного желания собрать воедино братьев. Даже преступления перед : Богом я разбираю не по строгим требованиям религии. Я, пожалуй, сам грешу, отпуская грехи легче, чем следует. Я быстро, со всей любовью открываю ооъятия возвращающимся с покаянием, сознающимся смиренно и просто в своем грехе.

Если есть люди, которые думают, что они могут вернуться в Церковь: не просьбами, а угрозами, рассчитывают открыть ее двери не рыданиями, а запугиванием, то пусть они твердо знают, что перед такими Церковь Господня стоит запертой и что лагерь Христов, непобедимый, крепкий, охраняемый Господом, не боится угроз. Епископа, придерживающегося Евангелия, соблюдающего заповеди Христовы, можно убить, победить нельзя. Пример мужества и веры подан нам первосвященником Захарией; его не запугали угрозами побиения камнями; убиваемый в храме Божиим, он с Криком повторял одно и то же—это же самое мы кричим еретикам: «Вы оставили пути Господни, и Господь оставит вас» (2 Пар. 24:20), Оттого, что кучка дерзких и бессовестных людей оставила спасительные пути Господни; оттого, что поведение их не свято и Дух Святой покинул их, и мы должны забыть учение Господне? Сочтем, что епископскому суду не под силу справиться с гнусной деятельностью этих безумцев, решим, что человеческое нападение сильнее Божией защиты и покрова?

Не потому ли, дорогой брат, Православная Церковь должна отказаться от своего достоинства; народ, оставшийся в Церкви, верный и неиспорченный, — от своего великого имени; епископ—от своего авторитета и власти, что предстоятеля Церкви желают судить еретики, находящиеся вне Церкви, здорового—большие, владеющего всеми членами—калеки, стоящего на ногах — упавшие, судью — преступники, священника — святотатцы? Остается только, чтобы Церковь уступила Капитолию, священники забрали алтарь Господень и удалились; статуи идолов и алтари их заняли священное место, где собирался наш клир. Новатиану будет предоставлен богатый материал для нападков и декламации против нас, если принесших жертву и публично отрекшихся от Христа не только приглашают в Церковь и принимают без покаяния—мало этого; они начинают страхом подчинять нас и нами распоряжаются. Если они просят «мира», пусть сложат оружие. Если хотят удовлетворить нас, зачем грозят? А если грозятся, пусть знают, что священство Господне их не боится. И пришедший антихрист в Церковь не войдет, несмотря на свои угрозы; перед его насилием и оружием не склонятся, хотя он и объявит, что погубит тех, кто ему противится. Еретики вооружают нас, думая испугать своими угрозами: они не повергают нас на землю; нет, заставляют нас выпрямиться и воодушевляют нас, делая для братьев самый «мир» горше гонения. И мы желаем, конечно, чтобы свои бешеные слова они не претворили в преступления; греша на словах, бесчестных и жестоких, не провинились бы на деле. Мы просим и умоляем Бога, Которого они не перестают раздражать, чтобы сердца их смягчились, чтобы исчезла их ярость, и они вошли бы в разум, чтобы сердца их, затянутые мраком греха, увидели свет покаяния; чтобы они стали скорее просить предстоятеля Церкви пролить за них молитвы и прошения Господу, а не проливать самим кровь епископскую. Если они пребудут в своем неистовстве, не прекратят по своей жестокости своих козней и безбожных угроз, то не найдется ни одного епископа Божия, столь слабого, столь приниженного и забитого, столь по человеческой немощности бессильного, что он не восстанет против врагов Божиих, ибо в него, смиренного и слабого, Господь—защита его — вдохнет Свою силу и крепость. Нам совершенно безразлично, от чьей руки и когда мы умрем; награду за пролитую кровь мы

получим от Господа. Плакать и рыдать следует над положением тех, кого диявол ослепил до такой степени, что они не думают о вечных мучениях в геенне и стараются дать представление о том, что будет, когда придет уже приближающийся антихрист.

Хотя я знаю, дорогой брат, что в силу взаимной любви, которую мы должны оказывать и оказываем друг другу, ты всегда читаешь ваши письма твоему процветающему клиру, который заседает с тобой, и многочисленному христианскому народу, сейчас, однако, я и прошу и советую, чтобы ты сделал, по моей просьбе, то, что раньше делал по твоему желанию и из уважения ко мне: если и к вам вкралась зараза от их ядовитых речей, если залетело зерно этого смертоносного сева, то письмо извлечет всю ложь из сердец и ушей братьев и восстановится между добрыми людьми в полноте своей искренней приязни, очищенная от грязной еретической клеветы.

Кроме того, пусть братья наши решительно уклоняются и избегают бесед с теми, чье «слово, как рак, распространяется» (2 Тим. 2:17). Апостол ведь говорит: «Худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор–15:33), и еще: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся. зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден» (Тит. 3:10—11). Устами Соломона говорит Дух Святой: «Человек лукавый замышляет зло, и на устах его как бы огонь палящий» (Притч. 16:27). И опять же советует: «Огради уши твои тернием и не слушай языка злого». И еще «Злодей внимает языкам беззаконным; праведный не обращает внимания на уста лживые» (Притч. 17:4). Хотя я знаю, что братья наши в Риме, охраняемые вашей предусмотрительностью, и сами, достаточно осторожные и бдительные, не поймаются на удочку еретиков и не поддадутся обману—так крепко запомнили они наставления и заповеди божий И так велик у них страх Божий, но все же избыток тревоги или любви заставляет меня писать это: не завязывайте с такими людьми никаких сношений, не ешьте вместе с плохими людьми, не разговаривайте с ними; отделимся от них так, как они бежали из Церкви: написано ведь: «Если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь» (Мф. 18:17), Блаженный Апостол не только советует, но приказывает удаляться от таких: «Завещаем же вам, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое принято от нас» (2 Фее. 3:6). Союза между верой и неверием не может быть. Кто не со Христом, тот противник Христу; кто враг единству и миру Его, тот не может быть с нами. Если они придут с молитвами, с желанием умилоствить, да будут выслушаны. Если будут осыпать бранью и угрозами, да будут отвергнуты. Будь здоров, дорогой брат.

Письмо к фиваретянам, с увещанием к мученичеству

Киприан народу фиваритскому желает здоровья. Думал я, возлюбленнейшие братья, если обстоятельства и время позволят, сам прийти к вам, согласно не раз выраженному вами желанию, лично укрепить там братство, хотя и слабым словом нашего увещания. Но крайне настоятельные дела задерживают нас так, что нам невозможно далеко отлучаться отсюда и оставлять надолго народ, которым, по Божественному благоволению, управляем; потому вместо себя посылаю к вам это письмо, ибо, получая частые внушения и предостережения от Господа, нас вразумляющего, мы должны сообщить и вам для сведения сущность нашего предостережения.

Итак, знайте и считайте совершенно верным то, что день скорби уже над главою и что кончина века и время антихриста приблизились; станем же все готовыми на брань, будем помышлять об одной только славе жизни вечной и о венце за исповедание Господа и не думать, что наступающие бедствия таковы, какими были минувшие. Теперь угрожает нам брань более тяжкая и более жестокая, к которой воины Христовы должны приготовиться верою неповрежденною и добродетелью крепкою, помышляя, что они для того ежедневно пили чашу крови Христовой, чтобы и сами могли пролить кровь за Христа. Ибо подражать тому, чему учил Христос и что Сам Он исполнил, — значит желать пребывания с Ним, по слову апостола Иоанна: *Глаголям во Христе пребывати, должен есть, якоже Он ходил есть, и сей такожде да ходит* (1 Ин. 2:6). Также святой апостол Павел увещевает и учит, говоря: *Мы есмы чада. Аще же чада, и наследницы: наследницы убо Богу, сонаследницы же Христу: понеже с ним страждем, да и с ним прославимся* (Рим. 8:16—17). Обо всем этом нам должно теперь помышлять, чтобы никому ничего не требовать от века уже преходящего, но следовать Христу, который и Сам живет вовеки и животворит рабов своих, верующих во имя Его. Приходит то время, возлюбленнейшие братья, которое давно уже предвозвестил Господь наш и которого приближение указал словами: *Придет час, да всяк иже убьет вы, возмнется службу принести Богу. И сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет час, воспомянете сия, яко аз рех вам* (Ин. 16:2—4). И пусть никто не удивляется, что нас отягчают непрестанные гонения и часто удручают мучительные скорби. Господь наперед предрек, что все это будет в последнее время, и приготовил к тому наше воинство наставлением и убеждением своего слова. Также и Петр, апостол Его, учил, что гонения бывают для нашего испытания и чтобы по примеру праведных предшественников и мы через смерть и страдания приобщились любви Божией. Он так выразился в своем послании: *Возлюбленнии, не дивитесь еже в вас раздужению ко искушению вам бываему, яко чужду вам случающуся: но понеже приобщается Христовым страстем, радуйтеся, яко да и в явление славы его возрадуется веселящее». Аще укоряемы бываετε о имени Христове. блаженны есте: яко Дух славы и силы на вас почивает: онеми убо хулится, а вами прославляется* (1 Пет. 4:12—14). Апостолы учили нас тому, чему сами научились из наставлений Господних и Небесных заповедей, а ободрение мы получаем от самого Господа, который говорит: *Никтоже есть, иже оставил есть дом, или села, или отца, или братию, или сестры, или жену, или чада царствия ради Божия, иже не примет множицею во время сие и в веке грядущий живот вечный* (Лк. 18:29—30; Мк. 10:29—30). И еще: *Блаженни, — говорит, — будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучают вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, сына человеческого ради. Возрадуйтеся в той день и възиграйте, се бо мзда ваша много на небеси* (Лк. 6:22—23). Господь желал, чтобы мы радовались и веселились во время гонений; и это потому, что, когда бывают гонения, тогда даются и венцы за веру, тогда испытываются воины Божий, тогда для мучеников открывается небо.

Да и приняли мы название рати не для того, чтобы помышлять только о мире, уклоняться и отказываться от воинской службы, тем более когда в этой рати впереди всех прошел Господь, учитель смирения, терпения и страдания, чтобы прежде самому исполнить то, чему научал других, чтобы прежде самому пострадать за нас, которых увещавает к страданию. Да будет пред очами у вас, возлюбленнейшие братья, что Тот, кто Один принял от Отца своего весь Суд и который придет судить, уже произнес приговор своего Суда и будущего испытания, предвозвестив и засвидетельствовав, что исповедающих его и Он исповедает пред Отцом своим, а отвергающих Его отвержет и Он. Если бы мы могли избежать смерти, то справедливо было бы бояться ее. Но так как смертному умереть необходимо, то воспользуемся случаем, ниспосылаемым по Божественному обещанию и милости: умрем так, чтобы смертью заслужить награду бессмертия; не убоимся быть убитыми, зная, что, когда убьют нас, мы увенчаемся.

И никто, возлюбленнейшие братья, видя народ наш разбегающимся и рассеивающимся от страха гонения, да не смущается тем, что он не видит собранного братства, не слышит проповедующих епископов. В такое время не могут оставаться все вместе те, которым не позволено убивать, но быть убиваемыми необходимо. Также, где бы кто из братьев ни был в эти дни, будучи пока нуждою времени отделен от стада [Христового] — по телу, но не по духу, — да не возмущается страхом своего бегства, удаляясь и скрываясь, да не страшится уединения пустынного места. Тот не одинок, кому сопутствует в бегстве сам Христос, тот не одинок, кто, спасая храм Божий, где бы ни был, не бывает без Бога, Утеснит ли его, убегающего, в пустыне и городах разбойник, нападет ли на него зверь, изнурят ли его голод, жажда, стужа, или потопит ненастье и буря во время его поспешного усиленного плавания по морям, Христос везде видит своего ратующего воина и при гонении умирающему за честь его имени воздаст награду, которую обещал дать в Воскресение. Нисколько не меньше слава мученичества, если кто пострадал не всенародно и не среди многих, лишь бы пострадал за Христа: для засвидетельствования о его мученичестве достаточно того свидетеля, который сам подтверждает мучеников и венчает их—Возлюбленнейшие братья! Будем подражать праведному Авелю, который предначал собою мученичества, будучи первый убит за правду (Быт. 4:8). Будем подражать другу Божию Аврааму, который не замедлил собственными руками принести сына в жертву, повинувшись Богу с верою в обетование (Быт. 22). Будем подражать трем отрокам: Анании, Азарии и Мисаилу, которые по разрушении Иудеи и после пленения Иерусалима, несмотря на свою молодость и стесненное положение в плену, силою веры победили царя в самом царстве его, когда, принуждаемые поклониться истукану, устроенному по велению царя Навуходоносора, явились сильнейшими царских угроз и огненного пламени, взывая и свидетельствуя свою веру сими словами: *Навуходоносор царь, не тебе нам о глаголе сем отвещати тебе. Есть бо Бог на небесех, ему же мы служим, силен изъяти нас от пеци огнем горящия, и от руку твою избавити нас, царю. Аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим и телу златому, еже поставил еси, не кланяемся* (Дан. 3:16—18). Они верили, что могут избегнуть смерти по вере своей; несмотря на то присовокупили: *Аще ли ни*, чтобы царь знал, что они могут умереть для Бога, которого почитали. В этом—то и состоит сила доблести и веры, чтобы, веруя и зная, что Бог может освободить от предстоящей смерти, однако ж не бояться смерти и не отступать перед нею, дабы сильнее засвидетельствовать веру. Их устами высказалась несокрушимая и непобедимая сила Святого Духа, так что ясною становится истина того, что сказано Господом в Евангелии: *Егда же предают вы, не пецываете, како или что возглаголете: даст бо ся вам в той час, что возглаголете: не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголям в вас* (Мф. 10:19—20), Сказано, что потребное слово и ответ даются нам в то время свыше и что не мы тогда говорим, но Дух Бога Отца, который, не отступая и не отлучаясь исповедников, сам в нас и говорит, и венчается. Так и Даниил, будучи принуждаем поклониться

идолу Ваалу, которого тогда почитали народ и царь, в защищении своего Бога с полною верою и свободою высказался, говоря: *Я ничему не поклоняюсь, но живому Богу, сотворившему небо и землю* (Дан–14:5). А в книге Маккавей–ев блаженные мученики, перенесшие тяжкие мучения, эти семь братьев, потерпевших многообразные казни, мать, ободряющая чад своих к перенесению их и сама умирающая вместе с ними, не представляют ли свидетельств великой доблести и веры и не побуждают ли своими страданиями и нас к торжеству мученичества (2 Мак. 7)? Что сказать о пророках, которых сам Дух Святой вдохновлял к предвидению будущего? Что об апостолах, избранных Господом? Когда они, праведные, умерщвляются, то не научают ли и нас умирать за правду? Рождество Христово началось с мученичества младенцев, ибо за имя Его были избиты все те, которые имели до двух лет и ниже — возраст, еще не способный для битвы, явился годным для венца! Невинные младенцы умерщвлены за имя Христово, за показание того, что невинны и все те, которые страждут для Христа. Ясно показано, что никто не безопасен от бедствий и гонения, когда и такой возраст претерпел мучение. И какая тяжкая вина для человека–христианина, если он, раб, не хочет страдать, когда первым пострадал сам Господь, если мы не хотим пострадать за собственные грехи, когда Он, будучи безгрешен» пострадал за нас! Сын Божий пострадал, чтобы сделать нас сынами Божиими, а сын человеческий не хочет страдать, чтобы остаться навсегда сыном Божьим! Если мы терпим от ненависти мира, так эту ненависть прежде всех принял на себя Христос. Если мы переносим в сем мире поношения, изгнания и мучения, то гораздо тягчайшие испытал на себе Творец мира и Господь, который и указывает на это, говоря: *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы; якоже от мира не–сте, но въ избрах вы от мира, сею ради ненавидит вас мир: поминайте слово, еже аз рех вам: несть раб болий Господа своего: аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. 15:18—20). Господь и Бог чему научал, то и сделал, чтобы безответен был ученик, который учится и не делает.

Боязнь предстоящего гонения и пришествия антихриста да не устрасит никого, возлюбленнейшие братья, настолько, чтобы не найтись уже вооруженными на все евангельскими наставлениями, заповедями и увещаниями Небесными—Приходит антихрист, но и Христос не медлит. Восстает и неистовствует враг, но тотчас следует и Господь, имеющий отметить за наши страдания и раны. Ярится и угрожает противник, но есть могущий исхитить из рук его. Дѣлжно бояться Того, чей гнев никем не может быть избегнут, как сам Он предостерегает, говоря: *Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить: убойтесь же паче могущего и душу и тело погубити в геенне* (Мф. 10:28). И еще: *Любяй душу свою погубит ю, и ненаеидяй души своя в мире сем в живот вечный сохранит ю* (Ий. 12:25). В Апокалипсисе он дает нам следующее наставление и предостережение: *Аще кто поклоняется зверю и иконе его и приемлет начертание на челе своем или на руке своей и той иматъ нити от вина ярости Божия, вина влиянна, не растворений в чаши гнева Его. и будет мучен огнем и жупелом пред ангелы святыми и пред агнцем, и дым мучения их во веки веков восходит, и не имут покоя день и ночь поклоняющийся зверю и образу его* (Откр. 14:9—11). Люди упражняются и приготавливаются для мирского боя и считают великим для себя почетом, если им удастся быть увенчанными в глазах народа и в присутствии императора. А вот бой высокий и славный наградою Небесного венца, когда на нас подвизающихся будет смотреть сам Бог и, простирая взор свой на тех, которых Он удостоил сделать своими сынами, наслаждаться созерцанием нашей борьбы! И смотрит на нас Бог, смотрит и Христос, если мы сражаемся и ратуем—за веру—Какая великая слава и какое счастье сразиться в присутствии самого Бога и получить венец от Судии Христа!

Вооружимся же, возлюбленнейшие братья, всеми силами и приготовимся к бою мыслью непорочною, верою чистого, добродетелью совершенною. Да изыдут воины Божий на сражение, которое нам указывается. Да вооружатся непорочные, чтобы не погубить непорочности, которую

недавно соблюдали. Да вооружатся и падшие, чтобы возвратить то, что они потеряли. Непорочных честь, падших скорбь да призывает к бою. А как вооружаться и приготавливаться научает нас блаженный апостол Павел, говоря: *Несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным. Сего ради примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют и вся содеявшие стати. Стоните убо препоясаны чресла ваши истиною, и облекшесь в броня правды, и обувше нозе во уготовление благове–ствование мира: над всеми же восприимше щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукавого разженныя угасити: и шлем спасения восприимите и меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6:12—17) — Примем эти оружия, оградим себя этими укреплениями духовными и Небесными, да в лют день возможем противиться угрозам диавола и отразить их. Облечемся в броню правды, чтобы оградить и обезопасить сердце свое от стрел лукавого. Да будут обуты и вооружены ноги наши евангельским учением, чтобы змий не мог уязвить нас и преткнуть, когда станем попираť и стирать главу его.

Понесем храбро щит веры, чтобы, закрываясь им, можно было потушить раскаленные стрелы лукавого. Примем также для покрытия главы шлем спасения, чтобы оградить слух — да не слышит зверских указов, очи — да не видят гнусных истуканов, чело — да сохранится невредимым знамение Божие, уста — да победительный язык исповедует Господа своего Христа. Вооружим и десницу мечом духовным» чтобы она храбро отринула скверны жертвы, чтобы, помня Евхаристию, а которой преподается тело Господа, она обняла Его, когда потом будет принимать от Господа награду венцов Небесных. О! Какой страшный и сколь великий будет это день, возлюбленнейшие братья, когда Господь начнет судить людей своих и оценивать заслуга каждого по суду Божественного ведения, — когда виновных пошлет в геенну и мучителей наших в наказание предаст непрестающему огню, а нам воздаст награды за веру и упование! Какая будет слава и радость быть допущенными к созерцанию Бога, удостоиться вкусить радость спасения и вечного света со Христом, Господом нашим, Богом, приветствовать Авраама, Исаака, Иакова, всех патриархов, пророков, апостолов и мучеников, радоваться вместе с праведными друзьями Божиими в Царствии Небесном радостью дарованного бессмертия, получить там то, *чего ни око не видело, ни ухо не слышало и что на сердце человеку не всходило* (1 Кор. 2:9). Ибо гораздо больше получим там, нежели сколько делаем или претерпеваем здесь, по уверению апостола, который говорит: *Недостойны суть страсти нынешняго века к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8:18). Когда совершится такое явление и слава Божия нами воссияет, тогда мы, прославленные, по удостоению Господа, будем столько же блаженны и радостны, сколько останутся несчастными те — виновные, отступники от Бога, восставшие против Него и сотворившие волю диавола, которые по необходимости вместе с ним должны будут мучиться в огне неугасимом. Все это, возлюбленнейшие братья, да напечатлеется в сердцах наших. В этом пусть состоит приготовление к нашему вооружению, об этом да будет дневное и ночное наше размышление, чтобы пред глазами иметь, в помышлении и в сердце всегда содержать памятование о наказаниях беззаконников и наградах, и заслугах праведников, — памятование о том, чем Господь угрожает отступникам в наказание их и что обещает исповедникам для прославления их—Если день гонения застанет нас, когда будем думать и размышлять об этом, то воин Христов, наученный Его заповедями и увещаниями, не устрашитс я брани, но будет готов к получению венца. Желая вам, возлюбленнейшие братья, всегда здравствовать.

Письмо к Флоренцию Пупиану о поносителях

Киприан, прозвищем Гасции, — Флорентию, прозвищем Пуппиану.

Я, брат, думал, что ты уже покаялся в своем легкомысленном доверии, с которым в прошлом слушал, как на меня возводили обвинения в поступках ужасных, гнусных, отвратительных даже язычникам. Но я вижу по твоему письму, что ты каким был, таким и остался, веришь тем же наветам на меня. в своей уверенности тверд и, чтобы случайно не запятнать общением со мной своей славы мученика, тщательно роешься в моей жизни и хочешь, после Бога, судящего и ставящего епископов, судить, не меня — что я такое? но суд Божий и Христов. Это значит — не верить в Бога; это значит — восставать на Христа и Его Евангелие. Сказано ведь: «Не две ли малые птицы продаются за все? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца» (Мф. 10:29). Он, великий и праведный, указывает, что без ведома и разрешения Божия не совершается даже мелких событий, а ты полагаешь, что Его епископ поставлен в Церкви без Его ведома. Думать, что на это место поставлены люди недостойные и развратные, — значит утверждать, что епископы в Церкви назначаются не Богом и не по Божией воле.

Думаешь ли ты, что мое свидетельство о себе больше Божиего свидетельства? Господь Сам учит и говорит, что если человек сам свидетельствует о себе, то свидетельство его неверно, потому что каждый себе благоприятствует и не станет ссылаться на то, что ему во вред. Похвальный отзыв о нас неподдельно правдив, если нас хвалит и о нас свидетельствует кто-то другой, «Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий обо Мне» (Ин. 5:31–32). Сам Господь, грядущий судить всех, не пожелал, чтобы Ему верили на основании Его собственного свидетельства, а предпочел признание и свидетельство Отчее. Тем более должны соблюдать это правило рабы Его, чье не только признание, но и слава зависят от Божиего суда и свидетельства. А для тебя злостные выдумки врагов имеют силы больше, чем Божие решение, чем мое поведение, продиктованное совестью и верой...

Ты сказал, что епископ должен быть смиренен, потому что и Господь, и апостолы Его были смиренны. Что я смиренен, это прекрасно знают и за это любят меня и все братья и язычники; и ты это знал и любил меня. пока находился еще в Церкви и общался со мной. Кому же из нас не хватает смирения? Мне ли, который ежедневно на службе братьев и каждого проходящего в Церковь принимает с молитвой, лаской и радостью; или тебе, который себя, епископа, ставишь над епископом и судишь судью до времени, данного Богом. Господь Бог говорит во «Второзаконии»: «А кто поступит так дерзко, что не послушает священника или судьи, который будет в те дни» тот должен умереть и весь народ, услышит, и убоится, и не будет впредь поступать дерзко» (Втор. 17:12–13). И, обращаясь к Самуилу, говорит: «Не тебя они презрели, но Меня» (1 Цар. 8:7). А когда Господу было сказано: «Так ли отвечаешь первосвященнику?», то Он, уважая честь священства и уча уважать ее, ничего не сказал против первосвященника, а только, обеляя Себя, как невинного, ответил: «Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?» (Ин. 18:22–23). 3. И блаженный апостол, когда ему сказали: «Первосвященника Бояшя поносишь?», ничего оскорбительного не сказал священнику, хотя имел право неизменно обрушиваться на тех, кто распял Господа и погубил и храм, и священников. И хотя у мнимых, лишенных своего достоинства, священников ничего, кроме пустого имени, не оставалось, он думал только о самом имени и сказал: «Я не знал, братья, что он первосвященник. Написано ведь: начальствующего в народе твоём не злословь» (Деян. 23:5).

Или я был для тебя епископом до гонения, когда ты находился в общении со мной, а после гонения епископом быть перестал? Начавшееся гонение вознесло тебя на высоты мученичества,

а меня пригнуло тяжестью изгнания; публично было вывешено: «Если кто имеет у себя что—либо из имущества Цецилия Киприана, епископа христиан...». Не верящий в Бога, епископа поставляющего, мог уверовать в диавола, епископа изгоняющего. Я не хвастаю этим, а говорю об этом со скорбью, так как ты ставишь себя судьей Бога и Христа, Который сказал апостолам, а тем самым и всем епископам, которые наследуют апостолам, как их заместители: «Слушающий вас Меня слушает, а кто Меня слушает, слушает Того, Кто Меня послал. Отвергающий вас Меня отвергает и Того, Кто послал Меня» (Лк. 10:16).

Отсюда рождались и рождаются расколы и ереси: епископа, единственного главу Церкви, начинают в горделивом самомнении презирать, и человека, удостоенного чести от Бога, люди объявляют недостойным. Какая надменность, какая гордость, какая спесь — вызывать к себе на суд епископов и священников. И если мы не очистимся перед тобой и не будем, по твоему решению, оправданы, то оказывается, что вот уже шесть лет, как у братьев нет епископа, у народа — начальника, у стада — пастыря, у Церкви — кормчего, у Христа — предстоятеля, у Бога — священника. На помощь, Пуппиан! Вынеси постановление и утверди суд Божий и Христов, чтобы не думали, что число верных, собранных под нашей властью, уходит из этой жизни, отчаявшись в спасении и «мире»; чтобы на толпу новых уверовавших не смотрели, как на людей, не могших через нас получить в Крещении благодати; чтобы «мир», данный стольким покаявшимся «падшим», и возвращение их в Церковь, дозволенное после рассмотрения нами их дел, не были отменены твоим властным судом. Кивни, удостой высказать свое суждение о нас и утвердить наше епископство силой твоего расследования, чтобы Бог и Христос могли поблагодарить тебя, так как твоими стараниями восстановлен одновременно и служитель их алтаря и правитель народа.

У пчел есть царь, у стада — предводитель, и животные верны ему; разбойники повинуются своему атаману и смиренно ему служат. Насколько честнее и лучше нас неразумный скот, бессловесные животные, даже грабители, проливающие кровь, неистово сражающиеся с оружием в руках. Там признают и боятся начальника, которого поставило не Божие решение, но выбрала шайка пропащих злодеев.

Ты сказал, что тебе надо убрать из своей души сомнение, о которое ты споткнулся. Ты споткнулся, но по бессовестному легковерию; ты споткнулся» но по своей кощунственной мысли и охоте. Грязные, нечестивые, страшные обвинения против брата, против епископа ты спокойно слушаешь, охотно им веришь; чужую ложь ты защищаешь, как будто это твое собственное личное мнение. Ты забыл, что написано: «огради уши твои терновником и не слушай язык негодный» и еще: «злой человек слушает речи нечестивые; праведник не обращает внимания на речи лживые» (Притч. 14:25). Потому об это сомнение и не споткнулись мученики, исполненные Духа Святого, за страдания свои уже стоявшие на пороге встречи с Богом и Его Христом; из тюрьмы они написали письмо «Киприану епископу», признавая в нем священника Божья и о том свидетельствуя. Почему об это сомнение не споткнулось столько моих собратьев—епископов, которые или скрылись и были объявлены вне закона, или были схвачены и сидели в окопах по тюрьмам, или, отправленные в ссылку, пошли славным путем к Господу, или, как это кое—где случилось, были казнены и, прославленные Господом, получили небесные венцы? Почему из нашей здешней паствы, порученной мне по милости Божией, об это сомнение не споткнулось столько исповедников, попавших в тюрьму, подвергнутых пытке, славных своими шрамами — памятью честных ран, столько чистых дев, столько почтенных вдов, наконец, Церкви всего мира, тесно связанные с нами узами единения? Если все причащающиеся со мной, согласно твоему письму, осквернены моей скверной и утратили надежду на вечную жизнь от губительного общения со мной, — то, видимо, один только Пуппиан, чистый, незапятнанный, святой, целомудренный, не пожелавший встречаться с нами, один только и будет обитать в раю и

в Царствии Небесном!

Ты пишешь, что по моей вине часть Церкви оказалась в рассеянии, но ведь весь церковный народ собран вместе и един в своем нерушимом единодушии; вне Церкви остались те, кого следовало, находишь они в ней, выбросить вон; Господь, Помощник и Покровитель Своего народа, не может допустить, чтобы пшеницу расхищали с Его тока; от Церкви может отделиться только мякина, как и говорит Апостол: «Что же? если некоторые и были неверны, неверность уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3:3–4). И Господь, когда ученики оставили Его, обернувшись к двенадцати, сказал: «Не хотите ли и вы отойти?», и Петр ответил Ему; «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос — Сын Бога живаго» (Ин. 6:68–69). Так говорит Петр, на котором была воздвигнута Церковь; он учит от имени Церкви, что если из нее уйдет упрямая толпа гордецов, не желающая повиноваться, то Церковь от Христа не отойдет, а для Него Церковь — это народ, объединившийся вокруг своего епископа: стадо, ни на шаг не отстающее от своего пастыря. Ты должен понять, что епископ в Церкви, а Церковь в епископе и кто не с епископом, тот не в Церкви. Напрасно тешат себя те, кто не живет в мире с епископами Божиими, куда-то втираются и думают, что они танком у кого-то причащаются, Православная Церковь едина; она не может быть ни разорвана, ни разделена; епископы, крепко между собой связанные, представляют как бы клей, ее скрепляющий.

Итак, брат, если ты подумаешь о всемогущем Боге, Который епископов ставит, если оглянешься, наконец, на Христа, Который, присутствуя в Церкви, руководит по Своему усмотрению и по Своей воле и самими начальствующими и самой Церковью вместе с начальствующими; если поверишь в невинность епископов, слушаясь не людской злобы, а суда Божия; если хоть поздно, но покаешься в своем безрассудстве, гордости и заносчивости; если полностью умилишь Господа и Христа Его, Которому я служу и Которому неизменно, во время и гонения и мира, приношу жертву, тогда можно будет говорить об общении с тобой, храня благоговейный страх пред наказанием Божиим. И предварительно я попрошу у Господа моего знака и совета: разрешит ли Он дать тебе «мир» и принять в общение со Святой Церковью?

Я помню о том, что мне, послушному и робкому рабу, было показано, вернее, предписано Господним, Божественным повелением. Между прочими знамениями и откровениями, которых Он меня удостоил, есть и такое. «Кто не верил в Христа, назначающего епископа, уверует в Него, отмщающего за епископа». Я знаю, правда, что некоторым — во всяком случае тем, которые предпочитают верить не епископу, а наветам на епископов, — они кажутся смешными, а видения нелепыми. Не удивительно: и братья сказали об Иосифе: «Вот идет сновидец; пойдем теперь и убьем его» (Быт, 37:19–20), но сны сновидца осуществились, и убийцы и продавцы пришли в смятение: не верившие раньше словам должны были поверить, когда эти слова осуществились.

О том, что ты делал в гонение или спокойное время, мне было бы глупо судить: ведь ты поставил себя моим судьей. Я ответил тебе по чистой совести, полагаясь на Господа и Бога моего. У тебя мое письмо, у меня — твое. В день Суда, пред судилищем Христовым будет прочтено то и другое.

Письмо христианам Легиона и Астурики о падших епископах

Киприан, Цецилий, Прим, Поликарп, Никомед, Лукнан. Сукцес. Са-дат, Фортунат, Януарий, Секундин, Помпоний, Гонорат, Виктор. Аврелий, Саттий. Петр, Януарий второй, Сатурнин, Аврелий второй, Венантий. Квиет. Рогатиан, Тенакс, Феликс, Фавст, Квинт, Сатурнин второй, Лукий, Винцентий, Либоз. Геминий, Марцелл, Иамб, Адельфий, Викторин и Павел—священнику Феликсу и христианам Легиона и Астурики, а также диакону Элию и народу в Эмерите: привет наш в Господе .

На Соборе прочли мы письмо ваше, возлюбленные братья, которое прислали вы через наших епископов Феликса и Сабиаа. Вы написали его, побуждаемые своей чистой верой и страхом Божиим: вы сообщаете, что Васнлиду и Марциалу, запятнанным свидетельствами о принесении идольской жертвы и отягощенным сознанием ужасных, совершённых ими преступлений не подобает быть епископами и выполнять обязанности Божиих священников. Вы желаете от нас ответа и утешения или помощи в этой вашей справедливой и неизбежной тревоге. Ответом на ваше желание будет не столько наш совет, сколько Божия заповедь: давно уже голосом свыше, законом Господним предписано, каким людям подобает служить пред алтарем и приносить жертвы. В «Исходе» Бог говорит Моисею так: «Священники, приближающиеся к Господу Богу, должны освятить себя, чтобы не оставил их Господь» (Исх. 19:22), и еще: «И когда подходят служить к алтарю Святого, да не приводят с собой греха, чтобы им не умереть» (Исх. 20:20). И в книге Левит учит Господь: «Человек с пятном или пороком не должен приступать, чтобы принести дары Богу» (Лев. 21:17).

Давно уже имеются у нас эти указания, и мы обязаны покорно Божиим указаниям повиноваться и в таком деле не взирать на лица: можно ли по человеческой снисходительности быть широким там, где это идет наперекор Божественному закону? Мы не должны забывать слов, сказанных через пророка Исаию Господом. Он негодовал на то, что, забыв заповеди Божий, они следуют учениям человеческим: «Народ этот чтит Меня языком своим, сердце же его далеко отстоит от Меня. Благоговение их передо Мною есть изучение заповедей человеческих» (Ис. 29:13). Господь повторяет то же в Евангелии: «Вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти предание» (Мк. 7:9), 2. Имея перед глазами эти наставления, внимательно и благоговейно сообразуясь с ними при поставлении епископов, мы должны выбирать в предстоятелей ваших только людей чистых и незапятнанных, которые свято и достойно будут возносить жертву Богу, чьи молитвы о благосостоянии народа Божиего могут быть услышаны. Написано ведь: «Грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин. 9:31). Поэтому с великой осмотрительностью, по нелицеприятном расследовании, надлежит выбирать в епископы людей, которых Господь несомненно услышит.

Пусть народ не льстит себя мыслью, что его не коснется греховная зараза, хотя он и общается с грешным епископом, хотя услужливо и согласился на незаконное и несправедливое занятие епископского места этим главой. Господь через пророка Осию грозит таким наказанием: «Жертвы их как хлеб похоронный; все, кто будут есть его, осквернятся» (Ос. 9:4): это, конечно, указание на то, что опутаны грехом вообще все, кого осквернила жертва, приносимая епископом неправедным. То же самое найдем мы и в «Числах», в рассказе о том, как Корей, Дафан и Авирон, восстав на священника Аарона, дерзко присвоили себе право приносить жертву. И Господь через Моисея повелел народу отойти от них, чтобы, общаясь с людьми преступными, не наложить и на себя вины: «Отойдите от шатров нечестивых

закоренелых людей сих, и не прикасайтесь ни к чему. что принадлежит им, чтобы не погибнуть вам вместе от греха их» (Числ. 16:26). Поэтому—то народ, повинующийся наставлениям Господним и боящийся Бога. должен отойти от грешного главы и не бывать на службах епископа—кошунника, тем более, что он имеет полную возможность и выбирать достойных епископов и удалять недостойных.

Есть, как видим, Божие соизволение на то, чтобы епископа выбирали в присутствии народа, на глазах у всех, чтобы голосом всех засвидетельствовано было, что он достоин этого места и годится занять его; Господь так говорит Моисею в «Числах»: «Возьми Аарона, брата твоего. и Елеазара, сына его, и возведи их на гору перед всем обществом, и сними с Аарона одежды его, и облеку в них Елеазара, сына его, и пусть Аарон отойдет и умрет там» (Числ. 20:23—26). Перед всем народом велит Господь ставить первосвященника, иначе говоря, учит нас, что посвящать в священнические звания следует не иначе, как с ведома и согласия народа, чье присутствие дает возможность и раскрыть преступления плохих людей и объявить о заслугах хороших; посвящение будет правильным и законным, если оно проверено общим суждением и согласием. Впоследствии это соблюдалось в согласии с учением Господним: когда требовалось поставить епископа на место Иуды, Петр обратился к народу: «Петр, став среди учеников, обратился к народу; была же толпа...» (Деян. 1:15). Мы знаем, что апостолы соблюдали это при посвящении не только священников и епископов, но и диаконов, о чем и написано в «Деяниях»: «Тогда двенадцать апостолов, созвав множество учеников, сказали им...» (Деян. 6:2). Действовали так внимательно и осторожно и сзывали весь народ, чтобы на служение алтарю или на епископское место не втерся человек недостойный. Что посвящать недостойных не по Божию изволению, а по человеческому самомнению Богу не угодно, как вообще все. что не согласуется с законным и справедливым избранием, об этом Он Сам говорит через пророка Осию: «Поставляли царя себе сами, без Меня» (Ос. 8:4).

Поэтому надо тщательно хранить Господень завет и придерживаться того, чего придерживаемся и мы и почти все провинции:: епископ поставлен правильно, «ели туда, где будет поставление, съезжаются ближайшие епископы этой же провинции и епископа выбирают в присутствии народа, который досконально знает жизнь каждого и. общаясь с ним, видит его насквозь. Так происходило и у вас с поставлением собрата нашего Сабина: с согласия всех братьев и по решению епископов, которые или присутствовали лично, или написали вам письмо о нем, он получил епископство и назначен на место Василида. Посвящение, законно совершенное, не может считаться недействительным потому, что, когда преступления Василида были избличены и раскрыты его собственным признанием, он отправился в Рим, обманул нашего собрата Стефана, за дальностью расстояния не знающего истинного положения дел, и выпросил несправедливое восстановление в епископстве, которого справедливо был лишен. Этим Василид не зачеркнул своих преступлений, а только завершил их: к прежним грехам прибавились еще лукавство и преступный обман. Не так уж виноват тот. кто по небрежности допустил к себе втереться; проклят обманом втершийся. Если, однако, Васнлид мог втереться к людям, к Богу он не вотрется, ибо написано: «Бог осмеян не бывает» (Гал. 6:7). И Марциалу ложь не поможет: отягощенный великими преступлениями, он не должен оставаться епископом, ибо Апостол говорит: «Епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель» (Тит. 1:7).

Итак, возлюбленные братья, и ваши письма, и утверждения собратьев наших, Феликса и Сабина, на сообщения Феликса из Цезареавгусты, блюдущего веру и защищающего правду, свидетельствуют о том, что Василид и Марциал замараны преступным свидетельством об идолослужении. Василид же запятнан еще и богохульством: заболев и слегши, он похулил Бога, и сам сознался, что богохульствовал. С этой раной на совести он добровольно сложил с себя епископский сан, обратился к покаянию и молитве и считал бы себя вполне счастливым, если

бы ему довелось причащаться как мирянину; Марциал, как член коллегии, долго посещал мерзкие и грязные языческие пирушки; сыновей своих, членов той же коллегии, похоронил по языческому обычаю на мирском кладбище, рядом с язычниками; на публичном заседании перед «двухсотенным» прокуратором он засвидетельствовал свое согласие на идолослужение и отрекся от Христа. Есть еще много и других тяжких преступлений, в которых повинны Василид и Марциал. Напрасно такие стараются захватить епископские места; совершенно очевидно, что подобные люди не могут стоять во главе Христовой Церкви и не должны приносить жертву Богу, тем более что уже давно, в согласии с нами и со всеми епископами целого мира, Корнилий, собрат наш, епископ миролюбивый, праведный, удостоенный от Господа мученичества, постановил, что подобных людей можно допускать к покаянию, но следует запретить вступление в клир и принятие священства.

Пусть вас не тревожит, дорогие братья, что у кого-то в последние времена пошатнется вера, исчезнет страх Божий, нет мира и единомыслия. Господь возвестил, что так и будет перед концом мира. и апостолы засвидетельствовали, что накануне общей гибели и антихристового пришествия все доброе ослабеет, а злое и вражеское войдет в силу.

И все же, хотя и в последние времена, но в Церкви Божией Евангельское учение не будет настолько забыто, христианское мужество и вера настолько не ослабеют, чтобы не осталось хоть какого-то числа епископов, которых Не сокрушит ни упадок добра, ни гибель веры; сильные и стойкие, исполненные страха Божия, будут они поддерживать и благоговение перед величием Божиим и достоинство епископского сана. Будем крепко держать в памяти, что, когда другие подчинились и паля духом. Маттафия мужественно защищал закон Господень; когда евреи растерялись и стали отходить от веры в Бога, Илия устоял в своей величавой борьбе; Даниила не испугало ни одиночество в чужой стороне, ни упорное гонение, и он неоднократно, мужественно и славно, засвидетельствовал свою веру; трех отроков не сломали угрозы, огням Вавилона противопоставили они свою веру и, пленники, победили царя-победителя. Пусть теперь есть и двурушники и предатели, которые, находясь в Церкви, поднимаются на Церковь и расшатывают веру и правду; большинство хранят ум здравый, религию чистую и душу, преданную только Господу Богу своему. Чужое вероломство не разрушает их христианской веры, а скорее оживляет ее и устремляет к небесной славе, согласно словам блаженного Апостола, который убеждает и говорит: «Что же? Если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив» (Рим. 3:3—4). Если же всякий человек лжив и правда только у Бога, то что же должны делать рабы Божий и особенно епископы? — Оставив человеческую ложь и заблуждения, хранить заветы Господни и пребывать в правде Божией.

Поэтому, братья возлюбленные, если среди собратьев наших и оказались люди, которые считают, что можно пренебрегать правилами, данными от Бога, и по безрассудству своему общаются с Василидом и Марциалом, то это не должно смущать веры нашей, ибо Дух Святой в псалмах грозит таким людям: «Ты ненавидишь наставления Мои и слова Мои бросаешь за себя. Когда видишь вора. сходишься с ним и с прелюбодеями общаешься» (Пс. 49:17—18). Он указывает, что те, кто связался с преступниками, становятся соучастниками чужих преступлений. Это же говорит и апостол Павел: «Злоречивые, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, гордецы, изобретательные на зло... они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1:30—32). Он объявляет, что достойны смерти и будут наказаны не только делающие зло, но и те, кто соглашается на их злые дела. Находящиеся в недозволенном общении с людьми злыми, грешными и не кающимися оскверняются от соприкосновения с виноватыми: объединившись в ошибках, они разделят и наказание. Поэтому, дорогие братья, мы хвалим и

ценим тревогу, вызванную вашей чистой верой; убеждаем вас, как можем, письмом своим: не входите в нечестивое общение с грешными и запятнанными епископами; сохраняйте со страхом Божиим вашу крепкую и чистую веру.

Будьте здоровы, дорогие братья

Письмо к Квинту о крещении еретиков

Киприан брату Квинту желает здоровья. Сопресвитер наш Лукиан сообщил мне, возлюбленный брат, о твоём желании, чтобы мы изложили тебе наше мнение о тех, которые, по-видимому, крещены у еретиков и раскольников. Посылаю тебе для сведения список с письма, в котором изложено то, что недавно на Соборе постановили об этом предмете мы, весьма многие епископы, с присутствовавшими сопресвитерами. Я не знаю, каким предубеждением руководствуются некоторые из товарищей наших, думающие, что тех, которые приняли погружение у еретиков, когда они к нам приходят, не должно крестить, потому что, как они говорят, крещение одно. Оно одно потому, что Церковь одна и вне Церкви крещение невозможно. А так как не может быть двух крещений, то, если еретики крестят истинно, они имеют крещение. Кто своим удостоверением предоставляет им это право, тот уступает и соглашается, что враг и противник Христов имеет, по-видимому, власть омыwać, очищать и освящать человека. Мы же утверждаем, что приходящих оттуда мы у себя не перекрещиваем, но крестим. Ибо они ничего не получают там, где нет ничего, а приходят к нам, чтобы получить здесь, где есть благодать и всякая истина, потому что благодать и истина одна. Но некоторые из товарищей наших лучше хотят оказать честь еретикам, чем согласиться с нами; и когда, утверждая, что крещение одно, не хотят крестить приходящих, то, таким образом, или делают два крещения, потому что признают крещение и у еретиков, или, что еще хуже, скверное и нечестивое погружение еретиков стараются противопоставить и предпочесть истинному, единственному и законному крещению Кафолической Церкви, не размышляя о том, что сказано в Писании: Омывайся от мертвеца, кака польза ему от бани (Сир. 34:25)? Явно, что между мертвецами считаются те, которые вне Церкви Христовой, и что не может оживотворить другого тот, кто сам не живет: одна только Церковь, получившая благодать жизни вечной, и живет во веки, и животворит народ Божий.

Они говорят, что следуют в этом древнему обычаю. Но у древних были только еще первые начатки ересей и расколов, к которым уклонялись отступавшие от Церкви и получившие прежде здесь крещение; их-то и не было надобности крестить, когда они потом возвращались к Церкви и приносили покаяние. Это теперь соблюдаем и мы: если известно, что крестившиеся здесь и от нас перешедшие к еретикам, познавши потом свой грех и отвергнув заблуждение, возвращаются к истине и на лоно матери, то достаточно в знак раскаяния возложить на них руку, чтобы бывшую уже овцу, отчуждавшуюся впоследствии и заблудшую, пастырь снова принял в свою овчарню. Но если кто, приходящий от еретиков, не был прежде крещен в Церкви и приходит как совершенно чужой и непросвещенный, то, чтобы сделать его овцою, его нужно крестить, потому что одна есть вода в Церкви святой, соделающая овец. Итак, как не могут иметь ничего общего ложь и истина, тьма и свет, смерть и бессмертие, антихрист и Христос, то мы во всем должны держаться единства Кафолической Церкви и ни в чем не уступать врагам веры и истины. Не должно предписывать на основании обычая там, где следует доказать рассуждением. Ибо и Петр, которого первого избрал Господь и на котором основал свою Церковь, когда впоследствии Павел вступил с ним в спор об обрезании, ничего не присвоил себе нагло и не говорил с высокомерием, что ему, как первоизбранному, должны повиноваться новички и последующие: он не пренебрег Павла, несмотря на то что тот прежде был гонителем Церкви, но принял совет истины и легко согласился на законное рассуждение, отстаиваемое Павлом, представляя нам пример согласия и терпения, чтобы мы не держались упорно своего мнения, но если когда предлагается что-либо полезное и спасительное братьями и товарищами нашими, то считали бы это своим, если только оно истинно и законно. И Павел, промышляя о том и верно заботясь о

согласии и мире, так выразился в своем Послании: Пророцы же два или три да глаголют, и друзии да рассуждают; аще ли иному открывается сидящу, первый да молчит (1 Кор. 14:29—30). Этим он научал и показывал, что каждому порознь может быть многое открыто к лучшему и никто не должен отстаивать упорно то, что он однажды задумал и чего держится лучшего и полезнейшего, всяк должен охотно принимать это. Ибо мы не побеждаемся, когда нам предлагают лучшее, но вразумляемся, особенно относительно того, что принадлежит к единству Церкви, к истине надежды и веры нашей. И мы, священники Бога, по Его удостоению поставленные начальниками в Его Церкви, должны знать, что отпущение грехов может быть даруемо только в Церкви и что противники Христа нисколько не могут присвоивать себе Его благодати. То же постановил и с общего совета по здоровом рассуждении утвердил муж блаженной памяти Агриппин с другими своими соепископами, которые управляли в то время Господнею Церковью в области африканской и нумидийской. Их—то благочестивому, законному и спасительному мнению, согласному с верою я Кафолическою Церковию, и мы последовали. А чтобы ты знал, какое мы написали письмо об этом предмете, посылаем тебе по общей любви список с него для сведения как твоего, так и находящихся там наших соепископов. Желая тебе, возлюбленный брат, всегда здравствовать.

Письмо к Цецилию о Таинстве Чаши Господней

Киприан Цецилию, брату, желает здоровья. Я знаю, возлюбленный брат, что из поставленных Богом епископов над церквами Господними во всем мире большая часть хранит правило евангельской истины и Господнего предания, не отступая к человеческим нововведениям от того, чему научил Христос Учитель и что совершил Он Сам. Но поскольку некоторые при освящении чаши Господней и преподавании ее народу по невежеству ли или по простоте не соблюдают того, что совершал и заповедал совершать Виновник сего жертвоприношения и Учитель Господь наш Иисус Христос, то я счел сколь благочестивым, столь и необходимым делом написать тебе об этом с той целью, чтобы открытием света истины обратить к корню и началу предания тех, которые еще доселе пребывают в заблуждении. Не подумай, возлюбленный брат, чтобы мы, всегда думая о себе со смирением и уничижением, дерзнули писать это как свое человеческое или как от себя. Когда верный раб Господень повинуется в чем-либо Господу своему, будучи обязан к тому или внушением Божиим, или заповедью, то оправдывает перед всеми то самое, что он действует не по своей воле и не по гордости, а единственно из опасения оскорбить Господа неисполнением Его повеления. А мы, пусть будет тебе известно, приняли заповедь сохранять предание Господне в приношении чаши Господней и не иное что совершать, как то, что ради нас совершенно первоначально самим Господом, т. е. чашу в Его воспоминание приносить не иначе, как растворяя вином. Христос говорит: *Аз есмь лоза истинная* (Ин. 15:1). Значит, Кровь Христова есть не вода, а вино, и нельзя потому думать, что Кровь Господня, которою мы искуплены и оживотворены, находится в чаше Господней тогда, когда в ней недостает вина, потому что одно вино представляет Кровь Христу, как это можно видеть из прообразов к свидетельствам всех Писаний. Так, первый прообраз сего таинства мы находим в Книге Бытия в лице Ноя в котором будущее страдание Господне предызображено тем, что он *испи от вина, и упися, и обнажися в доме своем*, что средний сын его, видя наготу отца своего, *изшед вон повода*, и другие два — старший и меньший — покрыли наготу его (Быт. 9:21—23). Пре-дызображали это и многие другие обстоятельства жизни Ноя, но мы считаем излишним исчислять их, находя достаточным указать на важнейшее из них, именно на то, что Ной, представляя собою прообраз будущей истины, пил не воду, а вино и этим предызобразил страдание Господне—Подобным же образом и в священнике Мелхи—седеке предызображено было таинство жертвоприношения Господня, как свидетельствуют об этом следующие слова Божественного Писания: *и Мелхиседек, царь Салимский, извнес хлеба и вино, бяхе же священник Бога Вышняго. И благослови Авраама* (Быт. 14:18—19). А что Мелхиседек бы прообразом Христа, это видно из псалмов, где Дух Святой говорит от лица Отца к Сыну: *Прежде денницы родих тя, — ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. 109:3—4). Этот-то чин и есть чин, выразившийся в жертвоприношении, и он ведет свое начало от того, что Мелхиседек был священником Бога Вышнего, что принес хлеб и вино и благословил Авраама. Ибо кто по преимуществу есть священник Бога Вышнего, как не Господь наш Иисус Христос, Который принес жертву Богу Отцу, и жертву такую же, какую принес Мелхиседек, — хлеб и вино, т. е. Свое Тело и Кровь? А само благословение, данное Аврааму, предызобра-зительно относилось к нашему народу. Если Авраам *верова Богу и вменися ему в правду* (Быт. 15:6), то, значит, всякий, кто верует в Бога и живет по вере, был оправдан и благословен еще прежде в лице верного Авраама, что подтверждает и блаженный апостол Павел. *Авраам верова Богу, — говорит, — и вменися ему правду. Разумейте убо, яко суци от веры, сии суть сынове Авраамли. Предувидевши же Писание яко от веры оправдает языки Бог, прежде благовествова Аврааму, яко благословятся о тебе вси языки. Темже суций от веры*

благословятся с верным Авраамом (Гал. 3:6—9). Потому—то и в Евангелии читается, что *от камней воздвигаются*, из язычников собираются чада Аврааму (Мф, 3:9). И, по—хваляя Закхея, Господь сказал: *Днес спасение дому сему бысть, зоне и сей сын Авраамль есть* (Лк. 19:9). По той же причине и для того, чтобы надлежащим образом могло совершиться благословение, преподанное священником Мелхиседеком Аврааму, как говорится в Книге Бытия, благословению предшествует прообраз жертвы Христовой, состоящий в хлебе и вине. Этот—то прообраз исполняя, Господь принес хлеб и чашу с вином, исполнил истину, предначертанную в образе, будучи сам полнотою истины. Также через Соломона Дух Святой предначертал образ жертвоприношения Господня, указав не только на закланную жертву, на хлеб и вино, но и на жертвенник и апостолов. *Премудрость*, — говорит, — *создай себе дом и утверди столпов седьмь: закла своя жертвенная и раствори в чаши своей вино, и уготова свою трапезу. Посла своя рабы, созывающи с высоким проповеданием на чашу, глаголющи; иже есть безумен, да уклонится ко мне, и требующим ума рече: приидите, ядите мой хлеб и пиите вино, еже растворих вам* (Притч. 9:1—5). Говорится о вине растворенном, т. е. пророчески предвозвещается о чаше Господней, растворенной водою и вином, с намерением показать, что в страдании Господнем совершилось то, что предварительно было предсказано. То же самое предызображено и в благословении Иуды; здесь образ Христа представляется в том, что братья его похвалят Его и поклонятся Ему, что руки Его, которыми Он понесет крест и сотрет смерть, поразят плечи врагов, им побежденных и обращенных в бегство, что Он, лев из колена Иудина, возлеж, спит в страдании, но возбудится Он, чаяние языков (Быт. 49:8—10). К этому Божественное Писание присовокупляет еще следующие слова: *Исперет вином жажду свою и кровию гроздия одеяние свое* (Быт. 49:11). Что же другое здесь означает кровь гроздия, как не вино чаши Господней Крови? То же самое свидетельствует Дух Святой и у Исаии касательно страдания Господня, когда говорит: *Почто червлены ризы твоя и одежды твоя яко от истоптания точила, пол—наго и утоптанного ногами* (Ис. 63:2—3). А могут ли сделаться одежды красны от воды и кто топчет ногами в точиле и выжимает воду? Значит, здесь говорится о вине с той целью, чтобы обозначить им Кровь Господню и чтобы предсказать через пророков то, что после имело открыться в чаше Господней; а точильное выжимание и топтание показывают, что, как мы не имели бы возможности пить вина, если бы предварительно виноградная кисть не была истоптана и выжата, так точно не могли бы мы пить и Крови Христовой, если бы Христос не был прежде истоптан и выжат, если бы сам прежде не пил чаши, которую имел преподавать верующим.

Вода, сколько раз ни упоминается о ней одной в Священном Писании, всегда предызображает крещение, как, например, у Исаии: *Не поминайте первых, и ветхих не помышляйте: Се аз творю новая, яже ныне возсияют, и увесте я: и сотворю в пустыни путь и в безводней реки — напоити род мой избранный, люди моя, яже снабдех, добродетели моя поведати* (Ис—43:18—21). Здесь через пророка предвозвещает Бог, что у язычников в тех местах, которые были прежде безводны, после потекут реки и напоят избранный народ Божий, т. е. тех, которые через возрождение крещения сделаются чадами Божиими. Опять он предсказывает еще, что Иудеи, если возжаждут и будут искать Христа, то они будут напоены у нас, т. е. у нас получают благодать крещения. *Аще возжаждут*, — говорит, — *пустынею проведешь их и воду из камене изведешь им, разсядется камень и потечет вода и испиют людие мои* (Ис. 48:21). Все это исполнилось, по Евангелию, в то время, когда Христос, который есть камень, был прободен копьем во время страдания и который, указывая на то, что было предсказано пророком, *зваше, глаголя: Аще кто жаждет, да приидет ко мне и пьет. Веруяй в Мя, якоже рече писание, реки от чрева его истекут живы* (Ин. 7:37—38). А чтобы яснее было видно, что Господь говорит здесь не о чаше, а о крещении, Писание присовокупляет: *Сие же рече о Дусе, Егоже хотяху*

приимати верующий во имя Его (Ин. 7:39). Дух же Святой принимается через крещение, а к питью чаши Господней приступают те, которые уже крестились и сподобились его принять. Что Божественное Писание, говоря о крещении, представляет нас жаждущими и пигощими, это никого не должно приводить в недоумение; так как и Господь говорит в Евангелии: *Блаженни алчущий и жаждущий правды* (Мф. 5:6), потому, конечно, что полнее и обильнее почерпается то, к чему у нас больше алкания и жажды. И в другом месте Господь говорит жене—самарянке так: *Всяк, пий от воды сея, вжаждется паки: а иже пьет от воды, юже аз дам ему, не вжаждется во веки* (Ин. 4:13—14), чем обозначает то свойство спасительного крещения, по которому оно однажды принимается и больше не повторяется, между тем как чаша Господня в церкви составляет всегдашний предмет жажды и питья.

Впрочем, нет надобности, возлгобленнейший брат, распространяться в доказательствах того, что именем воды всегда в Писании означает крещение и что так надобно понимать это тем более, что Господь, пришедши в мир, преподавал нам истинное учение о крещении и Чаше, с одной стороны заповедавши преподавать верующим в крещении сию воду веры. волю жизни вечной, а с другой стороны примером своим научивши нас чашу растворять вином вместе с водою. В навечерие дня своего страдания, взявши чашу. Он благословил ее и дал ученикам своим, говоря: *Пиите от нея вси: сия бо есть кровь моя, нового завета, яже за многия изливаемая во оставление грехов. Глаголю же вам, яко не имам пити отныне от сего плода лознаго до дне того, егда е пю с вами ново во Царствии Отца Моего* (Мф. 26:27—29). Тут мы видим, что чаша, которую Господь приносил, была растворена и то, что назвал Он своею кровию, было вино. Отсюда очевидно и то, что кровь Христова не приносится в чаше, когда недостает в ней вина, и что жертвоприношение Господне не получает законного освящения, когда наше приношение и жертва не соответствуют страданию Господню. Да и как мы сподобимся пить со Христом вино новое от плода лозного в Царствии Его Отца, когда в жертве Богу Отцу и Христу не приносим вина и чаши Господней не растворяем вином по Преданию Господню. Блаженный апостол Павел, посланник Господень, избранный в благовестие истины евангельской, в послании своем так изображает это таинство. *Господь Иисус, — говорит, — в ночь, в нюже предан бываше, приемь хлеб, и благодарив преломи, и рече: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое: сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сия чаша новый завет есть в Моей Крови: сие творите, влижды аще пиете, в Мое воспоминание. Елижды бо аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет* (1 Кор. 11:23—26). Если же Господь заповедует и апостол Его подтверждает и передает, чтобы мы всякий раз, когда пьем в воспоминание Господне, делали то, что делал сам Господь, то ясно, что заповедь сия будет соблюдена только в том случае, если мы будем делать то же, что делал Господь, и если, растворяя чашу Господню, не будем отступать от Божественного наставления. А что нимало не дблжно отступать от заповеданного в Евангелии и что ученики в точности должны сохранять и делать то, чему учил и что делал учитель, этому блаженный апостол учит в другом месте строже и сильнее. *Чужду—ся, — говорит, — яко так скоро пролагаетесь от звавшиаго вы благодатию Христовою ео ино благовествованные: еже несть ино, точию нецыи суть смущающий вы и хотящий превратити благовествование Христово. Но и аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1:6—8). Итак, если ни сам апостол, ни ангел с небес не могут благовестить иначе и учить паче того, чему научал Христос и что благовестили апостолы Его, то я удивляюсь, откуда это в некоторых местах вошло противное евангельскому и апостольскому учению обыкновение приносить в чаше Господней воду, между тем как вода одна не может представлять Крови Христовой. Об этом таинстве и в псалмах не умолчал Дух Святой, сказавши о чаше Господней: *Чаша твоя упоеваючи мя, яко державна* (Пс. 22:5). Чаша, которая упо—евает,

само собою разумеется, бывает растворена вином, ибо водою никто не может упиться. Чаша же Господня упоевает так, как, по сказанию Книги Бытия, был упоен и Ной, напившись вина. Но, чтобы показать, что опьянение от чаши Господней и крови не таково, каково опьянение от вина обыкновенного, Дух Святой, сказавши в псалме: *Чаша твоя упоеваючи*, присовокупляет: *Яко державна, т. е.* чаша Господня так упоевает пьющих от нее, что делает их еще трезвее, направляя умы их к духовной мудрости и вместо предметов земных устремляя мысль к одному Богу. И, как после вина обыкновенного ум делается более свободным, душа более восторженною, забывая все прошедшие скорби, так точно после питья крови Господней из спасительной чаши изглаждается память человека, забывается его прошедшая жизнь и место тяжкого и скорбного чувства греховности, гнетущего сердце, заступает чувство радостное о милосердии Божиим; но такой радости может сподобиться пьющий в Церкви Господней только тогда, когда в питии сохранена истина Господня. И сколь нечестиво, сколь богопротивно делать из вина воду, когда претворение Господом воды в вино на браке должно бы вразумить и наставить нас, что в жертвоприношениях Господних надлежит преимущественно приносить вино! У иудеев недоставало вина, потому что недоставало у них благодати духовной, между тем как дом Израилев был виноградом Господа Саваофа (Ис. 5:7). Поэтому Иисус Христос, желая показать, что язычники вступают в наследие Его и по заслугам веры начинают занимать место, потерянное иудеями через неверие, претворил тогда воду в вино и тем изобразил, что, тогда как медлили иудеи на брак Христа с Церковью, народ языческий со всех сторон стекался туда и собирался. А что воды означают народ, это подтверждает Божественное Писание в Апокалипсисе, где говорится: *Воды, яже еси видел, идеже любодейца сидит, людие и народи суть, и племена и языцы* (Откр. 17:15). Это самое представляется и в таинстве чаши. Так как Христос, понесший на себе грехи наши, понес всех нас, то ясно, что водою означает народ, а вином — Кровь Христова. Смешение в чаше воды с вином показывает союз народа со Христом, верующих с тем, в кого веруют. Вода и вино после смешения в чаше Господней так неразрывно и тесно соединяются между собою, что не могут отделяться одно от другого: так точно ничто не может отделить от Христа Церкви, т. е.—народа, составляющего Церковь, твердо и непоколебимо пребывающего в вере и связанного всегдашнею нераздельною любовью. Поэтому—то при освящении чаши Господней нельзя приносить ни одной воды, ни одного вина. Если бы приносимо одно вино, то Кровь Господня осталась бы без нас, а если бы приносима была одна вода, то народ оставался бы без Христа. И потому таинство духовное и небесное совершается только тогда, когда то и другое смешиваются и неразрывно соединяются одно с другим—Таким образом, чашу Господню не составляет ни одна вода, ни одно вино, но то и другое вместе, равно как и телом Господним не может быть ни одна мука, ни одна вода, но то и другое, соединенные в составе одного хлеба. И здесь таинственно изображается единение народа. Ибо, как многие зерна, вместе собранные, смолотые и замешенные, образуют один хлеб, так точно образуют одно и то же тело многие верующие, соединяясь во Христе, сем Небесном хлебе.

Итак, возлюбленный брат, ни в каком случае не должно следовать обычаю некоторых — приносить воду в чаше Господней, хотя бы прежде нас и были люди, считавшие это законным. Их надобно спросить: кому они следовали? Ибо если в жертвоприношении, которое совершил Христос, должно подражать Христу, то, значит, должно без всякого прекословия совершать то, что совершил Христос и что совершать заповедал, тем более что сам же он в Евангелии говорит: *Лице творите, елика заповедал вам, не тому глаголю вас рабы, но друзи* (Ин. 15:14—15), а Отец свидетельствовал с небес, что должно слушать одного Христа, говоря: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о нем же благоволих, Того послушайте* (Мф. 17:5). Если же должно слушать одного только Христа, то нам надлежит обращать внимание не на то, что вздумалось кому-либо делать прежде нас, а на то, что совершил Христос, сущий прежде всех; должно следовать не

обычаю человеческому, а истине Божией, во внимание к сказанному Богом через пророка Исаию: *Всуде же почитают мя, учаще заповедем человеческим и учениям* (Ис. 29:13). Это же повторяет Господь и в Евангелии, говоря: *Преступаете заповедь Божию за предание ваше* (Мф. 15:3); а в другом месте Он же говорит: *Иже аще разорит едину заповедей сих малых и научит тако человеки, мний наречетя в царствии небеснем* (Мф. 5:19). Если не позволительно нарушать ни одной малой из заповедей Господних, то насколько преступнее нарушать или изменять по преданиям человеческим, вопреки Божественному установлению, столь великую, столь важную Божественную заповедь, которая так близко касается самого таинства страдания Господня и нашего искупления. Если Господь и Бог наш Иисус Христос есть сам верховный священник Бога Отца, если Он первый принес Самого Себя в жертву Отцу и заповедал сие творить в его воспоминание, то очевидно, что только тот священник есть истинный преемник Христов в служении, который подражает в священнодействии Христу, и только тогда он приносит полную и совершенную жертву Богу Отцу в Церкви, когда приносит ее так, как приносил Сам Христос.

Напротив, совершенно извращается весь устав веры и истины, если строго не соблюдается то, что поведено относительно духовных действий. Разве кто боится, чтобы по причине вкушения им вина при утренней жертве от него не было запаха Крови Христовой? Вот оттого—то, что братство приучается стыдиться жертвенной крови Христовой, оно начинает уклоняться от страдания за Христа во время гонений. Между тем и Господь в Евангелии говорит: *Иже аще постыдится Мене, и Сын человеческий постыдится его* (Мр. 8:38), и апостол тоже проповедует и говорит: *Аще бы бых еще человеком угождал. Христов раб не бых убо был* (Гал. 1:10). Да и каким образом мы хотим пролить кровь за Христа, когда стыдимся пить Кровь Христову? Может быть, кто—либо обольщает себя той мыслью, что хотя утром и приносится одна вода, однако во время вечерней трапезы мы приносим чашу растворенную—Но во время вечера мы не можем созывать нашего народа, чтобы совершить священнодействие таинства в присутствии всего братства. Правда, Господь не утром, а после вечера принес чашу, растворенную вином. Так неужели и нам совершать таинство Господне после вечера и предлагать растворенную чашу тем, которые должны быть при священнодействии? Христу надлежало принести жертву в конце дня для того, чтобы самым временем жертвы изобразить запад и вечер мира, как написано в книге Исхода: *И заколют то все множество сынов Израилевых к вечеру* (Исх. 12:6) — и в псалмах: *Воздеяние руку мою, жертва вечерняя* (Пс. 140:2). А мы торжествуем Воскресение Господне утром. Но так как при всякой жертве мы вспоминаем страдание Господа (ибо жертва, приносимая нами, есть Его страдание), то мы и не должны делать ничего другого, кроме того, что Он делал. Писание говорит: *Елижды бо аще хлеб сей ясте и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет* (1 Кор. 11:26). Следовательно, всякий раз, как приносим чашу в воспоминание Господа и Его страданий, мы должны делать то, что, как нам известно, делал Господь.

Смотри же, возлюбленный брат, если кто из предшественников наших по невежеству или по простоте не соблюдал и не держался того, что сохранять заповедал нам Господь и Своим примером, и Своим учением, то Господь по своему милосердию мог простить его неведение. Но это не может быть прощено нам, которые ныне получили вразумление и увещание от Господа приносить чашу, растворяя вином, как и Господь приносил, и писать о том же к товарищам нашим, чтобы везде были соблюдаемы заповедь евангельская и Предание Господне и чтобы не было отступления от того, чему научил Господь и словом и делом. Пренебрегать этим и теперь и оставаться в прежнем заблуждении — не значит ли делать себя повинным тем упрекам, которые Господь изрекает в псалме: *Векую поведавши оправдания Моя и восприемиши завет Мой усты твоими; ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса Моя вспять, аще видел еси*

татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси (Пс. 49:16—18). В самом деле, поведать оправдания и завет Господа и не делать того, что делал Господь, — не значит ли это отвергать словеса Его и возненавидеть наказание Господне? Не значит ли похищать у евангельской истины слова и действия нашего Господа, портить и насиловать Божественные заповеди и таким образом совершать если не плотские, то духовные татьбы и прелюбо–действия, как говорит об этом Иеремия: *Что плевы к пшенице?.. сего ради се Аз ко пророкам, рече Господь, иже крадут словеса Моя кийждо от искренняго своего и прельстиша люди Моя во лжах своих и в прелестех своих* (Иер–23:28:30:32). И в другом месте у того же пророка читаем: *И соблудила есть с камнем и со дровом. И во всех сих не обрати ко мне* (Иер. 3:9—10). Чтобы и на нас не пала вина в таковой татьбе и прелюбодействе, мы должны приступать осторожно, со страхом и благочестием, ибо если мы священники Божий и Христовы, то я не нахожу, кому нам преимущественно и последовать, как не Богу и Христу, тем более что Он сам в Евангелии говорит: *Аз есмь свет миру: ходяй по мне, не имать ходити во тьме, но имать свет животный* (Ин. 8:12). Следовательно, чтобы не ходить во тьме, мы должны идти за Христом и сохранять Его заповеди, потому что и Сам Он, посылая учеников на проповедь, сказал в другом месте: *Дадесе ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше убо, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедал вам* (Мф. 28:18—20). Поэтому если мы хотим ходить во свете Христовом, то да не отступаем от заповедей Его и наставлений, благодаря Его за научение нас тому, что мы должны делать в будущем, и за прощение прежнего нашего заблуждения, допущенного нашим неведением. По своей благости и любви Он более и более просвещает сердца наши светом истины за приближением к нам второго пришествия Его. Итак, возлюбленный брат, с благочестием, со страхом Божиим, с нашим званием и долгом пастырства согласно соблюдать Предание Господне в растворении и приношении чаши Господней и по наставлению Господню исправить допущенные доселе некоторыми ошибки, дабы, когда приидет Господь в славе и величии небесном, Он нашел нас содержащими то, что внушал нам, соблюдающими то, чему научил, и совершающими то, что Он Сам совершал. Желая тебе, возлюбленный брат, всегда здравствовать.

Письмо к Немезиану и другим сосланным на рудокопии

Киприан —Немезиану, Феликсу, Лдию, Феликсу второму. Литею,. Полиану, Виктору, Иадеру, Дативу—братьям—епископам, а также священникам, диаконам и. прочим братьям, находящимся в рудниках, мученикам Всемогущего Бога Отца и Иисуса Христа Господа нашего и Бога Спасителя нашего '.

Слава ваша, блаженные, возлюбленные братья, обязывала бы меня прийти к вам, взглянуть на вас и вас обнять, но, сосланный за исповсдание веры, я не могу выйти за пределы назначенного мне места. Я однако, являюсь к вам тем способом, каким могу: прийти к вам ногами мне не дано, но я с вами любовью и духом своим. В письме раскрою я свою душу, расскажу, как я ликовал, узнав о вашем мужестве и славе. Я не делю ваших страданий, но любовь делает меня вашим товарищем. Могу ли я молчать, заставлю ли свой голос умолкнуть, когда столь много славных дел совершено людьми, мне дорогими! Господь по милости Своей почтил вас: одни опередили вас, закончив свое мученичество, за которое получают венец от Господа, другие в оковах до сих пор ждут в темницах или в рудниках. Вы подаете братьям великий пример, укрепляющий и вооружающий их, этим медлительно тянущимся страданием; вас мучают не спеша, и это увеличивает ваши заслуги: вы получите на небе столько наград, сколько насчитываете теперь мучительных дней. Я не удивляюсь. мужественные, блаженные братья, что так случилось по вашей вере и благочестию; Господь захотел поднять вас на самую вершину славы, ибо всегда в Церкви Его сильны вы были неизменно хранимой верой, твердо соблюдали Божий заповеди, были просты сердцем и невинны, единомысленны в любви, скромны и смиренны, усердны в исполнении обязанностей, неусмпыны в помощи страдающим, милосердны в попечении о бедных, непоколебимы в защите истины, строги в соблюдении дисциплины. И чтобы не было пробела в вашей доброй деятельности, вы, голосом вашего испо-ведничества и телесными муками, зовете братьев к свидетельству о Боге. вы—учителя мужества, Паства следует за своими пастырями и подражает их делам, которые видит, и Господь венчает их за равные заслуги в служении Ему.

Вы были сначала тяжко избиты палками; этой казнью положили вь; честное начало своему исповедничеству, и ее не следует презирать Христианин не боится палок, ибо вся его надежда на Древо: раб Христов видит здесь символ своего спасения; искупленный Древом для жизни вечной, он деревом ведом к венцу. Удивительно ли, что вы, сосуды золотке и серебряные, отправлены в рудники, обиталище золота и серебра? Удивительно другое—природа рудников изменилась: раньше они давали золото и серебро, теперь стали забирать их себе. На ноги ваши наложили колодки, и блаженное тело ваше, храм Божий, связали позорными узами, как будто можно вместе с телом связать и дух или запятнать ваше золото прикосновением железа. Для людей, посвятивших себя Богу, благочестиво и мужественно засвидетельствовавших свою веру, — это не узы. а украшения. Скованные ноги для христианина—не позор, а слава. О. ноги, для счастья скованные! Их раскует не кузнец, а Господь. О, ноги. для счастья скованные! Путем спасения направляются они к раю. О, ноги, скованные на время в миру, чтобы быть всегда свободными у Господа! О, ноги, медленно передвигающиеся от колодок и поперечин, но быстрп бегущие к Христу путем славы. Пусть злобная и лукавая жестокость держит вас, сколько ей угодно, в своих узах и оковах; вы скоро уйдете с эемли и от этих мук в Царство Небесное. Тело в рудниках не покоится на кровати с тюфяками, оно покоится в утешении и ласке Христовой На земле лежат усталые от работы члены, но если лежат со Христом, то это не наказание. Бани нет, тело заскорузло от грязи и стало противным. но. плотски грязное, оно омыто духовно. Хлеб там выдается скудно, но «не хлебом единым живет человек, но и словом Божиим» (Лк. 4:4). Одежды

мерзнущим не хватает, но облекшийся во Христа и одет и ухожен. Щетиной торчат волосы на полуобритой голове, но глава человека— Христос, и какова бы ваща голова ни была, она прекрасна, потому что отмечена за имя Господне. Все это безобразие, противное и отвратительное для язычников, каким будет вознаграждено великолепием! Земная краткая мука сменится сиянием вечной славы, согласно слову блаженного Апостола: «Господь преобразит уничиженное тело наше, так что оно будет сообразно славному телу Его» (Флп. 3., 21).

Не чувствуйте, возлюбленные братья; никакого ущерба вашему благочестию и вере оттого, что там служителям Божиим нет возможности совершать Божественную службу. Вы служите ей и приносите жертву Богу драгоценную, славную, которая много поможет вам получить награду на Небе, ибо в Священном Писании сказано: «Жертва Богу дух сокрушенный, сердца сокрушенного и смиренного Бог не презирает» (Пс. 50:19). 2. Эту жертву приносите вы Богу. Эту жертву совершаете непрерывно днем и ночью; сами вы стали жертвой Богу, предлагая себя как святых и непорочных овец на заклание, по слову Апостола: «Умоляю вас, братья, милосердием Божиим, предоставьте тела ваши в жертву живую, святую, угодную Богу, не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:1—2).

Вот что особенно угодно Богу. вот за что к делам вашим особенно благоволит Бог, вот чем единственно по своей вере и преданности можем мы возблагодарить Бога за Его великие и спасительные благодеяния. Об этом сказано в псалмах и засвидетельствовано Духом Святым: «Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения прииму, и имя Господне призову... Дорога в очах Господних смерть святых Его» (Пс. 115:3—4:6). Кто же с охотой и готовностью не примет чашу спасения, кто не устремится в радости и веселии хоть чем-нибудь воздать Господу своему, кто не встретит стойко и мужественно смерть, дорогую в очах Божиих? Он угодит Богу, Который с одобрением взирает с небес на нас, сражающихся за Него, помогает борющимся, венчает победителей, вознаграждая нас по Отчей благодати и любви за то, что дал Сам, и оказывая честь тому, что Сам усовершил.

Наша победа—Его дело; о том, почему, повергнув противника, получаем ми пальмовую ветвь в великом состязании, сказано Господом в Евангелий: «Когда будут предавать вас. не заботьтесь, как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф. 10:19—20). И еще: «Положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать—Ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противостоять противники ваши» (Лк. 21:14—15). В этом и великое упование верующих, и тягчайшая вина безбожников: не верить Тому, Кто обещал подать помощь Свою исповедникам, и не бояться Его, грозящего вечными муками отрекшимся,

Все это, мужественные и верные воины Христовы, внушили вы братьям нашим, осуществив на деле то, чему раньше учили на словах. Велики вы будете в Царствии Небесном, ибо Господь пообещал: «Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5:19). Очень много людей, последовавших вашему примеру: как вы, исповедали они Христа, как вы, были увенчаны. Их связали с вами узы крепкой любви, и ни темница, ни рудники не смогли отвести их от вас, своих вождей. В числе их есть и девицы; к урожаю своему в 60 они прибавили стократный и получили небесный венец, осиянные двойной славой (Мф. 13:8). И дети в славном исповедании своем превзошли мужеством свой возраст: да украсит блаженный ваш отряд мучеников всяк пол и возраст.

Как сильно сейчас, дорогие братья, у вас сознание победы! Как высока ваша душа, как ликует разум и торжествует сердце! Каждый из вас стоит перед Богом, ожидая обещанной награды, не беспокоясь о дне Суда. Узник в рудниках, с душой царственной, он знает, что Христос рядом с ним, и Он радуется на терпение рабов Своих, радостно идущих к вечному

Царству по Его следам, по Его пути. Ежедневно ожидаете вы счастливого дня своего отбытия; готовые вот–вот уйти из мира, торопитесь к награде мучеников в Божию обитель—После земного мрака вы увидите ослепительный свет и получите славу, перед которой ничто все страдания и все волнения. Об этом свидетельствует и Апостол: «Нынешние временные страдания ничего не стоят по сравнению с тою славою, которая откроется в нас» (Рим. 8:18). А так как ваша молитва теперь сильнее и получить вам то, о чем вы просите в страданиях, легче, то просите и молитесь настоятельно, чтобы Господь удостоил всех завершить свое исповедание, чтобы вместе с вами и нас, в чести и славе, Господь освободил от земного мрака и земных сетей, чтобы мы, вместе с вами в любви и мире противостоявшие обидам и угнетению от язычников, вместе радовались в Царстве Небесном.

Будьте здоровы, блаженные и мужественные братья, помните и нас всегда и везде.

Письмо к Сукцессу о возвращении послов из Рима с известием о гонении

Киприан брату Сукцессу желает здоровья.

Писать к вам почаще, возлюбленный брат, препятствовало мне то, что все клирики, угрожаемые гонением и по своему благочестию готовые к божественной и небесной славе, отходить отсюда не могли. Впрочем, да будет вам известно, что те из них возвратились, которых я посылал в Рим для точного дознания и извещения нас о том, нет ли какого распоряжения о нас. Ибо здесь ходит много разных и переменных слухов, но вернейшие из них следующие: Валериан предписал сенату, чтобы епископов, пресвитеров и диаконов немедленно забирать под стражу; у сенаторов же, почетных людей и всадников римских, сверх лишения достоинств отбирать еще имущества и, если они и после сего остаются непоколебимы в христианстве, отсекал им головы; благородных женщин по лишении имущества ссылать, ссылку; у придворных же, которые или прежде исповедали, или теперь исповедают Христа, описывать имущество и по исключению ссылать их в оковах в Кесаревы имения. Император Валериан к указу своему приложил еще список предписания, посланного к правителям провинций, относительно нас. Этого предписания мы ожидаем со дня на день, с твердою верою готовясь к подъятию страданий и уповая при помощи Господа и по милосердию Его получить венец жизни вечной. Извещаю вас, что Ксис с четырьмя диаконами взят на кладбище в восьмой день августа. Начальники римские каждый день настоятельно требуют гонения, чтобы всех, на кого донесено будет, отдавать под стражу и имения у них отписывать в казну. Прошу вас известить об этом прочих товарищей наших, чтобы при их увещании братство наше везде укреплялось к духовной брани, чтобы все наши помышляли не о смерти, а о бессмертии и, с полною верою и всею силою предаваясь Господу, более радовались, чем страшились предстоящего исповедания: им известно, что оно воинов Божиих и Христовых не погубляет, а венчает. Желая тебе, возлюбленный брат, всегда здравствовать о Господе.

Письмо к клиру и народу о своем временном удалении перед страданием

Киприан пресвитерам, диаконам и всему народу желает здоровья. Когда пришло к нам известие, дражайшие братья, что посланы бумаги об удалении меня в Утику и на совещании с любезнейшими решено было, чтобы я на время скрылся через сады мои, то я согласился на это по той справедливой причине, что епископу прилично исповедать Господа там, где он первостоятельствуем а Церкви, и что предстоятель, лично присутствуя, заявляет исповедание за весь народ. Ибо то, что епископ–исповедник, вдохновенный от Бога, говорит при вопросе о вере, говорит устами всех. И честь нашей столь славной Церкви пострадала бы, если бы я, епископ, предстоящий другой Церкви, в Утике выслушал приговор за мое исповедание и оттуда мучеником отошел ко Господу, тогда как я непрестанно молюсь и от всего сердца желаю и должен желать того, чтобы мне за себя и за вас исповедать у вас и отсюда отойти к Господу. Итак, здесь, в скрытом месте, мы ожидаем возвращения в Карфаген проконсула, имея в виду от него услышать, что постановили императоры относительно христиан, как мирян, так и епископов, и высказаться по времени так, как внушит Господь. Вы же, братья возлюбленнейшие, следуя благочинию, заповеданному Господом, которое от меня вам преподано и которому от частого собеседования моего вы навыкли, соблюдайте спокойствие и истину: никто из вас да не производит тревоги между братьями и никто да не выдает себя добровольно перед язычниками, ибо тот только, кто задержан и отдан под стражу, должен вести речь, так как в это время говорит в нас Господь, которому угодно, чтобы мы исповедали Его, но не выставлялись со своим исповеданием. Об остальном, как нам вести себя, мы сделаем еще до произнесения над нами проконсулом приговора за исповедание имени Божия общее распоряжение для всех, как внушит нам Господь. Да даст Он вам, возлюбленнейшие братья, по достоинству Своему пребывать невредимыми в Церкви Своей и да сохранит вас! Да будет так по милосердию Его!

Письмо къ Евкратію о комедіанте

Кипріанъ брату Евкратію желаетъ здоровья. По своей расположенности и взаимному уваженію ты почелъ нужнымъ, возлюбленнейшій братъ, узнать мое мненіе о комедіанте, который, находясь у васъ, не оставляетъ своего постыднаго ремесла, и учитъ сему другихъ не къ назиданію юношества а къ разоренію: долженъ ли таковой быть въ общеніи съ нами? Я думаю, что это не сообразно ни съ славою божественною, ни съ евангельскимъ благочиніемъ. Чистота и достоинство Церкви не должны быть оскверняемы столь гнусною и нечистою язвою. Если законъ воспрещаетъ мужчинамъ надевать одежду женскую, и поражаетъ таковыхъ проклятіемъ; то не бѣльшаго ли осужденія достоинъ тотъ, кто не только надеваетъ одежды женскія, но помощію постыднаго искусства старается выразить гнусные и нескромные жесты, свойственные женщинамъ? И пусть никто не извиняетъ себя темъ, что самъ отсталъ отъ театра, тогда, какъ учитъ тому другихъ: нельзя почитать отставшимъ того, кто оставляетъ по себе преемниковъ и вместо себя одного готовитъ многихъ подставныхъ, наставляя и уча, вопреки заповеди Божіей, какъ мужчине преобразиться въ женщану и изменить искусствомъ свой полъ, чтобы извращеніемъ испорченнаго и разслабленнаго тела угодить діаволу, силящемуся запятнать Божіе твореніе. Если таковой ссылается на недостатокъ и нужду отъ бедности; то въ этой нужде можно помочь ему въ числе техъ, которые питаются отъ Церкви, только бы захотель довольствоваться хотя умереннымъ, но за то невиннымъ содержаніемъ. При томъ пусть онъ не думаетъ, что его надобно искупить платою, чтобы пересталъ грешить: въ этомъ не наша, а его польза. Впрочемъ пусть сколько хочетъ, ищетъ оттуда прибыли; но что же это за прибыль, которая лишаетъ людей совозлежанія съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ; которая, напитавъ ихъ греховно и пагубно въ семь веке, приводитъ къ мученіямъ вѣчнаго голода и жажды? Потому, употреби все возможныя меры къ тому, чтобы обратить его отъ занятія столь зазорнымъ и безславнымъ ремесломъ на путь невинности и упованія жизни, убедивъ довольствоваться содержаніемъ отъ Церкви, хотя умереннымъ, но спасительнымъ. Если бы у васъ въ Церкви не было достаточныхъ средствъ — для доставленія содержанія нуждающимся, онъ можетъ перейти къ намъ, получить здѣсь необходимое для пищи и одежды, и затемъ учиться въ Церкви одному спасительному вместо того, чтобы другимъ давать пагубные уроки вне Церкви. Желая тебе, возлюбленнейшій сынъ, всегда пребывать въ добромъ здоровьи.

Письмо къ Помпонію о девственницахъ

Кипріанъ, Цецилій, Викторъ, Седатъ, Тертулль, съ пресвитерами присущими, брату Помпонію желаютъ здоровья. Мы прочли, возлюбленнейшій братъ, присланное тобою чрезъ брата Пихонія письмо, въ немъ ты просишь написать тебе: что мы думаемъ о техъ девахъ, которыя, решившись оставаться въ своемъ состояніи и ненарушимо хранить целомудріе, возлежали, какъ оказалось потомъ, на одномъ ложе съ мужчинами (въ числе ихъ ты указываешь на одного діакона), и которыя, сознавшись въ этомъ, утверждаютъ, что остались непорочными? Такъ какъ ты по этому поводу обратился къ намъ за советомъ; то знай, что мы нисколько не отступаемъ отъ евангельскихъ и апостольскихъ преданій, при постоянно-ревностномъ попеченіи о нашихъ братьяхъ и сестрахъ и при охраненіи церковнаго благочинія всеми полезными и спасительными средствами. Господь говоритъ: *и дамъ вамъ пастыри по сердцу моему и упасутъ васъ разумомъ и ученіемъ* (Іер. 3:15), и въ другомъ месте писаніе говоритъ: *наказаніе уничижаяй окаянень* (Прем. 3:11); объ этомъ же самомъ и въ псалмахъ Духъ Святой учитъ: *пріимите наказаніе, да не когда прогневаея Господь, и погибнете отъ пути праведнаго, егда возгорится вскоре ярость его* (Псал. 2:12). И такъ первее всего, возлюбленнейшій братъ, какъ предстоятелямъ, такъ и народу, дѣлжно особенно заботиться о тщательномъ соблюденіи, ради страха Божія божественныхъ правилъ благочинія, а также о томъ, чтобы не допускать братьевъ нашихъ заблуждаться и жить по своей прихоти и произволу, и подавать имъ верную помощь къ жизни. Поэтому-то дѣлжно воспретить девамъ жить въ одномъ доме съ мужчинами, не говорю вместе спать, но и даже жить вместе, потому что и слабый полъ и возрастъ еще неопытнѣе требуютъ отъ насъ во всемъ задержки и руководства; а иначе можно подать поводъ къ обольщенію діаволу, который разставляетъ сети, жаждая добычи. Апостоль сказалъ: *ниже дадите места діаволу* (Еф. 4:26). Корабль, попавшій на опасное место, тотчасъ нужно спасать оттуда, иначе онъ потерпитъ крушеніе среди подводныхъ камней и скалъ. Быстро нужно выносить изъ дому во время пожара имущество, пока оно еще не охвачено сильнымъ пламенемъ. Никто не безопасенъ въ то время, когда близка опасность И рабъ Божій не будетъ иметь возможности освободиться отъ діавола, когда впадетъ въ его сети. Нужно, поэтому, поспешить, пока можно еще отделить невинныхъ, потому — что после и наше содействіе не будетъ достаточно къ ихъ отделенію. И какъ тяжко падаютъ отъ того многіе, какъ много девъ, къ величайшему прискорбію нашему, мы видимъ сделавшихся преступными отъ такихъ соблазнительныхъ и пагубныхъ связей. Если оне искренно посвятили себя Христу, то должны хранить стыдъ и целомудріе незазорно, и за твердость и постоянство ожидать награды девства. Если же не хотятъ или не могутъ такъ оставаться; то пусть лучше вступаютъ въ бракъ, чемъ заслуживаютъ огонь адскій своими преступленіями. По крайней мере, оне не должны подавать соблазна другимъ братьямъ и сестрамъ, по писанію: *аще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса вовеки, да не соблазню брата моего* (1 Кор. 8:13). И пусть ни одна не полагается на оправданіе себя темъ, что можно увериться въ ея девстве... Да и сколько отвратительнаго а преступнаго заключаетъ въ себе самое совозлежаніе девы съ мужчиною, обниманіе, собесѣдованіе, целованіе, гнусный и отвратительный совместный ихъ сонъ! Если бы супругъ нечаянно засталъ супругу свою на ложе съ другимъ; то не воспылалъ ли бы онъ чувствомъ негодованія и гнева и въ пылу ревности не взялся ли бы даже и за мечъ? Что же? Не более ли прогневаея и вознегодуетъ Христось Господь нашъ и Судія, когда деву, посвятившую себя Ему и давшую обетъ святости увидитъ на одномъ ложе съ другимъ? И не накажетъ ли Онъ строго за столь преступную связь? Поэтому, чтобы спасти братьевъ своихъ отъ Его духовнаго меча, въ будущій день суда, мы должны съ своей стороны всячески помогать имъ и советомъ и

другими мерами. И если все вообще обязаны строго хранить благочиніе, то темъ более обязаны заботиться о томъ пресвитеры и діаконы: они должны подавать собою примеръ и утверждать прочихъ своимъ поведіемъ и нравственностію; а то какимъ образомъ они могутъ руководить другихъ къ целомудрію и воздержанію, если будутъ предначинать порчу и научать порокамъ? Вотъ почему, возлюбленный братъ, благоразумно и твердо поступилъ ты, подвергнувши отлученію какъ діакона, обращавшагося часто съ девою, такъ и прочихъ, которые имели то же обыкновеніе. Если бы виновные въ этомъ непозволительномъ совозлежаніи принесли покаяніе и разлучились другъ отъ друга, то, по строгомъ освидетельствованіи девъ, те изъ нихъ, которыя окажутся девами, пусть будутъ допущены въ общеніе съ Церковію, подъ тою впрочемъ угрозою, что, въ случае возвращенія ихъ снова къ темъ же мужчинамъ или сожителства съ ними въ одномъ доме подъ одною кровлею, оне после строжайшаго суда будутъ извержены изъ Церкви, и потомъ трудно уже имъ быть принятыми въ единеніе съ нею. А та изъ нихъ, которая окажется не целомудренною, какъ прелюбодейца, виновная въ нарушеніи верности не предъ супругомъ, но Хрестомъ, должна принести полное покаяніе въ теченіи определеннаго законами церковными времени и, после публичнаго исповеданія своего греха, да возврататся къ Церкви. Те же, которыя будутъ упорно пребывать въ прежнихъ отношеніяхъ, не отделяясь другъ отъ друга, пусть знаютъ, что при такомъ безстыдномъ ихъ упорстве мы никогда не можемъ принять ихъ въ Церковь, дабы оне своими проступками не подали другимъ повода къ паденію. А между темъ пусть и не воображаютъ, что можно наследовать жизнь и спасеніе, не повинувся епископамъ и священникамъ потому что во Второзаконіи Господь Богъ говоритъ: *и человекъ, иже сотворитъ въ гордости, еже не послушати жреца, предстоящаго служити во имя Бога твоего, или судіи, иже въ тья дни будетъ, да умретъ человекъ той, и вси людіе услышавше, убоятся и не будутъ нечествовати ктому* (Втор. 17:12–13). Богъ повелелъ умерщвлять техъ, которые не повиновались своимъ священникамъ и не слушались судей, отъ Него на то время поставленныхъ. И какъ тогда было еще время телеснаго обрезанія, то гордые и непокорные умерщвляемы были мечемъ телеснымъ; а теперь, когда для верныхъ слугъ Божіихъ наступило обрезаніе духовное, гордые и непокорные умерщвляются мечемъ духовнымъ, бывъ отлучаемы отъ Церкви. Ибо вне ея, неть жизни: домъ Божій одинъ, и никто не можетъ где либо спастись, какъ только въ Церкви. А что действительно погибаютъ непокорные, не слушающіеся спасительныхъ наставленій пастырей и не повинующіеся имъ, это подтверждаетъ божественное Писаніе, говоря: *безумный ругается наказанію, ненавидящіи обличенія скончаваются срамно* (Прит. 15:5:10). Итакъ, чтобы не скончались и не погибли непокорные, постарайся, возлюбленный братъ, сколько можешь, спасительными советами наставитъ братію и каждого обратитъ ко спасенію. Путь, которымъ идемъ къ животу, узокъ и тесенъ, но зато высока и велика награда, когда достигнемъ славы. Давшіе однажды навсегда обетъ хранить девство ради Царствія небеснаго, во всемъ да благоугождаютъ предъ Богомъ и своею греховностію да не оскорбляютъ священниковъ Божіихъ и Церковь Господню. Можетъ быть, въ настоящемъ случае некоторые изъ братьевъ нашихъ будутъ огорчены нами, но мы остаемся при своемъ спасительномъ убежденіи, зная, что и Апостоль говорилъ: *темже врагъ вашъ быхъ истину глаголя* (Гал. 4:16). Если они послушаютъ насъ, то мы пріобрели братьевъ, обративши ихъ своимъ словомъ къ спасенію и славе. Если же некоторые изъ развращенныхъ не захотятъ послушать насъ, то мы все же будемъ послеловать тому же Апостолу, сказавшему: *аще бо быхъ еще человекомъ угождалъ, Хрестови рабъ не быхъ убо былъ* (Гал 1:10). Если не будемъ въ силахъ убедить другихъ угождать Хресту, то по–крайней мере сами угодимъ Хресту, Господу и Богу нашему, исполняя Его заповеди. Желая тебе, возлюбленный братъ, быть въ добромъ здоровьи о Господе.

Письмо къ клиру и народу фурнитанскому, о Викторе, назначившемъ пресвитера Фавстина опекуномъ

Киприанъ пресвитерамъ, діаконамъ и народу желаетъ здоровья. Сильно огорчены были и я, и находившіеся здесь мои товарищи, и заседавшіе съ нами наши сопресвитеры, когда мы узнали, возлюбленнейшіе братья, что братъ нашъ Викторъ, умирая, духовнымъ своимъ завещаніемъ назначилъ пресвитера Геминія Фавстина опекуномъ, между темъ какъ уже прежде было постановлено соборомъ епископовъ, чтобы никто не избиралъ себе опекуна или душеприказчика изъ клириковъ и служителей Божіихъ; потому-то каждый изъ нихъ, удостоившись Божіа священства и будучи поставленъ на служеніе Церкви, долженъ служить только алтарю и жертвамъ, заниматься только молитвами и моленіями. Въ писаніи сказано: *никтоже воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоденъ будетъ* (2 Тим. 2:4). Если это сказано обо всехъ; то темъ более не должны связываться мірскими хлопотами и узами те, которые, занимаясь делами Божіими и духовными, не могутъ оставлять Церкви для занятій земными и мірскими делами. Этотъ образъ чиноположенія и обязанности прежде, въ законе, собаюдали левиты: въ то время, какъ одиннадцать коленъ разделяли страну и брали въ ней участки, колено Левіино, предназначенное для занятій при храме, алтаре и божественныхъ службахъ, не должно было участвовать въ этомъ разделе; но, предоставляя другимъ воздѣлываніе земли, оно долженствовало служить только Богу, на пищу же и одежду получать отъ одиннадцати коленъ десятину съ плодовъ, производимыхъ землею. Все это было сделано по воле и распоряженію Божію съ темъ, чтобы лица, занятія божественными службами, не были ничемъ развлекаемы и не были въ необходимости думать и хлопотать о делахъ мірскихъ. Таковъ же чинъ и порядокъ соблюдается клиромъ и ныне: те, которые въ Церкви Божіей избираются въ духовный санъ, не должны ничемъ отвлекаться отъ божественнаго служенія, не должны связываться хлопотами и занятіями мірскими; но, какъ братья, живущіе приношеніями, какъ-бы десятинами отъ плодовъ, они должны быть неотступно у алтаря и священнослуженій, трудиться денно и ночью для дель небесныхъ и духовныхъ. Посему-то епископы, наши предшественники, по благочестивомъ размышленіи и съ спасительною предусмотрительностію постановили, чтобы никто изъ братьевъ, умирая, не назначалъ клирика опекуномъ или душеприказчикомъ, а если бы кто это сделалъ, то не должно быть ни приношенія за него, ни совершаться торжественная жертва объ его упокоеніи. Ибо тотъ не заслуживаетъ поминовенія у алтаря Божія въ молитвахъ священниковъ, кто хотеть отвлечь отъ алтаря священниковъ и служителей Церкви. И потому Викторъ, который, вопреки недавно сделанному соборному постановленію, дерзнулъ назначить опекуномъ пресвитера Геминія Фавстина, не заслуживаетъ, чтобы объ упокоеніи его было у васъ приношеніе или чтобы въ Церкви была совершаема объ немъ общественная молитва: да будетъ соблюдено соборное постановленіе, сделанное по благочестію и по необходимости; и вместе съ темъ да будетъ поданъ примеръ и прочимъ братьямъ, чтобы никто не отвлекалъ къ мірскимъ занятіямъ священниковъ и служителей Божіихъ, служащихъ Божію алтарю и Церкви. Если разсматриваемый ныне поступокъ будетъ наказанъ; то можно надеяться, что впредь такъ не будутъ обращаться съ лицами духовными. Желая вамъ, возлюбленнейшіе братья, быть всегда въ добромъ здоровьи.

Письмо къ пресвитерамъ и діаконамъ

Кипріанъ присвитерамъ и діаконамъ, возлюбленнейшимъ братьямъ, желаетъ здоровья. По милости Божіей будучи невредимъ, приветствую васъ, возлюбленнейшіе братья, радуясь, что и вы, какъ известно мне, совершенно невредимы. И такъ какъ мне, по положенію места, невозможно теперь самому быть между вами, то я прошу васъ, ради веры и благочестія вашего, исправляйте тамъ обязанности и за себя и за меня, такъ чтобы не было никакого ослабленія ни въ благочиніи, ни въ распорядительности. А что касается до издержекъ, то прошу васъ, чтобы ни въ чемъ не нуждались ни те, которые заключены въ темницахъ за исповеданіе славнаго имени Господня, ни те, которые бедны и недостаточны, и однакоже пребываютъ въ Господе; потому что вся небольшая сумма, какая собрана тамъ, распределена у клириковъ на подобные именно случаи, чтобы многіе имели, чемъ помогать разнымъ лицамъ, по ихъ нуждамъ и бедствіямъ. Прошу васъ также, не переставайте всячески заботиться о томъ, чтобы все было спокойно. Ибо хотя братья по любви своей ревнуютъ собираться и посещать добрыхъ исповедниковъ, которыхъ Богъ удостоилъ уже прославиться славными начатками, однако, по моему мненію, нужно делать это осторожно, не толпами, не собираясь вместе, чтобы темъ самымъ не возбудить злобы и не заградить себе входа, и чтобы ненасытно желая всего, всего не потерять^[2]. Итакъ позаботьтесь и устройте, чтобы это для бóльшей безопасности делалось осторожно, такъ чтобы и пресвитеры которые тамъ у исповедниковъ возносятъ жертву, делали это по одиночке и по очереди, каждый съ однимъ діаконъ, потому что и перемена лицъ, и чередованіе приходящихъ уменьшаютъ ненависть. Ибо во всехъ отношеніяхъ намъ нужно вести себя кротко и смиренно, какъ прилично рабамъ Божіимъ, приспособляться къ обстоятельствамъ, стараться о спокойствіи и иметь попеченіе о народе. Желая вамъ, возлюбленнейшіе и вожделеннейшіе братья, быть всегда въ добромъ здоровьи и помнить объ насъ. Приветствуйте все братство. Приветствуетъ васъ Викторъ діаконъ и все, которые со мною. Прощайте.

Письмо к Фортунату, о не выдержавших мучений

Так как на нас налегает бремя гонений и гнета и в конце и истощании мира стало уже приближаться враждебное время антихриста, ты желал, любезнейший Фортунат, чтобы для приготовления и укрепления умов братии я составил из Божественных Писаний увещания, которыми воодушевил бы воинов Христовых к небесной и духовной брани. Надлежало удовлетворить твоему столь настоящему желанию и, сколько это возможно для нашей мерности, вспомоществуемой божественным вдохновением, извлечь из заповедей Господних как бы оружие и некие доспехи для братьев, имеющих вступить в сражение. Ибо мало того, что мы возбуждаем народ Божий трубой нашего голоса, — необходимо еще веру верующих и доблесть, посвященную и преданную Богу, укрепить божественным чтением. Да и о чем особенно и по преимуществу должны мы стараться и заботиться, как не о том, чтобы вверенный нам свыше народ, воинство, поставленное в небесном лагере, приготовить постоянными упражнениями к отражению стрел и копий диавола? Не может быть способен к битве тот воин, которого не упражняли сперва в поле, и ищущий получить на поприще подвижнический венец не увенчается им, если не подумает предварительно об упражнении и изоощрении своих сил. Противник, с которым ведем войну, древний, неприятель — давний. Шесть тысяч лет почти проходят уже, как диавол нападает на человека. По самой давности упражнения он изучил все роды искушений, все хитрости и уловки для поражения. Если он найдет воина Христова неприготовленного, неопытного, незаботливого и не бодрствующего всем сердцем, то уловит несведущего, обольстит неосмотрительного, обманет неискусного. Если же против него станет воин, соблюдающий заповеди и крепко прилепляющийся ко Христу, то таковой непременно одержит победу, потому что Христос, им исповедуемый, непобедим.

Чтобы не слишком растягивать свою речь и не утомлять слушателя или читателя весьма обширным изложением, я составил, любезнейший брат, перечень, именно: предложивши оглавление предметов, которые всяк должен знать и содержать, я потом присоединил к ним особые главы, в которых предложенное утвердил важностью Божественного Писания так, чтобы видно было, что я не трактат свой послал тебе, а только доставил материал для трактата. А это каждый может употребить с большей для себя пользой. Ибо если бы я дал тебе сделанную уже и готовую одежду, то эта одежда, назначенная для употребления другого, была бы моя и, быть может, не пришлась бы по его росту и телосложению. Теперь же я послал тебе одну волну и пурпур от Агнца, Которым мы искуплены и оживотворены; получивши их, ты изготовишь для себя одежду, какую захочешь, и тебе приятнее будет ходить в домашнем собственном платье. Да и другим ты сообщишь посланное нами, чтобы и они могли изготовить для себя, по своему изволению, и, прикрывши оную древнюю наготу, все носили бы одеяние Христово, облеченные освящением небесной благодати. При этом, любезнейший брат, мне показалось полезным и спасительным намерение в столь настоящем увещании, которое соделывает мучеников, избежать всех помех и задержек со стороны словесных наших выражений и отклонить все двусмысленности человеческой речи, а предложить только то, что Бог говорит, то, чем Христос убеждает рабов своих к мученичеству. Надобно преподавать сражающимся одни божественные заповеди как орудия. Они да будут звуком воинской трубы, сигналом для сражающихся. К ним пусть прислушивается ухо; ими пусть настраиваются умы; от них пусть заимствуют крепость душевные и телесные силы для перенесения всякого страдания. Давши верующим по изволению Божию первое крещение, будем готовить каждого к другому крещению, внушая и поучая, что это крещение и по благодати более, и по силе возвышеннее, и по чести драгоценнее, — крещение, которое совершают ангелы, в котором радуется Бог и Христос Его, — крещение,

после которого никто уже не грешит, которое завершает преспеяние нашей веры и отходящих от мира тотчас соединяет нас с Богом. В крещении водой приемлется отпущение грехов, в крещении кровью — венец добродетелей. О нем—то с особенной любовью и желанием надлежит просить всевозможными мольбами, дабы мы — рабы Бога — были и други Его.

При увещании и приготовлении наших братьев, при вооружении их крепостью добродетели и веры к провозглашению исповедания Господня и к борьбе с гонением и страданием:

I. Прежде всего надобно сказать, что идолы, которых делает для себя человек, не боги, ибо изделие не может быть более своего делателя и художника, не может никого защитить и сохранить то, что само пропадает из своих храмов, если не будет оберегаемо человеком. Да и стихии, которые по распоряжению и заповеди Божией служат человеку, не должны быть почитаемы.

II. Отвергнув идолов и объяснив значение стихий, надобно показать, что одного Бога почитать должно.

III. После сего следует помнить, как Бог угрожает тем, которые приносят жертву идолам.

IV. Кроме того, надобно показать, что Бог неохотно прощает идолопоклонникам.

V. И что Бог так негодует на идолопоклонство, что повелел умерщвлять даже тех, которые советовали приносить жертвы и служить идолам.

VI. К сему надобно присовокупить, что, искупленные и оживотворенные кровью Христовой, мы не должны ничего ставить выше Христа, так как и Он выше нас ничего не ставил: ради нас Он предпочел благам — беды, богатству — бедность, владычеству — рабство, бессмертию — смерть; мы же, напротив, в страданиях наших да предпочитаем временной бедности — богатства и утехи рая, временному рабству — господство и царство вечное, смерти — бессмертие, Бога и Христа — диаволу и антихристу.

VII. Надобно также внушить, что исторгнутые из челюстей диавольских и мирских сетей не должны, подвергшись бедам и гнету, уклоняться снова к миру и через это лишаться того, что приобретено.

VIII. Напротив, они должны твердо стоять и пребывать в вере, в добродетели, в совершении небесной и духовной благодати, дабы можно было им достигнуть почести и венца.

IX. Ибо бедствия и гонения бывают для нашего испытания.

X. И не надобно бояться озлобления и казней при гонениях, потому что у Бога более могущества для защиты, чем у диавола для поражения.

XI. А чтобы никто не страшился гнета и преследований, претерпеваемых нами в этом мире, и не смущался ими, нужно доказать, что заранее было предсказано о том, что мир будет нас ненавидеть и воздвигнет на нас гонения; следовательно, из того, что все это происходит, открывается только верность божественного обетования относительно воздаяний и наград, затем последующих, и что тут не приключается ничего нового христианам, так как от самого начала мира добрые подвергались бедам, были теснимы и убиваемы от неправедных.

XII. В последней части надобно выяснять, какое упование и какая награда ожидает праведников после этих временных невзгод и страданий и что при вознаграждении страдания мы имеем получить более, чем сколько переносим здесь, в самом страдании.

Гл. I. Что идолы не боги и что стихии не должно почитать вместо богов, это показывается в псалме: Идоли язык сребро и золото, рук человеческих. Уста имут, и не возглаголют, очи имут, и не узрят, уши имут, и не услышат, ниже бо есть дух во устех их. Подобии им да будут творящий я (Пс. 134:15–18). Также в книге Премудрости Соломоновой: Вся идолы язычески вмениша в боги, имже ниже очес употребление ко зрению, ниже ноздри в привлечение аера, ниже уши слышати, ниже персты рук во осязание, и ноги их праздно ко хождению. Человек бо сотвори их, и духа взаим взяв созда их: ни един бо человек может себе подобна бога создати: смертей же сый

мертва делает руками беззаконными: лучший бо есть идолов своих, яко сей убо поживе, онии же никогда (Прем. 15:15–17). И в книге Исхода: Не сотвори себе кумира и всякого подобия (Исх. 20:4). О стихиях тоже у Соломона: Ни делом внемлюще познаша хитреца; но или огонь, или дух, или воздух, или круг звездный, или зелную воду, или светила небесная строители миру боги быти возмнеша. Ихже аще убо красотою услаждающесе, сия боги возмнеша, да уведят, колико сих Владыка есть лучший; аще же силе и действию удивишася, да уразумеют от них, колико сотворивый сия сильнейший есть (Прем. 13:1–4).

Гл. II. О том, что одного Бога почитать должно, говорится в Писании: Господа Бога да убоишися, и тому единому послу жиши (Втор. 6:13). Также в книге Исхода: Да не будут тебе бози разве Мене (Исх. 20:3). И в другом месте: Видите, видите, яко Аз есмь, и несть Бог разве Мене; Аз убию и жити сотворю, поражу и Аз исцелю, и несть иже измет из руку мою (Втор. 32:39). Также в Апокалипсисе: И видех иного Ангела паряща посреде небесе, имущаго Евангелие вечно благовестити живущым на земли и всякому племени и языку, и колену и людем, глаголюща гласом великим: убойтесе Бога и дадите Ему славу, яко прииде час суда Его; и поклонитесе сотворившему небо и землю, и море и все, что в них (Откр. 14:6–7). Таким образом, и Господь напоминает в Евангелии о первой и второй заповедях, говоря: Слыши, Израилю, Господь Бог ваш Господь един есть. И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею. Сия есть первая заповедь, И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе (Мар. 12:29–31). В сию обою заповедю весь закон и пророцы висят (Мф. 22:10). И еще: Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и егоже послал еси Иисус Христа (Ин. 17:3).

Гл. III. Вот как Бог угрожает тем, которые приносят жертвы идолам. В книге Исхода: Иже жертву приносит богом смертию да потребится, но точию Господу единому (Исх. 22:20). Также во Второзаконии: Пожроша бесовом, а не Богу (Втор. 32:17). Также у Исаии: И поклонишася тем, яже сотвориша персты их, и преклонися человек, и смирися муж, и не претерплю им (Ис. 2:8–9). И опять: И тем пролиал еси возлияния, и тем принес еси жертвы: о сих убо не разгневаются ли? — глаголет Господь (Ис. 57:6). У Иеремии: Не ходите вслед богов, еже чуждых, еже служити им и поклонятися им, да не прогневаете Мя в делех рук ваших, еже озлобите (рассеять] вас (Иер. 25:6). Также в Апокалипсисе: Иже аще кто поклоняется зверю и иконе его и приемлет начертание на челе своем или на руце своей, и той имать пити от вина ярости Божия, влиянна в чаши гнева Его, и будет мучен огнем и жупелом пред ангелы святыми и пред Агнцем; и дым мучения их во веки веков восходит, и не имут покоя день и ноць поклоняющийся зверю и образу его (Откр. 14:9–11).

Гл. IV. Бог неохотно прощает идолопоклонникам. В книге Исхода Моисей просит за народ и не успевае. Молюся Ти, — говорит он, — Господи: согресиша людие сии грех велик и сотвориша себе боги златы. И ныне аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги Твоя, в нюже вписал еси. И рече Господь к Моисею: аще кто согрешит предо Мною, изгладу его из книги Моея (Исх. 32:31–33). Также, когда Иеремия молился за народ, Господь сказал ему: Ты же не молися о людех сих и не проси еже помилованным быти им, и не моли, ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя (Иер. 7:16). Такое же негодование Божие на согрешающих Богу объявляет Иезекииль. Бысть, — говорит, — слово Господне ко мне глаголя: сыне человек, земля аще согрешит Ми, еже пастися грехом, и простру руку Мою на ню и сотру утверждение хлебное, и пушу на ню глад, и возму с нея человеки и скоты. И аще будут сии трие мужи среди ея, Ное и Даниил, и Иов... ни сынове, ни дщери их спасутся, но токмо сии едини спасутся (Иез. 14:12–14; 16). То же в Первой книге Царств: Аще согрешая согрешит муж мужеву, помолятся о нем ко Господу: аще же Господеву согрешит, кто помолится о нем (1 Цар. 2:25)?

Гл. V. Бог так негодуе на идолопоклонничество, что повелел умерщвлять даже тех, которые

советовали приносить жертвы и служить идолам. Во Второзаконии: Аще помолит тя брат твой, или сын твой, или дщерь твоя, или жена твоя яже на лоне твоём, или друг твой, равен души твоей, отай глаголя: идем и послужим богом иным, от богов языков; да не соизволиши ему и не послушавши его, и да не пощадит его око твое, ниже прикрывши его; возвещая да возвестиши о нем, и рука твоя да будет на нем в первых убить его, и руки всех людей послежде: и побьют его камением, и умрет, яко взыскал есть отвратити тебе от Господа Бога твоего (Втор. 13:6–10). И опять Господь ясно говорит, что не должно щадить и города, если бы он весь согласился на идолопоклонство: Аще же услышиши в едином от градов твоих, яже Господь Бог дает тебе, вселитися тамо, глаголющих: идем, да послужим богом иным, ихже вы не весте, — убивая да убиешы вся живущия во граде онем убийством меча — и зажжешы град огнем — и будет пуст во веки не возградится по сем; да отвратится Бог от ярости гнева Своего, и даст тебе милость и помилует тя, и умножит тя, — аще слушаеши гласа Господа Бога твоего, еже хранить вся заповеди Его (Втор. 13:12:15–18). Помня эту строгую заповедь, Маттафия умертвил мужа, приступившего жрети в капище (1 Мак. 2:23–24). Если же эти заповеди относительно почитания Бога и презрения идолов были сохраняемы прежде пришествия Христова, то тем более все относящееся к богопочтению должно быть соблюдаемо по явлении Христа, Который поучал нас не одними только словами, но и делами: после всех озлоблений и хулений Он пострадал и распят, чтобы примером своим научить нас страдать и умирать. Нисколько не извинительно человеку не страдать за себя, когда Он пострадал за нас: если Он пострадал за грехи чужие, то тем более каждый должен страдать за свои грехи. И потому Он грозит в Евангелии, говоря: Всяк иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех; а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех (Мф. 10:32–33). Апостол Павел говорит то же: Аще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем; аще терпим, с Ним и воцаримся; аще отвержемся, и Той отвержется нас (2 Тим. 2:11–12). То же Иоанн: Всяк отменяйся Сына, ни Отца имать, а исповедавая Сына, [и Сына] и Отца имать (1 Ин. 2:23). Поэтому Господь увещевает и ободряет нас к презрению смерти, говоря: Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убыти; убойтесь же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне (Мф. 10:28). И опять: Любяй душу свою, погубит ю: и ненавидяй души своя в мире сем, в живот вечный сохранит ю (Ии. 12:25).

Гл. VI. Что, искупленные и оживотворенные кровию, мы ничего не должны ставить выше Христа, о том Господь так говорит в Евангелии: Иже любит отца или мать, паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дщерь, паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10:37). И во Второзаконии написано: Глаголяй отцу и матери своею: не видех тебе, — и сынов своих не увиде, (сей) сохрани словеса Твоя и завет Твой соблюде (Втор. 33:9). Также апостол Павел говорит: Кто ны разлучит от любве Божия [Христовой]?; Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляемы есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения; но во всех сих препобеждаем за возлюбльшаго ны (Рим. 8:35–37). И опять: Несте свои, куплени бо есте ценою [великою]; прославите убо [и носите] Бога в телесех ваших (1 Кор. 6:19–20). И еще: Христос за всех умре, да живущий не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему (2 Кор. 5:15).

Гл. VII. Исторгнутые из челюстей диавольских и мирских сетей не должны уклоняться снова к миру и через это лишаться того, что приобретено. В книге Исхода читаем, что иудейский народ, который представлял нас в сени и образе, будучи избавлен защитником и мстителем Богом от тягчайшего рабства Фараонова и египетского, т. е. диавольского и мирского, вероломный и неблагодарный в отношении к Богу, ропщет на Моисея, примечая неудобства пустыни и труда и не разумея божественных благоденств свободы и спасения: он хочет снова сделаться рабом Египта, т. е. мира, из которого исторгнут, тогда как тем более должен бы

уповать на Бога и верить, потому что, кто освобождает людей своих от диавола и мира, тот и покровительствует освобожденным. Что сие, — говорит, — сотворил еси нам, извед нас из Египта? лучше бо быше нам работати Египтянам, нежели умрети в пустыне сей. Рече же Моисей к людям: дерзайте, стойте и зрите спасение еже от Господа, еже сотворит нам днесь: Господь поборет по вас, вы же умолкните (Исх. 14:11–14). Господь, предостерегая нас от этого и поучая, что мы не должны снова возвращаться к диаволу и миру, от которых отреклись и избавились, говорит в Своем Евангелии: Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божий (Лк. 9:62). И еще: Иже на селе, да не возвратится вспять; поминайте жену Лотову (Лк. 17:31–32). А чтобы никого не удерживали от последования Христу ни жадность к имуществу, ни угождение родным. Он присовокупляет к тому следующее: Иже не отречется всего имения, не может быти Мой ученик (Лк. 14:33).

Гл. VIII. Надлежит твердо стоять и пребывать в вере, в добродетели, в совершении небесной и духовной благодати, чтобы можно было достигнуть почести и венца. В книге Паралипоменон: Господь с вами, яко бысте с Ним; аще же оставите Его, оставит вас (2 Пар. 15:2). И у Иезекииля: Правда праведника не избавит его, в оньже день прельстится (Иез. 33:12). Также Господь говорит в Евангелии: Претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10:22). И опять: Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете, и уразумеете истину, и истина свободит вы (Ин. 8:31–32). Предостерегая же нас, что мы должны быть всегда готовы и, изготовившись к походу, стоять твердо. Он присовокупляет к тому следующие слова: Да будут чресла ваша препоясана, и свечилницы горящий; и вы подобии человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих (Лк. 12:35–37). То же и блаженный апостол Павел, увещывая нас к преспеянию, возвращению и высшему совершенствованию нашей веры, говорит: Не весте ли, яко текущий в позорищи вси убо текут, един же приемлет почесть? Тако тецьте, да постигнете; они убо да нетленен венец примут, мы же неистленен (1 Кор. 9:24–25). Также: Никтоже воин бывая [Богу] обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет; аще же и постраждет кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися (2 Тим. 2:4–5). И опять: Молю вас, братие, щедротами Божии—ми, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, и не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во ежи искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная (Рим. 12:1–2). И еще: Есмы чада Божия; аще же чада, и наследницы; наследницы убо Богу, снаслед—ницы же Христу, понеже с Ним отражаем, да и с Ним прославимся (Рим. 8:16–17). Такое же увещание заключается в божественной проповеди Апокалипсиса: Держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего (Откр. 3:11). Пример же того, как надобно быть твердыми и стойкими, мы находим в книге Исхода: Моисей для одержания победы над Амаликом, изображавшим диавола, поднимал вверх руки в знамение и Таинство Креста и одолевал противника только в том случае, когда с поднятыми постоянно руками пребывал неослабно в этом знамении. И бысть, — сказано, — егда воздвизаше Моисей руце, одолеваше Израиль; егда же опускаше руце, одолеваше Амалик. И взявше камень, подложиша ему, и сидяще на нем: Аарон же и Ор поддержаста руце ему, един отсюда, а другой оттуду: и быша Моисеови руце укреплены до захождения солнца: и преодоле Иисус Амалика и вся люди его: рече же Господь к Моисею: впиши сие на память в книги и едай во уши Иисусу, яко пагубою погублю память Амаликову от поднебесный (Исх. 17:11–14).

Гл. IX. Бедствия и гонения бывают для нашего испытания. Во Второзаконии: Искушает Господь Бог твой вас, еже уведети, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душею вашею и всею крепостию вашею (Втор. 13:3:3). И опять у Иисуса, сына Сирахова: Сосуды горшечные испытывает печь, а людей праведных — искушение напасти (Сир. 27:5). То же свидетельствует Павел, говоря: Хвалимся упованием славы Божия; не точию же, но и хвалимся в

скорбех, ведяще, яко скорбь терпение соделоваает; терпение же искусство, искусство же упование; упование же не посрамит, яко любви Божия излися в сердца наша Духом Святым, данным нам (Рим. 5:2–5). И Петр предлагает в своем Послании следующее: Возлюбленнии, не дивитесь еже в вас раждежению ко искушению вам бываему, яко чужду вам случающуся; но понеже приобщаетеся Христовым отрастом, радуйтесь, яко да ив явлении славы Его возрадуется веселящися. Аще укоряемы бываете о имени Христова, блажени есте, яко славы и силы Господней имя на вас почивает; онѣми убо хулится, а вами прославляется (1 Пет. 4:12–14).

Гл. X. Что не должно бояться озлоблени и казней при гонениях, потому что у Бога более могущества для защиты, чем у диавола для поражения, — это доказывают следующие слова Иоанна в его Послании: Болий есть иже в вас, нежели иже в мире (1 Ин. 4:4). Также в Псалме: Господь мне Помощник, и не убоюся, что сотворит мне человек (Пс. 117:6). И опять: Сии на колесницах, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша, мы же востахом и исправихомся (Пс. 19:8–9).

Еще сильнее Дух Святой поучает и показывает, что не должно бояться ополчения диавольского и что если враг поднимет против нас войну, то в самой войне по преимуществу заключается наша надежда, в самой этой стычке праведные достигают награды божественной и вечного спасения. Говорится в Псалме: Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще встанет на мя брат; на Него аз уповаю. Едино просил от Господа, то възщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего (Пс. 26:3–4). Также в книге Исхода Священное Писание объявляет, что через угнетения мы тем более размножаемся и усиливаемся. Поелику, — сказано, — их смиряху, толико множайшии бываху и укрепляхуся зело зело (Исх. 1:12). В Апокалипсисе обещается также божественное покровительство в наших страданиях. Не бойся, — сказано, — ничесоже, яже имаши пострадати (Откр. 2:10). И это покровительство и безопасность обещает нам Тот, Который говорит через пророка Исаию: Не бойся, яко избавих тя, прозвах тя именем твоим: Мой еси ты. И аще преходиши сквозь воду, с тобою есмь, и реки не покрюют тебе; и аще сквозь огонь пройдеши, [не сожжешися] и пламень не опалит тебе: яко Аз есмь Господь Бог твой, Святыи Израилев, спасали тя (Ис. 43:1–3). Он и в Евангелии обещает, что рабы Божий не будут лишены божественной помощи во время преследований: Егда же предают вы, не пецытесе, како или что возглаголете: дастбоса вам в той час, что возглаголете: не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголай в вас (Мф. 10:19–20). И опять: Положите на сердцах ваших, не прежде поучатися отвецавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися... вси противляющися вам (Лк. 21:14–15). Потому-то и в Исходе, когда Моисей медлил и боялся идти к народу, Бог говорил так: Кто даде уста человеку? и кто сотвори нема и глуха, и видяща и слепа? Не Аз ли Господь Бог? И ныне иди, и Аз отверзу уста твоя, и устрою тебе, еже имаши глаголати (Исх. 4:11–12). Да и нетрудно для Бога открыть уста человека, Ему преданного, вдохнуть в своего исповедника твердость и смелость говорить, — нетрудно для Того, Кто заставил ослицу говорить пред пророком Валаамом, как читаем в книге Чисел (22:30). И потому во время гонений пусть никто не думает о беде, причиняемой диаволом, а лучше пусть всяк помышляет о помощи, даруемой Богом; да не ослабляет ума напасть человеческая, но да укрепляет веру покров божественный, потому что всяк по Господним обетованиям и по заслугам своей веры должен получить помощи Божией столько, сколько заслуживает, и нет ничего такого, чего не мог бы даровать Всемогущий, если только не изменяет непрочная вера получающего.

Гл. XI. Прежде было предсказано, что мир будет нас ненавидеть и воздвигнет на нас гонения и что тут не приключается ничего нового христианам, так как от самого начала мира добрые подвергались бедам, праведные были теснимы и убиваемы от неправедных. Вот что Господь возвещает в Евангелии в наше предостережение: Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы; якоже от мира

несте, но Аз избрал вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Поминайте слово, еже Аз рех вам: месть раб болий Господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас из жену т (Ин. 15:18–20). И опять: Приидет час, да всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносить Богу; и сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет час, воспомянете сия, яко Аз рех вам (Ин. 16:2–4). И еще: Аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а мир возрадуется: вы же печальны будете, но печаль ваша в радость будет (Ин. 16:20). Также: Сия глаголах вам, да во Мне мир имате; в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир (Ин. 16:33). И когда ученики спросили Господа о знамении пришествия Его и кончины мира, Он сказал в ответ: Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос, и мнози прельстят. Услышати же имати брани и слышания бранем; зрите, не ужасайтесь; подобает бо всем сим быти: но не тогда кончина. Встанет бо язык на язык, и царство на царство: и будут глади и пагубы, и труси по местом. Вся же сия начало болезнем. Тогда предадут вы скорби и убьют вы: и будете ненавидимы всеми языки имене Моего ради. И тогда соблазняются мнози, и друг друга предадут, и возненавидят друг друга. И мнози лжепророцы возстанут и прельстят многия. И за умножение беззакония изсякнет любви многих. Претерпевый же до конца, той спасется, и проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенней, во свидетельство всем языком: и тогда приидет кончина. Егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте святе (иже чтет, да понимает): тогда сущий во Иудеи да бежат на горы; и иже на крове, да не сходит взяти яже в дому его; и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же непраздным и доящим в тыя дни. Молитесь же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу. Будет бо тогда скорбь велия, якоже не была от начала мира доселе, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранных же ради прекратятся дние оны. Тогда аще кто речет вам: се zde Христос, или онде; не имите веры. Встанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадут знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно и избран-ныя (Мф. 24:4–24). Вы же блюдитесь; се прежде рех вам вся (Мф. 13:23). Аще убо рекут вам: се в пустыни есть, не изыдите; се в сокровищих, не имите веры. Якоже бо молния исходит от восток и является до запад, тако будет пришествие Сына Человеческого. Идеже бо аще будет труп, там соберутся орли. Абие же по скорби дний тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с небесе, и силы небесныя подвижутся. И тогда явится знамение Сына Человеческого на небесы: и тогда восплачутся вся колена земная, и узрят Сына Человеческого, грядуща на облацех небесных с силою и славою мною. И послет ангелы своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветр, от конец небес до конец их (Мф. 24:26–31).

Не ново и не неожиданно то, что совершается ныне над христианами: добрые, праведные, выражающие преданность свою Богу непорочною жизнью и благочестивым страхом, всегда шествуют трудными стезями тесного пути, подвергаясь гонениям, обидам, тяжким и многообразным озлоблениям. Так, в самом начале мира первый праведник — Авель умерщвляется братом, Иаков изгоняется, Иосиф продается, кроткого Давида преследует царь Саул; Илию, постоянно и мужественно возвещающего величие Божие, старается угнетать царь Ахав; Захария — священник — умерщвляется между храмом и алтарем, да соделается сам жертвою там, где закалал жертвы Богу. Наконец, столько мученичеств праведников, часто восхваляемых! Столько показанных впоследствии примеров веры и доблести! Три отрока: Анания, Азария и Мисаил, — одинаковые по возрасту, согласные по любви, стойкие в вере, непоколебимы в добродетели, сильнейшие пламени и огненных казней, громко взывают, что они служат одному только Богу, Его одного знают, одного почитают. Они говорят царю Навуходоносору: Не требе нам о глаголе сем отвещати тебе. Есть бо Бог, Ему же мы служим, силен изыти нас от печи огнем горящая и от руку твоею избавити нас, царю. Аще ли ни, ведомо

да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим, и телу златому, еже поставил еси, не кланяемся (Дан. 3:16–18). И Даниил, преданный Богу и исполненный Духа Святого, так взывает: Не поклонятся кумиром, но живому Богу сотворшему небо и землю (Дан. 14:5). Товия, будучи в рабстве у царя–тирана, свободный мыслями и духом, хранит свое исповедание Богу и громогласно возвещает силу и величие божественное, говоря: Аз в земли пленения моего исповедаюся Ему и сказую крепость и величие Его языку грешников (Тов. 13:6). А что сказать о семи братьях, упоминаемых в книгах Маккавейских (2 Мак. 7), которые, будучи одноутробны и равнодоблестны, таинством совершенной кончины выражают полноту седмичного числа? В мучении семь братьев были соединены так, как в божественном домостроительстве семь первых дней, содержащих семь тысяч лет, как семь духов и семь ангелов, предстоящих и беседующих пред лицом Божиим. В скинии свидения был семисвечный светильник; в Апокалипсисе — семь светильников златых, у Соломона — семь столбов, на которых Премудрость создала дом; подобным образом и там семеричное число братьев выражает собою семь церквей, согласно тому, что читаем в Первой книге Царств: Яко неплоды роди седмь (1 Цар. 2:5) — и у Исаии, где семь жен хватаются за одного мужа, требуя, чтобы на них нареклось имя его (Ис. 4:1). Апостол Павел, помня это знаменательное и меткое число, пишет к семи церквам, и в Апокалипсисе Господь Свои божественные повеления и небесные заповеди обращает к семи церквам и их ангелам: таким же образом и там находится это же число в семи братьях для выражения полноты законного совершенства. С семью детьми явно соединяется и мать — начало и корень, которая, сама первая и единая, будучи основана по слову Господню на камени, родила потом семь церквей. И не без причины в страданиях с детьми находится одна только мать, ибо мученики, свидетельствуя в страданиях, что они сыны Божий, имеют одного только отца — Бога, как учит Господь в Евангелии, говоря: И отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш, иже не небесех (Мф. 23:9). Какое же сделано ими провозглашение исповедания? Какие славные и великие доказательства веры они представили? Враждебный царь Антиох или, лучше, антихрист в образе Антиоха хотел осквернить славные и по духу исповедания непобедимые уста мучеников прикосновением к свиному мясу и, когда после тяжкого истязания бичами нисколько не мог успеть в этом, приказал раскалить сковороды — они были раскалены и разжжены; затем того, кто первый заговорил и непоколебимостью добродетели и веры наиболее показал противление царю, царь велел бросить на них и жарить, вытянувши сперва и отрезавши у него язык, который исповедал Бога. Это послужило к большей славе мученика, потому что язык, исповедавший имя Божие, и должен был сам первый предстать Богу. Потом для другого измышлены были жесточайшие казни, и, прежде чем терзать прочие члены его, с головы содрали кожу с волосами, выразив тем известную ненависть: ибо так как глава мужа есть Христос, а глава Христа — Бог, то терзавший главу в мученике в главе преследовал Бога и Христа. Но мученик, верный в своем страдании и уповая получить награду Воскресения от божественного мздовоздаяния, громогласно воззвал и сказал: Ты убо, окаяннейший, от настоящего живота нас погубляеши, Царь же мира умерших нас, Своих ради законов, воскресит нас в Воскресение живота вечного (2 Мак. 7:9). У третьего потребовали язык, и он тотчас его представил, потому что научился уже от брата презирать казнь отсечения языка. Притом он и руки держал постоянно протянутыми для отсечения, находя великое блаженство в этом роде казни, так как ему пришлось распростертыми для казни руками подражать страданию Господа. И четвертый, с равной доблестью ни во что вменяя муки и противопоставляя царю небесное слово, так возгласил: Лучше убиваемым от человек упования чаяти от Бога, паки имущим воскрешеным быти от Него, тебе же Воскресение в живот не будет (2 Мак. 7:14). Пятый, кроме того что попрали силой веры царское истязание и многоразличные тяжкие муки, вдохновенный Божественным Духом к предведению и познанию будущего, предсказал царю гнев Божий и отмщение, которое имело

вскоре последовать. Власть, — говорит, — в человецех имея тленен сый, еже хощеши, твориши; не мни же роду нашему от Бога оставлену быти: ты же потерпи и зри велию державу Его, како тебе и семя твое умучит (2 Мак. 7:16–17). Каково это было облегчение для мученика, сколь великое и важное утешение — не помышлять в страданиях своих о собственных муках, но предсказывать казнь своего мучителя! В шестом же надобно восхвалять не одну только доблесть, но и смирение: мученик ничего себе не присваивал, не превозносил гордыми словами чести своего исповедания, но претерпеваемое от царя гонение приписывал более своим и предоставлял Богу будущее отмщение, поучая тем, что мученики должны быть скромны, уверены в отмщении и нисколько не тщеславны в страдании. Не прельщайся, — говорит он, — суетно: мы бо себе ради сия страждем согрешающе к Богу нашему. Ты же да не возмниши неповинен быти, богоборствовати начен (2 Мак. 7:18–19). Дивная и мать: ни слабость пока ее не сломила, ни значительная потеря не поколебала; она благодушно смотрела на умирающих детей и считала это не казнию для них, но славою, представляя, таким образом, Богу доблестью очей своих столь же славное мученичество, как представили и сыновья ее терзаниями и страданием членов! Когда после казни и умерщвления шестерых братьев оставался только один из них, тогда царь, желая успокоить свою жестокость и зверство совращением хоть одного, обещал ему богатство, могущество и много другого; притом увещевал мать, чтобы и она вместе с ним умоляла сына к совращению. И она умоляла, но так, как прилично было матери мучеников, как прилично было той, которая помнит о законе и Боге, как прилично было любящей своих детей не нежно, но крепко. Она умоляла сына исповедать Бога, умоляла не отставать от братьев в похвале и славе, признавая себя матерью семерых детей только в том случае, когда ей удастся родить семерых для Бога, а не для мира. И потому, поощряя его, ободряя и рождая лучшим рождением, она говорила: Сыне, помилуй мя, носившую тя во чреве девять месяией, и млеко питавшую тя лета три, и воскормившую тя, и приведшую в возраст сей. Молю тя, чадо, да воззриши на небо и землю, и вся, яже в них, видящ уразумееш, яко от не сущих сотвори сия Бог, и человекь род тако бысть. Не убойся плотрастерзателя сего, но достоин быв братии твоея, восприими смерть, да в милости с братиею твоею восприму тя (2 Мак. 7:27–29). Великую похвалу заслуживает мать за увещание к доблести, но еще большую — за страх Божий и истинную веру, по которой она ничего не обещала ни себе, ни сыну от чести шести мучеников и, не думая, чтобы молитва братьев послужила к спасению отрекающегося, советовала соделаться лучше общником их страдания, чтобы в день суда можно было обрестись ему вместе с братьями. Затем после детей умирает и мать, ибо ничего не осталось столь приличного, как то, чтобы родившая и соделавшая мучеников приобщилась их славе и, предпослав их к Богу, сама потом последовала за ними. Не должно также умолчать и об Елеазаре, чтобы кто-либо не вздумал воспользоваться злым даром обманщиков, когда представится случай получить записку или другую какую вещь, которой можно обмануть. Приставники царские предлагали Елеазару вкусить мяса, дозволенного к употреблению в пищу, а только притвориться, будто он ест от предложенных жертв и яств непозволительных, и, таким образом, обмануть царя. Но он не захотел согласиться на таковой обман, говоря, что не согласно ни с летами его, ни с достоинством притворно делать то, чем можно соблазнить и ввести в заблуждение других, заставив их думать, будто девяностолетний Елеазар, оставивши предательски закон Божий, уклонился к обычаям иноплеменников, да и кратковременное продолжение жизни не стоит того, чтобы, оскорбивши Бога, подвергнуться потом вечным мукам. Затем, будучи долго мучим, находясь уже при последнем издыхании и умирая среди бичеваний и пыток, он — возстенав — сказал: Господеви, святыи разум имущему явно есть, яко от смерти могущ избавитися, жестокия терплю на теле болезни уязвляем, ш души же сладце страха ради Его сия стражду (2 Мак. 6:30). Поистине неподдельная была у него вера, непорочная и чистая доблесть, когда он не помышлял о царе Антиохе, но о Судье-Боге и

сознавал, что нисколько не послужит ему во спасение то, что он поругается над человеком и обманет его, тогда как Бог — Судья нашей совести, Которого одного только и бояться должно, никак не может быть ни поруган, ни обманут.

Итак, если мы посвятили и предали свою жизнь Богу, если проходим путь наш по древним и святым стезям праведников, не будем на этом пути уклоняться от тех же истязаний, от тех же мученических страданий, признавая за нашим временем более славы в том, что, тогда как древние примеры можно перечесть, христиан-мучеников и перечесть невозможно по чрезвычайному впоследствии обилию доблести и веры. Вот как свидетельствуется о том в Апокалипсисе: По сих видех, и се, народ мног, егоже изчести никтоже может, от всякого языка и колена, и людей и племен, стояще пред престолом и пред Агнцем, облечены в ризы белы, и финицы в руках их. И возопиша гласом велиим, глаголюще: сидящему на престоле Богу нашему и Агнцу... И ответиша един от старцев, глаголя ми: сии облечени в ризы белья кто суть и откуда приидоша? И рех ему: Господи, ты веси. И рече ми: сии суть, иже приидоша от скорби, и испраща ризы своя в Крови Агнчи; сего ради суть пред престолом Божиим и служат Ему день и ночь в церкви Его (Откр. 7:9–10; 13–15). Если же решительно указывается на такое множество христиан-мучеников, то пусть никто не считает трудным или неудобным соделаться мучеником, когда видит, что сонм мучеников и перечислен быть не может.

Гл. XII. Какое упование и награда ожидают праведников и мучеников после временных невзгод и страданий—это открывает и возвещает Дух Святой через Соломона, говоря: Пред лица человеческого аще и муку примут, упование их бессмертия исполнено: и в мале наказани бывше, великими облагодетельствовани будут, яко Бог искуси их и обрете их достойны Себе. Яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я. И во время посещения их возсияют, и яко искры по стеблию потекут: судят языком и обладают людьми, и воцарится в них Господь во веки (Прем. 3:4–8). У Соломона же описывается отмщение за нас и возвещается раскаяние наших преследователей и гонителей. Тогда, — говорится, — станет в дерзновении мнозе праведник пред лицом оскорбивших его и отметающих труды его. Видящий смя-тутся страхом тяжким и ужаснутся о преславнем спасении его, и рекут в себе кающесе и в тесноте духа въздыхающе: сей бе егоже имехом некогда в посмех и в притчу поношения. Безумнии житие его вменихом неистово и кончину его безчестну. Како вменися в сынех Божиих, и во святых жребии его есть? Убо заблудихом от пути истинного и правды свет не облиста нам, и солнце не возсия нам: беззаконных исполнихомся стезь и погибели и ходихом в пустыни непроходимыя, пути же Господня не уведехом. Что пользова нам гордыня? И богатство с величанием что воздаде нам? Преидоша вся она яко сень (Прем. 5:1–9). Ценность страдания и награда за него показывается в Псалме 115 (ст. 6). Честна, — сказано, — пред Господем смерть преподобных Его. Скорбь борьбы и радости о воздаянии выражается в Псалме 125 (ст. 5–6). Сеющий, — сказано, — слезами, радостию пожнут. Ходящий хожду и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя. И опять в Псалме 118 (ст. 1–2): Блажени непорочнии в путь, ходящий в законе Господни. Блажени испытующии свидения [мученичества] Его, всем сердцем възшут Его. Также Господь, мститель нашего гонения и мздовоздаятель за страдание, говорит в Евангелии: Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5:10). И опять: Блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческого ради. Возрадуйтеся в той день и възграйте, се бо мзда ваша многа на небеси (Лк. 6:22–23). И еще: Иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю (Лк. 9:24).

Впрочем, награды божественного обетования ожидают не одних только тех, которые претерпели казнь и смерть. Хотя верные и не подвергались самому страданию, но если вера их пребыла чистой и непоколебимой, если христианин презрением и оставлением всего, что

принадлежит ему, показал, что он последует Христу, то и он будет почтен между мучениками от Христа, Который, обещая это, Сам говорит: Никтоже есть, иже оставит дом, или родители, или братию, или сестры, или жену, или чада. Царствия ради Божия, иже не примет множицею во время сие, и в век грядущий живот вечный (Лк. 18:29–30). То же говорит и писатель Апокалипсиса. И видех, — сказано у него, — души растесанных за свидетельство [имя] Иисусово и за слово Божие. Поставивши таким образом на первом месте растесанных, т. е. убиенных, он прибавил затем: Иже не поклоняшася образу зверя и не прията начертания на челех своих и на руке своей; и после того как соединил всех виденных в одном и том же месте, он замечает: И ожиша и воцаришася со Христом (Откр. 20:4). Говорит, что живут и царствуют со Христом все, не только те, которые подверглись убиению, но и вообще те, которые, твердо пребывая в своей вере и в страхе Божиим, не поклонялись образу зверя и не исполняли пагубных и святотатственных его повелений. А что в награде за страдание мы получаем больше, чем сколько переносим в самом страдании, — это доказывает блаженный апостол Павел — тот Павел, который свидетельствует, что он, будучи по удостоению Божию восхищен до третьего неба и в рай, слышал то, чего и пересказать невозможно, который хвалится тем, что он по вере видел очами Иисуса Христа, и который с полным сознанием истины высказывает то, чему научился и что видел. Он говорит: Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8:18).

Итак, кто же не постарается всеми силами достигнуть такой славы, чтобы соделаться другом Божиим, радоваться тотчас со Христом и после земных мук и истязаний получить божественные награды? Если и для мирских воинов славно, победивши неприятеля, возвратиться с торжеством в отечество, то во сколько более и лучше слава, победивши диавола, возвратиться с торжеством в рай, внести победные трофеи туда, откуда изгнан Адам — грешник, низложивши того, кто древле был причиною изгнания, принести приятнейший дар Богу — непорочную веру, доблесть ума, непоколебимую и славную хвалу преданности; сопровождать Его, когда Он придет для отмщения врагам; находиться при Нем, когда сядет судить; сделаться сонаследником Христу; сравняться с ангелами; радоваться обладанию Небесного Царства с патриархами, с апостолами, с пророками? Какое гонение может препобедить эти помышления? Какие муки могут превозмочь их? Крепким и стойким пребывает ум, утвержденный на благочестивых размышлениях; непоколебимым стоит против всех диавольских угроз и нападений дух, укрепляемый надежной и твердой верой. Закрываются при гонениях очи, но открывается небо; угрожает антихрист, но защищает Христос; причиняется смерть, но следует бессмертие: у убиенного отнимается мир, но восстановленному даруется рай; погашается жизнь временная, но настает вечная. Какое достоинство и какая смелость — выйти отсюда веселым, из гнета и мучений выйти славным, закрыть на мгновение очи, смотревшие на людей и мир, и тотчас открыть их для созерцания Бога и Христа! И какая быстрота столь счастливого перехода: ты внезапно восхищаешься, чтобы быть поставлен в Небесном Царстве! Вот это—то и должно обнимать умом и помыслом; об этом надобно думать день и ночь. Если такого воина настигнет день гонения, то доблесть, готовая к сражению, побеждена быть не может. Если же призыв наступит прежде, то все же не останется без награды вера, которая готова была на мученичество. Судия Бог воздаст награду без ущерба времени: во время гонения увенчивается воинственность, во время мира — совесть.

Письмо к Фортунату об увещании к мученичеству

Так как на нас налегает бремя гонений и гнета и в конце и истощании мира стало уже приближаться враждебное время антихриста, ты желал, любезнейший Фортунат, чтобы для приготовления и укрепления умов братии я составил из Божественных Писаний увещания, которыми воодушевил бы воинов Христовых к небесной и духовной брани. Надлежало удовлетворить твоему столь настоящему желанию и, сколько это возможно для нашей мерности, вспомоществуемой божественным вдохновением, извлечь из заповедей Господних как бы оружие и некие доспехи для братьев, имеющих вступить в сражение. Ибо мало того, что мы возбуждаем народ Божий трубой нашего голоса, — необходимо еще веру верующих и доблесть, посвященную и преданную Богу, укрепить божественным чтением. Да и о чем особенно и по преимуществу должны мы стараться и заботиться, как не о том, чтобы вверенный нам свыше народ, воинство, поставленное в небесном лагере, приготовить постоянными упражнениями к отражению стрел и копий диавола? Не может быть способен к битве тот воин, которого не упражняли сперва в поле, и ищущий получить на поприще подвижнический венец не увенчается им, если не подумает предварительно об упражнении и изоощрении своих сил. Противник, с которым ведем войну, древний, неприятель — давний. Шесть тысяч лет почти проходят уже, как диавол нападает на человека. По самой давности упражнения он изучил все роды искушений, все хитрости и уловки для поражения. Если он найдет воина Христова неприготовленного, неопытного, незаботливого и не бодрствующего всем сердцем, то уловит несведущего, обольстит неосмотрительного, обманет неискусного. Если же против него станет воин, соблюдающий заповеди и крепко прилепляющийся ко Христу, то таковой непременно одержит победу, потому что Христос, им исповедуемый, непобедим.

Чтобы не слишком растягивать свою речь и не утомлять слушателя или читателя весьма обширным изложением, я составил, любезнейший брат, перечень, именно: предложивши оглавление предметов, которые всяк должен знать и содержать, я потом присоединил к ним особые главы, в которых предложенное утвердил важностью Божественного Писания так, чтобы видно было, что я не трактат свой послал тебе, а только доставил материал для трактата. А это каждый может употребить с большей для себя пользой. Ибо если бы я дал тебе сделанную уже и готовую одежду, то эта одежда, назначенная для употребления другого, была бы моя и, быть может, не пришлась бы по его росту и телосложению. Теперь же я послал тебе одну волну и пурпур от Агнца, Которым мы искуплены и оживотворены; получивши их, ты изготовишь для себя одежду, какую захочешь, и тебе приятнее будет ходить в домашнем собственном платье. Да и другим ты сообщишь посланное нами, чтобы и они могли изготовить для себя, по своему изволению, и, прикрывши оную древнюю наготу, все носили бы одеяние Христово, облеченные освящением небесной благодати. При этом, любезнейший брат, мне показалось полезным и спасительным намерение в столь настоящем увещании, которое соделывает мучеников, избежать всех помех и задержек со стороны словесных наших выражений и отклонить все двусмысленности человеческой речи, а предложить только то, что Бог говорит, то, чем Христос убеждает рабов своих к мученичеству. Надобно преподавать сражающимся одни божественные заповеди как орудия. Они да будут звуком воинской трубы, сигналом для сражающихся. К ним пусть прислушивается ухо; ими пусть настраиваются умы; от них пусть заимствуют крепость душевные и телесные силы для перенесения всякого страдания. Давши верующим по изволению Божию первое крещение, будем готовить каждого к другому крещению, внушая и поучая, что это крещение и по благодати более, и по силе возвышеннее, и по чести драгоценнее, — крещение, которое совершают ангелы, в котором радуется Бог и Христос Его, — крещение,

после которого никто уже не грешит, которое завершает преспеяние нашей веры и отходящих от мира тотчас соединяет нас с Богом. В крещении водой приемлется отпущение грехов, в крещении кровью — венец добродетелей. О нем—то с особенной любовью и желанием надлежит просить всевозможными мольбами, дабы мы — рабы Бога — были и други Его.

При увещании и приготовлении наших братьев, при вооружении их крепостью добродетели и веры к провозглашению исповедания Господня и к борьбе с гонением и страданием:

I. Прежде всего надобно сказать, что идолы, которых делает для себя человек, не боги, ибо изделие не может быть более своего делателя и художника, не может никого защитить и сохранить то, что само пропадает из своих храмов, если не будет оберегаемо человеком. Да и стихии, которые по распоряжению и заповеди Божией служат человеку, не должны быть почитаемы.

II. Отвергнуши идолов и объяснив значение стихий, надобно показать, что одного Бога почитать должно.

III. После сего следует помнить, как Бог угрожает тем, которые приносят жертву идолам.

IV. Кроме того, надобно показать, что Бог неохотно прощает идолопоклонникам .

V. И что Бог так негодует на идолопоклонство, что повелел умерщвлять даже тех, которые советовали приносить жертвы и служить идолам.

VI. К сему надобно присовокупить, что, искупленные и оживотворенные кровью Христовой, мы не должны ничего ставить выше Христа, так как и Он выше нас ничего не ставил: ради нас Он предпочел благам — беды, богатству — бедность, владычеству — рабство, бессмертию — смерть; мы же, напротив, в страданиях наших да предпочитаем временной бедности — богатства и утехи рая, временному рабству — господство и царство вечное, смерти — бессмертие, Бога и Христа — диаволу и антихристу.

VII. Надобно также внушить, что исторгнутые из челюстей диа—вольских и мирских сетей не должны, подвергшись бедам и гнету, уклоняться снова к миру и через это лишаться того, что приобретено.

VIII. Напротив, они должны твердо стоять и пребывать в вере, в добродетели, в совершении небесной и духовной благодати, дабы можно было им достигнуть почести и венца.

IX. Ибо бедствия и гонения бывают для нашего испытания.

X. И не надобно бояться озлобления и казней при гонениях, потому что у Бога более могущества для защиты, чем у диавола для поражения.

XI. А чтобы никто не страшился гнета и преследований, претерпеваемых нами в этом мире, и не смущался ими, нужно доказать, что заранее было предсказано о том, что мир будет нас ненавидеть и воздвигнет на нас гонения; следовательно, из того, что все это происходит, открывается только верность божественного обетования относительно воздаяний и наград, затем последующих, и что тут не приключается ничего нового христианам, так как от самого начала мира добрые подвергались бедам, были теснимы и убиваемы от неправедных.

XII. В последней части надобно выяснять, какое упование и какая награда ожидает праведников после этих временных невзгод и страданий и что при вознаграждении страдания мы имеем получить более, чем сколько переносим здесь, в самом страдании.

Гл. I. Что идолы не боги и что стихии не должно почитать вместо богов, это показывается в псалме: Идоли язык сребро и золото, рук человеческих. Уста имут, и не возглаголют, очи имут, и не узрят, уши имут, и не услышат, ниже бо есть дух во устех их. Подобии им да будут творящий я (Пс. 134:15—18). Также в книге Премудрости Соломоновой: Вся идолы язычески вмениша в боги, имже ниже очес употребление ко зрению, ниже ноздри в привлечение аера, ниже уши слышати, ниже персты рук во осязание, и ноги их праздно ко хождению. Человек бо сотвори их, и духа взаим взяв созда их: ни един бо человек может себе подобна бога созда—ти: смертей же

сый мертва делает рукама беззаконными: лучший бо есть идолов своих, яко сей убо поживе, онии же никогда (Прем. 15:15—17). И в книге Исхода: Не сотвори себе кумира и всякого подобия (Исх. 20:4). О стихиях тоже у Соломона: Ни делом вне-млюще познаша хитреца; но или огонь, или дух, или воздух, или круг звездный, или зелную воду, или светила небесная строители миру боги быти возмнеша. Ихже аще убо красотою услаждающе-ся, сия боги возмнеша, да уведят, колико сих Владыка есть лучший; аще же силе и действию удивишася, да уразумеют от них, колико сотворивый сия сильнейший есть (Прем. 13:1—4).

Гл. II. О том, что одного Бога почитать должно, говорится в Писании: Господа Бога да убоишися, и тому единому послу жиши (Втор. 6:13). Также в книге Исхода: Да не будут тебе бози разве Мене (Исх. 20:3). И в другом месте: Видите, видите, яко Аз есмь, и несть Бог разве Мене; Аз убию и жити сотворю, поражу и Аз исцелю, и несть иже измет из руку моею (Втор. 32:39). Также в Апокалипсисе: И видех иного Ангела паряща посреде небесе, иму-щаго Евангелие вечно благовестити живущым на земли и всякому племени и языку, и колену и людем, глаголюща гласом великим: убойтеся Бога и дадите Ему славу, яко прииде час суда Его; и поклонитесь сотворившему небо и землю, и море и все, что в них (Откр. 14:6—7). Таким образом, и Господь напоминает в Евангелии о первой и второй заповедях, говоря: Слыши, Израилью, Господь Бог ваш Господь един есть. И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею. Сия есть первая заповедь, И вторая подобна ей: возлюбиши ближ-няго своего яко сам себе (Мар. 12:29—31). В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят (Мф. 22:10). И еще: Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и егоже послал еси Иисус Христа (Ин. 17:3).

Гл. III. Вот как Бог угрожает тем, которые приносят жертвы идолам. В книге Исхода: Иже жертву приносит богом смертию да потребится, но точию Господу единому (Исх. 22:20). Также во Второзаконии: Пожроша бесовом, а не Богу (Втор. 32:17). Также у Исаии: И поклонишася тем, яже сотвориша персты их, и прекло-нися человек, и смирися муж, и не претерплю им (Ис. 2:8—9). И опять: И тем пролиял еси возлияния, и тем принес еси жертвы: о сих убо не разгневаются ли? — глаголет Господь (Ис. 57:6). У Иеремии: Не ходите вслед богов, еже чуждых, еже служити им и поклонятися им, да не прогневаете Мя в делех рук ваших, еже озлобите (рассеять] вас (Иер. 25:6). Также в Апокалипсисе: Иже аще кто поклоняется зверю и иконе его и приемлет начертание на челе своем или на руце своей, и той имать пити от вина ярости Божия, влиянна в чаши гнева Его, и будет мучен огнем и жупелом пред ангелы святыми и пред Агнцем; и дым мучения их во веки веков восходит, и не имут покоя день и ноць поклоняющийся зверю и образу его (Откр. 14:9—11).

Гл. IV. Бог неохотно прощает идолопоклонникам. В книге Исхода Моисей просит за народ и не успеваает. Молюся Ти, — говорит он, — Господи: согресиша людие сии грех велик и сотвориша себе боги златы. И ныне аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги Твоя, в нюже вписал еси. И рече Господь к Моисею: аще кто согреси предо Мною, изгладу его из книги Моея (Исх. 32:31—33). Также, когда Иеремия молился за народ, Господь сказал ему: Ты же не молися о людех сих и не проси еже помилованным быти им, и не моли, ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя (Иер. 7:16). Такое же негодование Божие на согрешающих Богу объявляет Иезекииль. Бысть, — говорит, — слово Господне ко мне глаголя: сыне человек, земля аще согрешит Ми, еже пастися грехом, и простру руку Мою на ню и сотру утверждение хлебное, и пущу на ню глад, и возму с нея человеки и скоты. И аще будут сии трие мужи среди ея, Ное и Даниил, и Иов... ни сынове, ни дщери их спасутся, но токмо сии едини спасутся (Иез. 14:12—14; 16). То же в Первой книге Царств: Аще согрешая согрешит муж мужеви, помолятся о нем ко Господу: аще же Господеви согрешит, кто помолится о нем (1 Цар. 2:25)?

Гл. V. Бог так негодует на идолопоклонничество, что повелел умерщвлять даже тех, которые советовали приносить жертвы и служить идолам. Во Второзаконии: Аще помолит тя брат твой, или сын твой, или дочь твоя, или жена твоя яже на лоне твоём, или друг твой, равен души твоей, отай глаголя: идем и послужим богом иным, от богов языков; да не соизволиши ему и не послушавши его, и да не пощадит его око твое, ниже прикрывши его; возвещая да возвестиши о нем, и рука твоя да будет на нем в первых убить его, и руки всех людей послежде: и побьют его камением, и умрет, яко взыскал есть отвратити тебе от Господа Бога твоего (Втор. 13:6—10). И опять Господь ясно говорит, что не должно щадить и города, если бы он весь согласился на идолопоклонство: Аще же услышиши в единем от градов твоих, яже Господь Бог дает тебе, вселитися тамо, глаголющих: идем, да послужим богом иным, ихже вы не весте, — убивая да убиеша вся живущия во граде онем убийством меча — и зажжеша град огнем — и будет пуст во веки не возградится по сем; да отвратится Бог от ярости гнева Своего, и даст тебе милость и помилует тя, и умножит тя, — аще послушаеши гласа Господа Бога твоего, еже хранити вся заповеди Его (Втор. 13:12:15—18). Помня эту строгую заповедь, Маттафия умертвил мужа, приступившего жрети в капище (1 Мак. 2:23—24). Если же эти заповеди относительно почитания Бога и презрения идолов были сохраняемы прежде пришествия Христова, то тем более все относящееся к богопочтению должно быть соблюдаемо по явлении Христа, Который поучал нас не одними только словами, но и делами: после всех озлоблений и хулений Он пострадал и распят, чтобы примером своим научить нас страдать и умирать. Нисколько не извинительно человеку не страдать за себя, когда Он пострадал за нас: если Он пострадал за грехи чужие, то тем более каждый должен страдать за свои грехи. И потому Он грозит в Евангелии, говоря: Всяк иже исповестся Мне пред человеки, исповею его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех; а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех (Мф. 10:32—33). Апостол Павел говорит то же: Аще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем; аще терпим, с Ним и воцаримся; аще отвержемся, и Той отвержется нас (2 Тим. 2:11—12). То же Иоанн: Всяк отменяйся Сына, ни Отца имать, а исповедавая Сына, [и Сына] и Отца имать (1 Ин. 2:23). Поэтому Господь увещевает и ободряет нас к презрению смерти, говоря: Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить; убойтесь же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне (Мф. 10:28). И опять: Любяй душу свою, погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю (Ии. 12:25).

Гл. VI. Что, искупленные и оживотворенные кровию, мы ничего не должны ставить выше Христа, о том Господь так говорит в Евангелии: Иже любит отца или мать, паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дочь, паче Мене, несть Мене достоин (Мф. 10:37). И во Второзаконии написано: Глаголяй отцу и матери своей: не видех тебе, — и сынов своих не увиде, (сей) сохрани словеса Твоя и завет Твой соблюде (Втор. 33:9). Также апостол Павел говорит: Кто ны разлучит от любви Божия [Христовой]?; Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляемы есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения; но во всех сих препобеждаем за возлюбльшаго ны (Рим. 8:35—37). И опять: Несте свои, куплени бо есте ценою [великою]; прославите убо [и носите] Бога в телесех ваших (1 Кор. 6:19—20). И еще: Христос за всех умре, да живущий не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему (2 Кор. 5,15).

Гл. VII. Исторгнутые из челюстей диавольских и мирских сетей не должны уклоняться снова к миру и через это лишаться того, что приобретено. В книге Исхода читаем, что иудейский народ, который представлял нас в сени и образе, будучи избавлен защитником и мстителем Богом от тягчайшего рабства Фараонова и египетского, т. е. диавольского и мирского, вероломный и неблагодарный в отношении к Богу, ропщет на Моисея, примечая неудобства пустыни и труда и не разумея божественных благоденствий свободы и спасения: он хочет снова

сделаться рабом Египта, т. е. мира, из которого исторгнут, тогда как тем более должен бы уповать на Бога и верить, потому что, кто освобождает людей своих от диавола и мира, тот и покровительствует освобожденным. Что сие, — говорит, — сотворил еси нам, извед нас из Египта? лучше бо быше нам работати Египтянам, нежели умерети в пустыне сей. Рече же Моисей к людям: дерзайте, стойте и зрите спасение еже от Господа, еже сотворит нам днесь: Господь поборет по вас, вы же умолкните (Исх. 14:11 —14). Господь, предостерегая нас от этого и поучая, что мы не должны снова возвращаться к диаволу и миру, от которых отреклись и избавились, говорит в Своем Евангелии: Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божий (Лк. 9:62). И еще: Иже на селе, да не возвратится вспять; поминайте жену Лотову (Лк. 17:31—32). А чтобы никого не удерживали от последования Христу ни жадность к имуществу, ни угождение родным. Он присовокупляет к тому следующее: Иже не отречется всего имения, не может быти Мой ученик (Лк. 14:33).

Гл. VIII. Надлежит твердо стоять и пребывать в вере, в добродетели, в совершении небесной и духовной благодати, чтобы можно было достигнуть почести и венца. В книге Паралипоменон: Господь с вами, яко бысте с Ним; аще же оставите Его, оставит вас (2 Пар. 15:2). И у Иезекииля: Правда праведника не избавит его, в оньже день прельстится (Иез. 33:12). Также Господь говорит в Евангелии: Претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 10:22). И опять: Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете, и уразумеете истину, и истина свободит вы (Ин. 8:31—32). Предостерегая же нас, что мы должны быть всегда готовы и, изготовившись к походу, стоять твердо. Он присовокупляет к тому следующие слова: Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящий; и вы подобии человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих (Лк. 12:35—37). То же и блаженный апостол Павел, увещевая нас к преспеянию, возвращению и высшему совершенствованию нашей веры, говорит: Не весте ли, яко текущий в позорищи вси убо текут, един же приемлет почесть? Тако тецьте, да постигнете; они убо да нетленен венец примут, мы же неистленен (1 Кор. 9:24—25). Также: Никтоже воин бывая [Богу] обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет; аще же и по—страждет кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися (2 Тим. 2:4—5). И опять: Молю вас, братие, щедротами Божии—ми, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, и не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во ежи искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная (Рим. 12:1 —2). И еще: Есмы чада Божия; аще же чада, и наследницы; наследницы убо Богу, снаслед—ницы же Христу, понеже с Ним отражаем, да и с Ним прославимся (Рим. 8:16—17). Такое же увещание заключается в божественной проповеди Апокалипсиса: Держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего (Откр. 3:11). Пример же того, как надобно быть твердыми и стойкими, мы находим в книге Исхода: Моисей для одержания победы над Амаликом, изображавшим диавола, поднимал вверх руки в знамение и Таинство Креста и одолевал противника только в том случае, когда с поднятыми постоянно руками пребывал неослабно в этом знамении. И бысть, — сказано, — егда воздвизаше Моисей руце, одолеваше Израиль; егда же опускаше руце, одолеваше Амалик. И взявше камень, подложиша ему, и се—дяще на нем: Аарон же и Ор поддержаста руце ему, един отсюда, а другой оттуду: и быша Моисеови руце укреплены до захождения солнца: и преодоле Иисус Амалика и вся люди его: рече же Господь к Моисею: впиши сие на память в книги и едай во уши Иисусу, яко пагубою погублю память Амаликову от поднебесный (Исх. 17:11 — 14).

Гл. IX. Бедствия и гонения бывают для нашего испытания. Во Второзаконии: Искушает Господь Бог твой вас, еже уведети, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душею вашею и всею крепостию вашею (Втор. 13:3). И опять у Иисуса, сына Сирахова: Сосуды

горшечные испытывает печь, а людей праведных — искушение напасти (Сир. 27:5). То же свидетельствует Павел, говоря: Хвалимся упованием славы Божия; не точию же, но и хвалимся в скорбех, ведяще, яко скорбь терпение соделовает; терпение же искусство, искусство же упование; упование же не посрамит, яко любы Божия излися в сердца наша Духом Святым, данным нам (Рим. 5:2—5). И Петр предлагает в своем Послании следующее: Возлюбленнии, не дивитесь еже в вас раждежению ко искушению вам бываему, яко чужду вам случающуся; но понеже приобщаетеся Христовым отрастом, радуйтесь, яко да ив явлении славы Его возрадуется веселящися. Аще укоряемы бываете о имени Христова, блажени есте, яко славы и силы Господней имя на вас почивает; онёми убо хулится, а вами прославляется (1 Пет. 4:12—14).

Гл. X. Что не должно бояться озлобления и казней при гонениях, потому что у Бога более могущества для защиты, чем у диавола для поражения, — это доказывают следующие слова Иоанна в его Послании: Болий есть иже в вас, нежели иже в мире (1 Ин. 4:4). Также в Псалме: Господь мне Помощник, и не убоюсь, что сотворит мне человек (Пс. 117:6). И опять: Сии на колесницах, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша, мы же востахом и исправихомся (Пс. 19:8—9).

Еще сильнее Дух Святой поучает и показывает, что не должно бояться ополчения диавольского и что если враг поднимет против нас войну, то в самой войне по преимуществу заключается наша надежда, в самой этой стычке праведные достигают награды божественно-го жилища и вечного спасения. Говорится в Псалме: Аще ополчится не хя полк, не убоится сердце мое, аще востанет на мя брат; «л Него аз уповаю. Едино просил от Господа, то възщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего (Пс. 26:3—4). Также в книге Исхода Священное Писание объявляет, что через угнетения мы тем более размножаемся и усиливаемся. Поелику, — сказано, — их смиряху, толико множайшии бываху и укрепляхуся зело зело (Исх. 1:12). В Апокалипсисе обещается также божественное покровительство в наших страданиях. Не бойся, — сказано, — ничесоже, яже имаши пострадати (Откр. 2:10). И это покровительство и безопасность обещает нам Тот, Который говорит через пророка Исаию: Не бойся, яко избавих тя, прозвах тя именем твоим: Мой еси ты. И аще преходиши сквозь воду, с тобою есмь, и реки не покрют тебе; и аще сквозь огонь пройдеши, [не сожжешися] и пламень не опалит тебе: яко Аз есмь Господь Бог твой, Святый Исраилев, спасали тя (Ис. 43:1—3). Он и в Евангелии обещает, что рабы Божий не будут лишены божественной помощи во время преследований: Егда же предают вы, не пецытесе, како или что възглаголете: дастбося вам в той час, что възглаголете: не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголяй в вас (Мф. 10:19—20). И опять: Положите на сердцах ваших, не прежде поуча-тися отввцавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися... вси противляющиися вам (Лк. 21:14—15). Потому-то и в Исходе, когда Моисей медлил и боялся идти к народу, Бог говорил так: Кто даде уста человеку? и кто сотвори нема и глуха, и видяща и слепа? Не Аз ли Господь Бог? И ныне иди, и Аз отверзу уста твоя, и устрою тебе, еже имаши глаголати (Исх. 4:11—12). Да и нетрудно для Бога открыть уста человека, Ему преданного, вдохнуть в своего исповедника твердость и смелость говорить, — нетрудно для Того, Кто заставил ослицу говорить пред пророком Валаамом, как читаем в книге Чисел (22:30). И потому во время гонений пусть никто не думает о беде, причиняемой диаволом, а лучше пусть всяк помышляет о помощи, даруемой Богом; да не ослабляет ума напасть человеческая, но да укрепляет веру покров божественный, потому что всяк по Господним обетова-ниям и по заслугам своей веры должен получить помощи Божией столько, сколько заслуживает, и нет ничего такого, чего не мог бы даровать Всемогущий, если только не изменяет непрочная вера получающего.

Гл. XI. Прежде было предсказано, что мир будет нас ненавидеть и воздвигнет на нас гонения и что тут не приключается ничего нового христианам, так как от самого начала мира

добрые подвергались бедам, праведные были теснимы и убиваемы от неправедных. Вот что Господь возвещает в Евангелии в наше предостережение: Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы; якоже от мира не—сте, но Аз избрал вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Поминайте слово, еже Аз рех вам: мечь раб болий Господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас из жену т (Ин. 15:18—20). И опять: Приидет час, да всяк, иже убьет вы, возмнится службу приносить Богу; и сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет час, вспомянете сия, яко Аз рех вам (Ин. 16:2—4). И еще: Аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетесь и возрыдаете вы, а мир возрадуется: вы же печальны будете, но печаль ваша в радость будет (Ин. 16:20). Также: Сия глаголах вам, да во Мне мир имате; в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир (Ин. 16:33). И когда ученики спросили Господа о знамении пришествия Его и кончины мира, Он сказал в ответ: Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос, и мнози прельстят. Услышати же имати брани и слышания бранем; зрите, не ужасайтесь; подобает бо всем сим быти: но не тогда кончина. Встанет бо язык на язык, и царство на царство: и будут глади и пагубы, и труси по местом. Вся же сия начало болезнем. Тогда предадут вы скорби и убьют вы: и будете ненавидимы всеми языки имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози, и друг друга предадут, и возненавидят друг друга. И мнози лжепророцы возстанут и прельстят многия. И за умножение беззакония изсякнет любви многих. Претерпевый же до конца, той спасется, и проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем языком: и тогда приидет кончина. Егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте святе (иже чет, да понимает): тогда сущий во Иудеи да бежат на горы; и иже на крове, да не сходит взяти яже в дому его; и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же непраздным и доящим в тыя дни. Молитесь же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу. Будет бо тогда скорбь велия, якоже не была от начала мира доселе, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранных же ради прекратятся дние оны. Тогда аще кто речет вам: се zde Христос, или онде; не имите веры. Встанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадут знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно и избран—ныя (Мф. 24:4—24). Вы же блюдитесь; се прежде рех вам вся (Мф. 13:23). Аще убо рекут вам: се в пустыни есть, не изыдите; се в сокровищих, не имите веры. Якоже бо молния исходит от восток и является до запад, тако будет пришествие Сына Человеческого. Идеже бо аще будет труп, там соберутся орли. Абие же по скорби дний тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с небесе, и силы небесныя подвигнутся. И тогда явится знамение Сына Человеческого на небесы: и тогда восплачутся вся колена земная, и узрят Сына Человеческого, грядуща на облацех небесных с силою и славою многою. И послет ангелы своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветр, от конец небес до конец их (Мф. 24:26—31).

Не ново и не неожиданно то, что совершается ныне над христианами: добрые, праведные, выражающие преданность свою Богу непорочною жизнью и благочестивым страхом, всегда шествуют трудными стезями тесного пути, подвергаясь гонениям, обидам, тяжким и многообразным озлоблениям. Так, в самом начале мира первый праведник — Авель умерщвляется братом, Иаков изгоняется, Иосиф продается, кроткого Давида преследует царь Саул; Илию, постоянно и мужественно возвещающего величие Божие, старается угнетать царь Ахав; Захария — священник — умерщвляется между храмом и алтарем, да соделается сам жертвою там, где закалал жертвы Богу. Наконец, столько мученичеств праведников, часто восхваляемых! Столько показанных впоследствии примеров веры и доблести! Три отрока: Анания, Азария и Мисаил, — одинаковые по возрасту, согласные по любви, стойкие в вере, непоколебимы в добродетели, сильнейшие пламени и огненных казней, громко взывают, что они

служат одному только Богу, Его одного знают, одного почитают. Они говорят царю Навуходоносору: Не тебе нам о глаголе сем отвецати тебе. Есть бо Бог, Ему же мы служим, силен изъяти нас от печи огнем горящия и от руку твоею избавити нас, царю. Аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим, и телу златому, еже поставил еси, не кланяемся (Дан. 3:16—18). И Даниил, преданный Богу и исполненный Духа Святого, так взывает: Не поклонятся кумиром, но живому Богу сотворшему небо и землю (Дан. 14:5). Товия, будучи в рабстве у царя-тирана, свободный мыслями и духом, хранит свое исповедание Богу и громогласно возвещает силу и величие божественное, говоря: Аз в земли пленения моего исповедаюся Ему и сказую крепость и величие Его языку грешников (Тов. 13:6). А что сказать о семи братьях, упоминаемых в книгах Маккавейских (2 Мак. 7), которые, будучи одноутробны и равнодобрны, таинством совершенной кончины выражают полноту седмичного числа? В мучении семь братьев были соединены так, как в божественном домостроительстве семь первых дней, содержащих семь тысяч лет, как семь духов и семь ангелов, предстоящих и беседующих пред лицом Божиим. В скинии свидения был семисвечный светильник; в Апокалипсисе — семь светильников златых, у Соломона — семь столбов, на которых Премудрость создала дом; подобным образом и там семеричное число братьев выражает собою семь церквей, согласно тому, что читаем в Первой книге Царств: Яко неплоды роди седмь (1 Цар. 2:5) — и у Исаии, где семь жен хватаются за одного мужа, требуя, чтобы на них нареклось имя его (Ис. 4:1). Апостол Павел, помня это знаменательное и меткое число, пишет к семи церквям, и в Апокалипсисе Господь Свои божественные повеления и небесные заповеди обращает к семи церквям и их ангелам: таким же образом и там находится это же число в семи братьях для выражения полноты законного совершенства. С семью детьми явно соединяется и мать — начало и корень, которая, сама первая и единая, будучи основана по слову Господню на камени, родила потом семь церквей. И не без причины в страданиях с детьми находится одна только мать, ибо мученики, свидетельствуя в страданиях, что они сыны Божий, имеют одного только отца — Бога, как учит Господь в Евангелии, говоря: И отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш, иже не небесех (Мф. 23:9). Какое же сделано ими провозглашение исповедания? Какие славные и великие доказательства веры они представили? Враждебный царь Антиох или, лучше, антихрист в образе Антиоха хотел осквернить славные и по духу исповедания непобедимые уста мучеников прикосновением к свиному мясу и, когда после тяжкого истязания бичами несколько не мог успеть в этом, приказал раскалить сковороды — они были раскалены и разжжены; затем того, кто первый заговорил и непоколебимостью добродетели и веры наиболее показал противление царю, царь велел бросить на них и жарить, вытянувши сперва и отрезавши у него язык, который исповедал Бога. Это послужило к большей славе мученика, потому что язык, исповедавший имя Божие, и должен был сам первый предстать Богу. Потом для другого измышлены были жесточайшие казни, и, прежде чем терзать прочие члены его, с головы содрали кожу с волосами, выразив тем известную ненависть: ибо так как глава мужа есть Христос, а глава Христа — Бог, то терзавший главу в мученике в главе преследовал Бога и Христа. Но мученик, верный в своем страдании и уповая получить награду Воскресения от божественного мздовоздаяния, громогласно воззвал и сказал: Ты убо, окаяннейший, от настоящего живота нас погубляеши, Царь же мира умерших нас, Своих ради законов, воскресит нас в Воскресение живота вечного (2 Мак. 7:9). У третьего потребовали язык, и он тотчас его представил, потому что научился уже от брата презирать казнь отсечения языка. Притом он и руки держал постоянно протянутыми для отсечения, находя великое блаженство в этом роде казни, так как ему пришлось распростертыми для казни руками подражать страданию Господа. И четвертый, с равной доблестью ни во что вменяя муки и противопоставляя царю небесное слово, так возгласил: Лучше убиваемым от человек упования чаяти от Бога, паки имущим воскрешеным быти от Него,

тебе же Воскресение в живот не будет (2 Мак. 7:14). Пятый, кроме того что попрал силой веры царское истязание и многообразные тяжкие муки, вдохновенный Божественным Духом к предведению и познанию будущего, предсказал царю гнев Божий и отмщение, которое имело вскоре последовать. Власть, — говорит, — в человецех имея тленен сый, еже хоцещи, твориши; не мни же роду нашему от Бога оставлену быти: ты же потерпи и зри велию державу Его, како тебе и семя твое умучит (2 Мак. 7:16—17). Каково это было облегчение для мученика, сколь великое и важное утешение — не помышлять в страданиях своих о собственных муках, но предсказывать казнь своего мучителя! В шестом же надобно восхвалять не одну только доблесть, но и смирение: мученик ничего себе не присваивал, не превозносил гордыми словами чести своего исповедания, но претерпеваемое от царя гонение приписывал более своим и предоставлял Богу будущее отмщение, поучая тем, что мученики должны быть скромны, уверены в отмщении и нисколько не тщеславны в страдании. Не прельщайся, — говорит он, — суетно: мы бо себе ради сия страждем согрешающе к Богу нашему. Ты же да не возмниши неповинен быти, богоборствовати начен (2 Мак. 7:18—19). Дивная и мать: ни слабость пока ее не сломила, ни значительная потеря не поколебала; она благодушно смотрела на умирающих детей и считала это не казнью для них, но славою, представляя, таким образом, Богу доблестью очей своих столь же славное мученичество, как представили и сыновья ее терзаниями и страданием членов! Когда после казни и умерщвления шестерых братьев оставался только один из них, тогда царь, желая успокоить свою жестокость и зверство совращением хоть одного, обещал ему богатство, могущество и много другого; притом увещевал мать, чтобы и она вместе с ним умоляла сына к совращению. И она умоляла, но так, как прилично было матери мучеников, как прилично было той, которая помнит о законе и Боге, как прилично было любящей своих детей не нежно, но крепко. Она умоляла сына исповедать Бога, умоляла не отставать от братьев в похвале и славе, признавая себя матерью семерых детей только в том случае, когда ей удастся родить семерых для Бога, а не для мира. И потому, поощряя его, ободряя и рождая лучшим рождением, она говорила: Сыне, помилуй мя, носившую тя во чреве девять месяией, и млеко питавшую тя лета три, и воскормившую тя, и приведшую в возраст сей. Молю тя, чадо, да воззриши на небо и землю, и вся, яже в них, видящъ уразумееш, яко от не сущих сотвори сия Бог, и человекъ род тако бысть. Не убойся плоторастерзателя сего, но достоин быв братии твоея, восприими смерть, да в милости с братиею твоею восприму тя (2 Мак. 7:27—29). Великую похвалу заслуживает мать за увещание к доблести, но еще большую — за страх Божий и истинную веру, по которой она ничего не обещала ни себе, ни сыну от чести шести мучеников и, не думая, чтобы молитва братьев послужила к спасению отрекающегося, советовала соделаться лучше общником их страдания, чтобы в день суда можно было обрестись ему вместе с братьями. Затем после детей умирает и мать, ибо ничего не осталось столь приличного, как то, чтобы родившая и соделавшая мучеников приобщилась их славе и, предпослав их к Богу, сама потом последовала за ними. Не должно также умолчать и об Елеазаре, чтобы кто-либо не вздумал воспользоваться злым даром обманщиков, когда представится случай получить записку или другую какую вещь, которой можно обмануть. Приставники царские предлагали Елеазару вкусить мяса, дозволенного к употреблению в пищу, а только притвориться, будто он ест от предложенных жертв и яств непозволительных, и, таким образом, обмануть царя. Но он не захотел согласиться на таковой обман, говоря, что не согласно ни с летами его, ни с достоинством притворно делать то, чем можно соблазнить и ввести в заблуждение других, заставив их думать, будто девяностолетний Елеазар, оставивши предательски закон Божий, уклонился к обычаям иноплеменников, да и кратковременное продолжение жизни не стоит того, чтобы, оскорбивши Бога, подвергнуться потом вечным мукам. Затем, будучи долго мучим, находясь уже при последнем издыхании и умирая среди бичеваний и пыток, он — возстенав —

сказал: Господеви, святой разум имущему явно есть, яко от смерти могущь избавитися, жестокия терплю на теле болезни уязвляем, ш души же сладце страха ради Его сия стражду (2 Мак. 6:30). Поистине неподдельная была у него вера, непорочная и чистая доблесть, когда он не помышлял о царе Антиохе, но о Судье—Боге и сознавал, что нисколько не послужит ему во спасение то, что он поругается над человеком и обманет его, тогда как Бог — Судья нашей совести, Которого одного только и бояться должно, никак не может быти ни поруган, ни обманут.

Итак, если мы посвятили и предали свою жизнь Богу, если проходим путь наш по древним и святым стезям праведников, не будем на этом пути уклоняться от тех же истязаний, от тех же мученических страданий, признавая за нашим временем более славы в том, что, тогда как древние примеры можно перечесть, христиан—мучеников и перечесть невозможно по чрезвычайному впоследствии обилию доблести и веры. Вот как свидетельствуется о том в Апокалипсисе: По сих видех, и се, народ мног, егоже изчести никтоже может, от всякого языка и колена, и людей и племен, стояще пред престолом и пред Агнцем, облечены в ризы белы, и финицы в руках их. И возопиша гласом велиим, глаголюще: сидящему на престоле Богу нашему и Агнцу... И ответиша един от старцев, глаголя ми: сии облечени в ризы белья кто суть и откуда приидоша? И рех ему: Господи, ты веси. И рече ми: сии суть, иже приидоша от : скорби, и испраша ризы своя в Крови Агнчи; сего ради суть пред престолом Божиим и служат Ему день и ночь в церкви Его (Откр. 7:9—10; 13—15). Если же решительно указывается на такое множество христиан—мучеников, то пусть никто не считает трудным или неудобным соделаться мучеником, когда видит, что сонм мучеников и перечислен быть не может.

Гл. XII. Какое упование и награда ожидают праведников и мучеников после временных невзгод и страданий— это открывает и возвещает Дух Святой через Соломона, говоря: Пред лица человека аще и муку примут, упование их бессмертия исполнено: и в мале наказани бывше, великими благодетельствовани будут, яко Бог искуси их и обрете их достойны Себе. Яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я. И во время посещения их возсияют, и яко искры по стеблию потекут: судят языком и обладают людьми, и воцарится в них Господь во веки (Прем. 3:4—8). У Соломона же описывается отмщение за нас и возвещается раскаяние наших преследователей и гонителей. Тогда, — говорится, — станет в дерзновении мнозе праведник пред лицом оскорбивших его и отметающих труды его. Видящий смя—тутся страхом тяжким и ужаснутся о преславнем спасении его, и рекут в себе кающесе и в тесноте духа въздыхающе: сей бе егоже имехом некогда в посмех и в притчу поношения. Безумнии житие его вменихом неистово и кончину его безчестну. Како вменися в сынех Божиих, и во святых жребии его есть? Убо заблудихом от пути истинного и правды свет не облиста нам, и солнце не возсия нам: беззаконных исполнихомся стезь и погибели и ходихом в пустыни непроходимыя, пути же Господня не уведехом. Что пользова нам гордыня? И богатство с величанием что воздаде нам? Преидо—ша вся она яко сень (Прем. 5:1 —9). Ценность страдания и награда за него показывается в Псалме 115 (ст. 6). Честна, — сказано, — пред Господем смерть преподобных Его. Скорбь борьбы и радости о воздаянии выражается в Псалме 125 (ст. 5—6). Сеющий, — сказано, — слезами, радостию пожнут. Ходящий хождаху и плакахуся, метаяще семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя. И опять в Псалме 118 (ст. 1—2): Блажени непороч—нии в путь, ходящий в законе Господни. Блажени испытующии свидения [мученичества] Его, всем сердцем възшут Его. Также Господь, мститель нашего гонения и мздовоздаятель за страдание, говорит в Евангелии: Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5:10). И опять: Блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческого ради. Возрадуйтесь в той день и възиграйте, се бо мзда ваша многа на небеси (Лк. 6:22—23). И еще: Иже погубит душу

свою Мене ради, сей спасет ю (Лк. 9:24).

Впрочем, награды божественного обетования ожидают не одних только тех, которые претерпели казнь и смерть. Хотя верные и не подвергались самому страданию, но если вера их пребыла чистой и непоколебимой, если христианин презрением и оставлением всего, что принадлежит ему, показал, что он последует Христу, то и он будет почтен между мучениками от Христа, Который, обещая это, Сам говорит: Никтоже есть, иже оставит дом, или родители, или братию, или сестры, или жену, или чада. Царствия ради Божия, иже не примет множицею во время сие, и в век грядущий живот вечный (Лк. 18:29—30). То же говорит и писатель Апокалипсиса. И видех, — сказано у него, — души растесанных за свидетельство [имя] Иисусово и за слово Божие. Поставивши таким образом на первом месте растесанных, т. е. убиенных, он прибавил затем: Иже не поклоняшася образу зверя и не прията начертания на челех своих и на руже своей; и после того как соединил всех виденных в одном и том же месте, он замечает: И ожиша и воцаришася со Христом (Откр. 20:4). Говорит, что живут и царствуют со Христом все, не только те, которые подверглись убиению, но и вообще те, которые, твердо пребывая в своей вере и в страхе Божиим, не поклонялись образу зверя и не исполняли пагубных и святотатственных его повелений. А что в награде за страдание мы получаем больше, чем сколько переносим в самом страдании, — это доказывает блаженный апостол Павел — тот Павел, который свидетельствует, что он, будучи по удостоению Божию восхищен до третьего неба и в рай, слышал то, чего и пересказать невозможно, который хвалится тем, что он по вере видел очами Иисуса Христа, и который с полным сознанием истины высказывает то, чему научился и что видел. Он говорит: Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явиться в нас (Рим. 8:18).

Итак, кто же не постарается всеми силами достигнуть такой славы, чтобы соделаться другом Божиим, радоваться тотчас со Христом и после земных мук и истязаний получить божественные награды? Если и для мирских воинов славно, победивши неприятеля, возвратиться с торжеством в отечество, то во сколько более и лучше слава, победивши диавола, возвратиться с торжеством в рай, внести победные трофеи туда, откуда изгнан Адам — грешник, низложивши того, кто древле был причиною изгнания, принести приятнейший дар Богу — непорочную веру, доблесть ума, непоколебимую и славную хвалу преданности; сопровождать Его, когда Он придет для отмщения врагам; находиться при Нем, когда сядет судить; сделаться сонаследником Христу; сравняться с ангелами; радоваться обладанию Небесного Царства с патриархами, с апостолами, с пророками? Какое гонение может препобедить эти помышления? Какие муки могут превозмочь их? Крепким и стойким пребывает ум, утвержденный на благочестивых размышлениях; непоколебимым стоит против всех диавольских угроз и нападений дух, укрепляемый надежной и твердой верой. Закрываются при гонениях очи, но открывается небо; угрожает антихрист, но защищает Христос; причиняется смерть, но следует бессмертие: у убиенного отнимается мир, но восстановленному даруется рай; погашается жизнь временная, но настает вечная. Какое достоинство и какая смелость — выйти отсюда веселым, из гнета и мучений выйти славным, закрыть на мгновение очи, смотревшие на людей и мир, и тотчас открыть их для созерцания Бога и Христа! И какая быстрота столь счастливого перехода: ты внезапно восхищаешься, чтобы быть поставлен в Небесном Царстве! Вот это—то и должно обнимать умом и помыслом; об этом надобно думать день и ночь. Если такого воина настигнет день гонения, то доблесть, готовая к сражению, побеждена быть не может. Если же призыв наступит прежде, то все же не останется без награды вера, которая готова была на мученичество. Судия Бог воздаст награду без ущерба времени: во время гонения увенчивается воинственность, во время мира — совесть.

Книга о благе терпения

Намереваясь говорить с вами, возлюбленнейшие братья, о терпении и желая изобразить пользу его и выгоды, с чего лучше всего начать мне, как не с указания на необходимость в настоящее время терпения, с вашей стороны, для выслушания меня, так, чтобы терпением могло сопровождаться и то, что ныне услышите, и то, чему научитесь, потому что поучение и спасительное слово деятеля усваивается только тогда, когда с терпением выслушивается то, о чем говорят. Да и между различными мерами небесного благочиния, которыми дастся правильное направление учению, ведущему к достижению Божественных наград упования и веры нашей, я не нахожу, возлюбленнейшие братья, ничего столь важного и полезного для жизни, столь необходимого для снискания славы, как требование — чтобы мы с благоговением и преданностью, опираясь на повиновение Господним заповедям, преимущественно со всяким тщанием хранили терпение. О нем заботились и философы, как они сами признаются в этом. Только их терпение так же было ложно, как была ложна их мудрость. Ибо как мог быть мудрым и терпеливым тот, кто не имел понятия ни о мудрости, ни о терпении Божиим? Тем более, что Сам Бог о тех, которые почитают себя в этом мире мудрыми, делает следующее замечание: *погублю премудрость премудрых, и разум разумных сокрою* (Ис. 29,14). Божественный апостол Павел, исполненный Духа Святого, посланный для призвания и научения язычников, также говорит в наше наставление: *блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе: яко в Том живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2,8–9). И в другом месте: *никтоже себе да прельщает! Аще кто мнится мудр быти в вас в веще сем, буй да бывает, яко да премудр будет. Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть, писано бо есть: запинаяй премудрость в коварстве их* (1 Кор. 3,18–19). И еще: *Господь весть помышления человеческая, яко суть суетна* (Пс. 93,11). Таким образом, если нет там истинной мудрости, то не может быть там истинного терпения. Если мудрый есть вместе смирен и кроток, — а мы не видим философов ни смиренными, ни кроткими, напротив всегда много мечтающими о себе, и потому самому, что много они думают о себе, неугодными Богу: то явно, что нет истинного терпения там, где существует непомерная дерзость притворной свободы и безответное тщеславие хвастливого и полуоткрытого сердца.

Что касается до нас, возлюбленнейшие братья, то мы, будучи философами не на словах, а на деле, ценя премудрость не по одежде, но по истине, — мы, которые сознание добродетелей ставим выше тщеславия, — говорим немного, но живем как слуги и почитатели Бога, — мы должны в духовном повиновении проявлять то терпение, которому научаемся из Божественных наставлений. Эта добродетель у нас обща с Богом; от Него терпение начинается; от Него слава и достоинство терпения получают свое происхождение. Начало и величие терпения от Бога. Человек должен любить то, что любезно Богу и величие Божие предлагает ему то благо, которое само любит. Если же Бог Владыка и Отец наш, то будем подражать терпению Владыки и вместе Отца, потому что как слуги должны быть покорны, так и детям неприлично быть выродками. А какво и как велико терпение в Боге! Допуская с необыкновенным долготерпением существование языческих храмов, построенных людьми в поношение Его величия и славы, допуская земные вымыслы и святотатственные жертвоприношения, Он возводит день, и сияет солнце одинаково как для добрых, так и для злых, и — когда орошает дождями землю, никто не исключается из Его благоденствий, так что дожди безразлично изливаются сколько для праведных, столько же и для неправедных. При всегдашнем одинаковом ровном долготерпении Его, мы видим, что, по Его мановению, злым и добрым, благочестивым и нечестивым, благодарным и

неблагодарным повинуются времена, служат стихии, дуют ветры, текут источники, тучнеют жатвы, созревают виноградные кисти, преизобилуют плодами сады, зеленеют рощи, цветут луга. И, несмотря на то, что огорчают Бога частыми, или лучше постоянными оскорблениями, Он умеряет Свое негодование и долготерпеливо ожидает однажды предопределенного для воздаяния. Имея полную власть сотворить отмщение, Он лучше желает продолжить терпение, то есть милостиво долготерпит и отлагает на другое время, чтобы, если можно, слишком далеко простертая злоба могла, наконец, измениться, и чтобы человек, зараженный пороками и злодеяниями, хотя поздно обратился к Богу, как он Сам напоминает о том, говоря: *не хочу смерти грешника умирающего..., но еже обратится ему... и жити* (Иез. 18,32). И еще: *Обратитесь к Господу Богу вашему, яко милостив и щедр есть, долготерпелив и многомилостив и раскаяваясь о злобах* (Иоил. 2,13). Божественный апостол Павел, имея в памяти эти слова о призывании грешника к покаянию, обращается к нему со следующими словами: *или о богатстве благодати Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благодать Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу собиравши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия, Ижв воздаст коемуждо по делом его* (Рим. 2,4–6). Назван суд Божий праведным, потому что он поздний, потому что надолго и много раз откладывается, чтобы долготерпение Божие послужило человеку к жизни: наказание постигает нечестивого и грешника только тогда, когда раскаяние не может уже принести никакой пользы согрешающему.

Для более полного вразумления нашего, возлюбленнейшие братья, в том, что терпение есть дело Божие и что каждый кроткий, терпеливый и смиренный подражает Богу Отцу, Сам Господь, когда давал спасительные заповеди и, изрекая Божественные наставления, вел учеников к совершенству, утвердительно сказал в Своем Евангелии: *слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша... и молитесь за творящих вам напасть,... яко да будете сыново Отца вашего, Иже есть на небесех, яко солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя. Аще бо любите любящих вас, кую мзду имате? не и мытари ли тожде творят? И аще целуете други каша токмо, что лишше творите? не и язычницы ли такожде творят? Будите убо вы совершенни, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5,43–48). Таким образом чада Божий, по словам Господа, становятся совершенными и, восстановленные рождением небесным, по Его же указанию и учению достигают зрелости, если терпение Бога Отца пребывает в вас и если подобие Божие, утраченное Адамом чрез грех, открывается и проявляется в делах наших. Какова слава соделаться подобным Богу! Каково и сколько велико счастье — иметь такие добродетели, которые могут равняться с Божественными достоинствами! И этому — возлюбленнейшие братья, не словами только учил, но все исполнял самим делом Иисус Христос, Бог и Господь наш. Пришедши для того, как Сам говорил, чтобы исполнить волю Отца, Он в числе других, достойных удивления, добродетелей Своих, в которых выразилось Божественное Его величие, с постоянною терпеливостью проявлял Отчее терпение. Все действия Его от самой минуты рождения сопровождаются терпением. Первое всего, нисходя с небесных высот на землю, Сын Божий не пренебрегает облечься в плоть человеческую — и Сам безгрешный не гнушается понести грехи других. Потом, отложивши бессмертие, Он благоизволяет соделаться смертным, чтобы, будучи невинным, умереть для спасения виновных. Господь приемлет крещение от раба и, имеющий даровать отпущение грехов, Сам не гнушается омыть тело в купели возрождения (Мф. 3,15). Сорок дней постится Тот, Кто насыщает других, алчет и чувствует голод, чтобы чувствовавшие голод слова и благодати напитались небесным хлебом. Вступает в борьбу с искусителем диаволом и, довольствуясь только показанием победы над врагом, противоборствует ему одними словами (Мф. 4,2). Он не показывает Своего

господства над учениками, как над рабами, но, будучи благосклонным и кротким, возлюбил их братскою любовью; Он благоволил даже умыть ноги апостолам, чтобы примером Своим научить, каков должен быть раб к равным себе, когда Владыка явился таковым в отношении к рабам Своим (Ин. 13,5). И нет ничего удивительного, что вел Себя так с послушными Ему Тот, Кто, по Своему долготерпению, до последней крайности терпел при Себе Иуду, вкушал вместе с недругом пищу, знал домашнего Своего врага и, однако ж, не объявлял его, не отвергнул лобзания предателя (Мф. 26,25). А какое благодушие и какое терпение в снисхождении к Иудеям? Их — неверных — Он убеждением склоняет к вере, неблагодарным оказывает услужливость, — отвечает кротко прекословящим, милостиво терпит гордых, снисходительно уступает преследователям, — до последнего даже часа крестных страданий желает обратить убийц пророков, постоянно противящихся Богу. Во время самых страданий и крестоношения, прежде чем настало бесчеловечное убийство и пролитие крови, сколько поносных ругательств терпеливо выслушано Им, сколько перенесено оскорбительных насмешек? Подвергается заплевываниям ругателей Тот, Который незадолго пред тем плюновением Своим отверз очи слепому; Чье имя, для слуг Его, служит теперь бичом на диавола с его аггелами, Сам испытывает бичевания — увенчивается тернием Венчающий мучеников неувядаемыми цветами; поражается дланями (palmis) в лицо Вручающий победителям истинные победные ветви (palmas) [Palma значит ладонь и пальмовая победная ветвь. Здесь, очевидно, игра словами]; совлекается земной одежды Одевающий других одеждою бессмертия; напивается желчью даровавший нам небесный хлеб в пищу, — напоевается оцтом Предложивший нам для питья спасительную чашу (Ин. 19,6; Мф. 27. 29). Он, неповинный и праведный, даже более — Суцая невинность и правда, вменяется с беззаконными; истина подавляется ложными свидетельствами; судится Тот, Который Сам имеет сотворить суд; Слово Божие безмолвно ведется на заклятие. И в то время, когда из—за креста Господа приходят в беспорядок небесные светила, когда трясется земля, день заменяется ночью, солнце скрывает лучи и взоры свои, чтобы не быть вынуждену зреть злодеяние Иудеев, Он безмолвствует, не возмущается и при самом даже страдании не высказывает своего величия; до самого конца непрерывно и неослабно претерпевается все, чтобы во Христе вполне и совершеннейшим образом выявилось терпение. И после всего этого Он готов принять самых убийц Своих, если бы только они обратились к Нему: исполненный благоволительного терпения и благодушный ко спасению всех. Он ни для кого не заключает Церкви Своей; — самых противников Своих, богохульников, всегдашних врагов имени Своего удостаивает не только прощения, но и награды в Небесном Царстве, если только они покаются в преступлении, если сознают содеянное злодеяние? Какое терпение, какое благоснисхождение может быть больше? Кровию Христовою оживотворяется даже проливший Кровь Христову. Таково и столь велико Христово терпение; и если бы оно таковым не было, Церковь не имела бы и апостола Павла. Потому, если и мы, возлюбленнейшие братья, во Христе есмы и облакаемся в Него; если Он есть путь нашего спасения; — то, следуя за Христом по спасительным стезям, будем подражать и добродетелям Христовым, как научает тому св. апостол Иоанн, говоря: *глаголай в Нем пребывати, должен есть, якоже Он ходил есть, и сей такожде да ходит* (1 Ин. 2,6). Также апостол Петр говорит в своем Послании: *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его: Иже греха не сотвори, ни обретеся леств во устех Его: Иже укоряемь, противу не укаряше, стражда не прецаше: предаше же Себе судящему Его не праведно* (1 Пет. 2,21–23).

Наконец, известно нам, что патриархи, пророки и все святые, которые преобразовательно носили образ Христа, при похвале за свои добродетели особенно дорожили похвалою за то, что с твердым и постоянным спокойствием духа хранили терпение. Так, Авель, первый предначинающий и освящающий мученичество и страдания праведных людей, не

сопротивляется, не противоборствует убийце брату, но кроткий и смиренный с терпением принимает смерть (Быт. 4). Так верующий Богу Авраам, первый полагающий начало и основание веры, искушаемый в сыне, не впадает в сомнение, не медлит, но с полным и благодушным терпением повинуется повелениям Божиим (Быт. 21). И Исаак, предъизобразивший жертвоприношение Господа, является терпеливым, когда отец возлагает его на жертвенник для заклания (Быт. 18 и 33). Иаков, прогнанный братом, терпеливо уходит из земли своей и потом с сугубым терпением, покорною просьбою и миротворными дарами примиряет с собою питающего к себе сильную злобу своего преследователя (Быт. 33). Иосиф, проданный и отверженный братьями, не только терпеливо прощает им, но и еще, когда они пришли к нему, щедро и милостиво наделяет их безмездно пшеницею (Быт. 45). Моисея часто презирает неблагодарный и вероломный парод, едва не побивает камнями, между тем он — кроткий и терпеливый, о нем же ходатайствует пред Богом (Исх. 32). А какое великое, достойное удивления и чисто христианское терпение у Давида, родоначальника Христова по плоти! Часто имел он возможность убить царя Саула, который преследовал и желал убить его; однако ж, несмотря на все это, когда тот сам попадался и когда его выдавали, он лучше желал спасти его, и не только не отплатил врагу злом за зло, но еще и отметил за смерть его (2 Цар. 20). Наконец, все убиенные пророки, все мученики, знаменитые славною смертию, достигли венцов небесных чрез терпение; потому что и нельзя получить венец за болезни и страдания, если болезни и страданиям не предшествует терпение. Но чтобы яснее и лучше выразуметь, возлюбленнейшие братья, как полезно и необходимо терпение, нужно помышлять о том приговоре Божиим, который, при самом начале мира и человеческого рода, произнесен над Адамом, забывшим заповедь и преступившим закон; тогда познаем, как мы должны быть терпеливы в этой жизни, мы, которые на то и рождаемся, чтобы терпеть скорби и страдания. Сказано: *яко послушал еси гласа жены твоя и ял еси от древа, егоже заповедах тебе сего единого не ясти, от него ял еси; проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего; терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сольную; в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от неяже взят еси: яко земля еси, и в землю отъидеши* (Быт. 3,17–19). Все мы подчинены этому приговору, доколе, чрез смерть, не отойдем из этого века. В печали и стенании мы должны проводить все дни жизни своей; в поте и труде нам нужно есть хлеб. Отсюда — каждый из нас, рождаясь и вступая в этот мир, начинает слезами и, ничего еще не ведая при самом рождении; умеет только плакать. Молодая душа, тотчас при появлении своем, по естественному предведению, уже оплакивает бедствия скоропреходящей жизни, плачем и стенанием свидетельствует о тех трудах и тревожностях мира, в которые вступает; потому что нужно проливать пот и трудиться, доколе продолжается здешняя жизнь. Проливающие же лот и трудящиеся только в терпении скорее всего могут найти себе отраду. Это утешение пригодно и необходимо и для всех, живущих в этом мире, но особенно необходимо для нас, на которых преимущественно направляет свои удары напастующий диавол, для нас, которые, ежедневно стоя на брани, приходим в изнеможение от противоборства с закоренелым и опытным врагом, и которым, по наставлению Господа, кроме различной и постоянной борьбы с искушениями, также в борьбе с гонениями нужно бросать отцовское наследие, попадать в тюрьму, носить цепи, тратить жизнь и, при помощи доблестного терпения, переносить меч, зверей, огонь, кресты и, наконец, все роды мучений и казней, по слову Господа, сказавшего в наше наставление: *сия глаголах вам, да во Мне мир имате; в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16,33). Если же мы, отвергшись мира и диавола, очень часто подвергаемся оскорблениям и вражеским нападениям со стороны мира и диавола, то не тем ли более должны мы дорожить терпением, при помощи и содействии которого можно бы переносить все неприязни! Спасительна заповедь Господа и Учителя: претерпевый, — говорит, — до конца, той спасен

будет (Мф. 10,22); и еще: *аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете. И уразумеете истину, и истина свободит вы* (Ин. 8,31–32).

Нужно, возлюбленной иже братья, со всею терпеливостью и усилием заботиться о том, чтобы мы, получивши право на чаяние истины и свободы, могли стяжать самую истину и свободу, так как то самое, что мы христиане, есть дело веры и надежды; но чтобы вера и надежда могли дать плод свой, для этого необходимо терпение. Мы ищем не настоящей славы, но будущей, как о том напоминает апостол Павел, говоря: упованием бо спасохомся, упование же видимое несть упование; *еже бо видит кто, что и уповаеет? Аще ли егоже не видим, надеемся, терпением ждем* (Рим. 8,24–25). Поэтому ожидание и терпение необходимы для того, чтобы исполнить начатое нами и чтобы, при благоноспешении Божиим, получить то, во что веруем и чего надеемся. Наконец, в другом месте тот же апостол, научая людей праведных и милосердых, которые, отдавая имущество для приращения Богу, скрывают себе сокровища на небе, чтобы и они также были терпеливы, говорит в научение: *тем же убо доидеже время имамы, да делаем благо ко всем, паче же к присным в вере. Доброе же творяще да не стужаем си, во время бо свое пожнем* (Гал. 6,10 и 9). Увещевает, чтобы кто-либо не ослабел в благотворительности по недостатку терпения, чтобы кто-либо, увлеченный, или побежденный искушениями, не остановился на половине поприща хвалы и славы, и чтобы таким образом, когда начатое перестанет быть совершенным, не погубило прошедшее, по Писанию: *правда праведника не избавит его, в оньже день прельстится* (Иез. 33,12). И еще: *держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего* (Апок. 3,11). В этих словах содержится увещание — сохранять терпение и мужество, чтобы при помощи неослабного терпения мог увенчаться тот, кто в доблестном стремлении своем стал уже близок к венцу.

Терпение, возлюбленнейшие братья, не только хранит доброе, но и предотвращает злое: благоугождая Духу Святому и прилепляясь к небесному и Божественному, оно, укрепленное своими доблестями, отражает дела плоти и тела, которыми преобладавая и увлекается душа. Из многого обратим внимание на немного, чтобы из немногого уразуметь и прочее. Прелюбоддеяние, ложь, человекоубийство — суть смертные грехи. Но пусть будет в сердце мужественное и неослабное терпение; тогда ни освященное тело — храм Божий — не осквернится прелюбоддеянием, ни преданная правде невинность не заразится ложью, ни рука, после принесения Евхаристии, не осквернится мечом и кровью. Любовь есть союз братства, основание мира, крепость и утверждение единства: она больше веры и надежды, она предшествует благотворению и мученичеству, она вечно пребудет вместе с нами у Бога Царстве Небесном. Отними у нее терпение, и она, как разоренная, перестанет существовать. Отними у нее способность переносить и претерпевать, и она останется без корней и сил. Апостол, говоря о любви, соединил с нею переносчивость и терпимость. *Любы, — говорит он, — долготерпит, милосердствует, любы не завидит, не превозносится... не раздражается, не мыслит зла...; вся любит, всему веру емлет, вся уповаеет, вся терпит* (1 Кор. 13,4–7). Таким образом он показывает, что любовь может пребывать неизменно твердою, потому что умеет переносить все. И в другом месте: *терпят, — говорит, — друг друга любовию, тщащися блюсти единение духа в союзе мира* (Еф. 4,2–3). Этим подтвердил, что ни единение, ни мир не могут существовать, если братья не будут подкреплять друг друга взаимно снисходительностью и если, при участии терпения, не будут поддерживать союза согласия. Притом же, будучи не тверды в терпеливости и перепосчивости, мог ли бы ты не клясться, не злословить, не требовать обратно похищенного у тебя, подставлять бийце другую щеку, когда получил от него пощечину, прощать своему брату, согрешающему против тебя, не только семьдесят раз седмицею, но и вес его прегрешения? Мы знаем, что Стефан так именно сделал, когда, насильственно побиваемый от Иудеев камнями, просил не отмщения за себя, но прощения убийцам. Он говорил: Господи, не постави им греха

сего (Деян. 7,60). Таков действительно должен был быть первый Христов мученик, потому что он, предвзя славную смертью последующих мучеников, был не только проповедником страдания Господа, но и подражателем Его, исполненным величайшего терпения, кротости. Что сказать о гневе, о раздоре, о притворстве, которых не должно быть в христианине? Пусть будет в сердце терпение, и они не могут иметь в нем места, — а если бы они и попытались взойти в него, то немедленно убегают, не находя там для себя пристанища, так что остается мирным то жилище в сердце, в котором благоугодно обитать Богу. Наконец, апостол увещевая говорит в наше поучение: *не оскорбляйте Духа Святаго Божия, имже знаменаетея в день избавления. Всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас* (Еф. 4,30–31). Так, христианин, освободившись от ярости и распри плотской, как от волнений мира, и начавши спокойно и мирно пребывать в пристани Христовой, не должен допускать в сердце ни гнева, ни несогласия; — ему не позволительно ни воздавать злом за зло, ни ненавидеть.

Терпение также необходимо при различных повреждениях плоти и при частых и жестоких болезнях тела, которыми ежедневно поражается и страдает род человеческий. Ибо, так как вследствие первого преступления заповеди, погибла, вместе с бессмертием, крепость телесная, и вместе со смертью явилась слабость, и крепость может быть возвращена не иначе, как только с возвращением бессмертия; то необходимо стало бороться с этим бессилием и слабостью, а борьба эта может поддерживаться единственно только терпением. Для нашего также искушения и испытания насылаются различные скорби, и качество искушений бывает многообразно, каковыуцерб в имуществе, жестокие лихорадки, страдание от ран, потеря дорогих сердцу. Праведные же тем особенно и отличаются от нечестивых, что нечестивый вследствие нетерпения жалуется и богохульствует в несчастиях, а праведный терпением снискивает похвалу, как написано: *е болезни будь великодушен, и в унижении своем долготерпи: як во огни искушается злато и сребро* (Сир. 2,4), Так был искушаем и испытываем Иов — и добродетелию терпения он достиг высочайшей похвалы. Сколько стрел было пущено в него диаволом? Сколько употреблено было пыток? Он поражается потерю имущества, у него отнимается многочисленное семейство; господин, богатый по имуществу, и еще более — отец, богатый в детях, он вдруг перестает быть и господином и Отцом: весь покрывается ранами, да еще и ненасытные черви точат гниющие и распадающиеся суставы его. И чтобы не осталось ничего, чего бы Иов не потерпел в своих испытаниях, диавол вооружает против него и жену. употребивший в дело древний прием своего непотребства, как будто и можно ему соблазнить и обольстить всех чрез жену, как это и сделал при начале мира; и однако ж Иов, пораженный тяжкими и частыми нападениями, не изнемогает до того, чтобы, несмотря на бедствия и скорби свои, с помощью победоносного терпения не благословлять вслух Бога (Иов. гл. 1 и 2). Точно так же Товия, вслед за славными подвигами правды и милосердия своего, искушенный лишением зрения, сколь терпеливо перенес слепоту, столь же великую заслужил и похвалу у Бога за терпение (Тов. 2).

Но чтобы еще очевиднее было для нас благо терпения, размыслим, возлюбленнейшие братья, о том, сколько зла причиняет недостаток терпения. Ибо как терпение есть благо Христово, так, напротив, нетерпение есть зло диавола, и как тот, в ком живет и обитает Христос, является терпеливым, так, напротив, всегда бывает нетерпелив тот, чьим умом владеет непотребство диавола. Обратим внимание на самое начало. Диавол не стерпел того, что человек создан по образу Божию; вследствие чего и сам первый погиб и (его) погубил. Адам, который по нетерпению не мог воздержаться от смертной яди, вопреки Божественной заповеди, подвергся смерти и, не имея стражем терпения, не соблюл полученной свыше благодати. Каин убил брата потому, что не стерпел жертвоприношения его и дара; Исав, не преодолевший страсти к чечевице, потерял свое первородство и ниспал с высоты долу. Что еще? Вероломный при всех

благоденствиях Божиих и неблагодарный иудейский народ не потому ли в первый раз отпал от Бога, что имел порок нетерпения? Не могли снести продолжительности собеседования Моисеева с Богом, он дерзнул требовать себе языческих богов, чтобы наименовать вожжами в своем путешествии воловью голову и земного идола! У этого народа и всегда было подобное нетерпение, так что, постоянно нетерпеливый к Божественному научению и увещанию, он от убийства своих пророков и праведников дошел ли распятия на кресте и пролития Крови Господа. Нетерпение производит также еретиков в Церкви, и, по уподоблению Иудеям, побуждением к враждебной и яростной ненависти тех, которые возмущаются против мира и любви Христовой. Долго было бы перечислять частности: вообще все, что терпение делами своими созидает к славе, нетерпение низвергает к гибели. Почему, возлюбленнейшие братья, тщательно исследовавши и блага терпения и зло от нетерпения, со всяким тщанием будем хранить терпение, посредством которого пребываем во Христе, чтобы вместе с Ним можно было нам прийти к Богу; будем хранить терпение, которое, как многообъемлющее и многообразное, не заключается в тесных границах и не ограничивается малыми пределами.

Так, далеко простирается добродетель терпения; обильное и плодотворное, оно хотя берет начало из одного источника, — но избытку жил развивается по многим путям, ведущим к славе, так что ни одним из наших действий мы не можем заслужить совершенной похвалы, если оно не получит отсюда твердости совершения. Терпение и делает нас угодными Богу и сохраняет пае для Бога. Оно умеряет гнев, обуздывает язык, управляет умом, хранит мир, поддерживает благочестие, укрощает порыв похоти, смягчает силу гнева, погашает пламень злобы, останавливает насилие богачей, одушевляет бедного в нищете, хранит блаженную непорочность в девах, — многотрудную чистоту во вдовах, — взаимную любовь между соединенными узами брака. Оно смиряет в счастьях, укрепляет в несчастиях, соделывает кроткими при обидах и поношениях. Оно учит скоро прощать согрешающим, много и долго умолять, если сам согрешаешь. Оно побеждает искушения, переносит преследования, совершает страдания и мученичества. Оно прочно утверждает основания нашей веры, — высоко поднимает ростки надежды. Оно дает направления нашему шествию, так, чтобы, идя по стезям терпения Христова, мы могли держаться и пути Христова. Оно соделывает то, что, подражая терпению Отца, мы неизменно пребываем чадами Божиими.

Между тем я знаю, возлюбленнейшие братья, что очень многие, или по тяжести жестоких обид, или по ожесточению па тех, которые обижают их и жестоко поступают с ними, желают немедленного отмщения. Почему в конце нашей речи нельзя не высказать того, что, при этих смутах волнующегося мира, нам, подверженным преследованию со стороны как Иудеев, так язычников и еретиков, надлежит терпеливо ожидать дня отмщения и поспешною жалобой не ускорять возмездия, тем более, что в Писании сказано: *потерпи Мене, глаголет Господь, в день воскресения Моего во Свидетельство; зане суд Мой в сонмища языков, еже прияти царей, еже изляти на ня гнев Мой* (Соф. 3,8). Господь повелевает нам потерпеть и с мужественным терпением ожидать дня будущего отмщения. Он же говорит в Апокалипсисе: *не запечатлей словес пророчеству книги сея; яко время близ есть. Обидяй да обидит еще; и скверный да осквернится еще; и праведный правду да творит еще; и святой да святится еще. И се, гряду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати коемуждо по делом его* (Апок. 22,10–12). Таким же образом и мученикам, вопиющим и с явною скорбию требующим немедленного отмщения, повелевается ожидать и терпеть, доколе скончаются времена и исполнится число мучеников. И егда, сказано, *отверзе пятую печать, видех под олтарем души избитых за слово Божие и за свидетельство, еже имеяху. И возопиша гласом великим, глаголюще: доколе, Владыко святой и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей от живущих на земли? И даны быта коемуждо их ризы белы, и речено бысть им, да починут еще время мало, дондеже скончаются и клеветы*

их и братья их, и муций избиени быти, якоже и тии (Апок. 6,9–11). О наступлении же Божественного отмщения за кровь праведных Дух Святой объявляет чрез Малахию пророка, говоря: *се, день (Господень) грядет горящ, яко пещь... и будут еси иноплеменницы и еси творящий беззаконная яко стеблие, и возжжет я день Господень грядый, глаголет Господь* (Мал. 4,1). То же самое читаем в псалмах, где предвозвещается пришествие Судии Господа, прославляемое величием суда Его: *Бог яве приидет, Бог наш, и не промолчит; огонь пред Ним возгорится, и окрест Его буря зелна. Призовет небо свыше, и землю, разсудити люди Своя. Соберите Ему преподобныя Его, завещающий завет Его о жертвах. И возвестят небеса правду Его, яко Бог Судия есть* (Пс. 49,3–6). И Исаия тоже предсказывает, говоря: *се бо, Господь, яко огонь, приидет, и яко буря колесницы Его, воздати яростию отмщение... Огнем бо Господним судитися будут и мечем Его уязвятся* (Ис. 66,15–16). И еще: *Господь Бог Сам изыдет, и сокрушит рать, воздвигнет рвение, и возопиет на враги Своя со крепостию. Молчах, еда и всегда умолчу?* (Ис. 42,13–14). Кто же это, который говорит, что прежде он молчал, но не всегда молчать будет? Это Тот, Который *яко овча на заколение ведесе, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст Своих* (Ис. 53,7); это Тот, Который *не возопиет... ниже услышится вне глас Его* (Ис. 42,2). Это Тот, Который не противился, не противоглаголал, когда вдал плещи Свои на раны и ланиты Свои на заушения, лица же Своего не отвратил от студа заплеваний (Ис. 50,5–6); это Тот, Который ничего не отвечал, когда Его судили священники и старцы, и Который, к удивлению Пилата, хранил самое терпеливое молчание. Да, это Он, Который, сохранивши молчание при страдании, не умолчит потом при отмщении. Это Бог наш, то есть не всех, но Бог верных и верующих, Который не умолчит, когда открыто придет во второй раз; потому что, будучи прежде сокровенным в унижении, Он открыто придет в могуществе. Его, Судию и Отмстителя своего. Который одинаково имеет отметить как за людей Церкви Своего так и за всех от начала мира праведников, Его—то будем ожидать, возлюбленнейшие братья. Кто слишком желает отмщения за себя, пусть помыслит, что не отмщен еще Тот, Кто творит отмщение. Бог Отец повелел чтить Своего Сына, и апостол Павел, помня Божественную заповедь, излагает это следующим образом: *Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякого имене; да о имене Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних* (Флп. 2,9). И в Апокалипсисе Ангел Господень остановил Иоанна, когда тот хотел воздать ему Божеское поклонение, говоря: *виждь, ни (не делай сего), клевет бо твой есмь и братии твоя Богу поклонися* (Апок. 22,9). Вот каков Господь Иисус! и каково же Его терпение, когда Он, поклоняемый на небесах, еще не отмщевается на земле. Его терпение, возлюбленнейшие братья, будем иметь в виду при напастях и страстях своих. Его пришествия будем ожидать с полною покорностию. И не будем, по нечестивой и бесстыдной поспешности, настаивать на том, чтобы нам — рабам получить защиту прежде своего Владыки. Лучше будем непоколебимы и прилежны к трудам, неослабно бдительны и, твердо пребывая во всяком терпении, будем соблюдать Божественные заповеди, чтобы, когда наступит определенный день гнева и мщения, получить нам не наказание вместе с нечестивыми и грешниками, но — прославление вместе с праведными и боящимися Бога.

Книга о единстве Церкви

Когда Господь говорит в научение наше: *вы есте соль земли* (Мф. 5:13), когда Он заповедует нам при незлобии быть простыми и с простотою соединять мудрость (Мф. 10:16), то не приличнее ли всего нам, возлюбленнейшие братья, предусматривать козни лукавого врага, с сердечной заботливостью и бдительностью предузнавать и избегать их, чтобы, облекшись в Христа — Премудрость Бога Отца, мы не оказались неразумными в охранении своего спасения? Так, должно бояться не того только гонения, которое открытым нападением усиливается поразить и низвергнуть рабов Божиих: там легче уберечься, где очевидна опасность, и дух заранее настраивается к битве, когда неприятель объявляет о себе; гораздо более должно бояться и остерегаться врага в том случае, когда он тайно подкрадывается, когда, обольщая образом мира, неприметно скрытыми проходами подползает, отчего и получил название «ползуна», или змия. Таково всегдашнее его лукавство! Таково скрытое и хитрое притворство его в обольщении людей! Так он обольстил в самом начале мира, возбудив ласкательно—лживыми словами неосторожное легкоеверие в простых душах! Пытался он также искусить и самого Господа и для того подошел тайно, чтобы нечаянно напасть и обольстить; однако был узнан и отражен, а отражен потому, что был познан и открыт. В этом дан нам пример — избегать пути ветхого человека и неуклонно идти по стопам Христа—Живодавца, чтобы нам снова по неосторожности не впасть в сеть смерти, но чтобы предусмотрением опасности достигнуть получения бессмертия. Но как же нам достигнуть получения бессмертия, если мы не сохраним велений Христовых, которыми поражается и побеждается смерть? Господь в научение говорит: *аще ли хочещи внити в живот, соблюди заповеди* (Мф. 19:17); и опять: *аще творите, елика Аз заповедую вам: не ктому вас глаголю рабы, но и други* (Ин. 15:14–15). Он таковых называет еще мужественными и стойкими, основанными на крепком тяжеловесном камне, огражденными непоколебимым и нерушимым оплотом против всех бурь и волнений века: *всяк, — говорит Он, — иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени; и сниде дождь и приидо—ша реки и возвеша ветры и нападоша на храмину ту: и не падеся, основана бо бе на камени* (Мф. 7:24–25). Итак, мы должны держаться слов Его; должны учиться тому и делать то, чему Он учил и что делал. Да и как назовет себя верующим во Христа тот, кто не исполняет заповеданного Христом? Или как достигнет награды веры тот, кто не хочет сохранить веры в заповеди? По необходимости он будет колебаться, вляяться и, увлеченный духом заблуждения, носиться как прах, возметаемый ветром: не держась истины спасительного пути, он не достигнет спасения.

Надобно остерегаться, возлюбленнейшие братья, обмана не только явного и очевидного, но и такого, который прикрыт тонким лукавством и хитростью. А после того, как враг обнаружен и низвержен пришествием Христовым, в котором пришел свет для языков и воссияло спасительное светило для счастья людей, так что глубже стали слышать духовную благодать, слепые открыли очи свои к Богу, немощные получили вечное исцеление, хромые спешно потекли в церковь, немые стали громко произносить свои молитвы; после того как он увидел идолов оставленными, жилища свои и капища, по причине множества уверовавших, опустевшими, — в чем заключается больше тонкого лукавства и хитрости, как не в выдумке врагом нового обмана: самым именем христианина обольщать неосторожных? Он изобрел ереси и расколы, чтобы ниспровергнуть веру, извратить истину, расторгнуть единство. Кого ослеплением не может удержать на ветхом пути, того сводит в заблуждение и обольщает путем новым. Восхищает людей из самой Церкви и, когда они видимо приближались уже к свету и избавлялись от ночи века сего, снова распространяет над ними, не ведомо им, новый мрак, так

что они, не придерживаясь Евангелия и не сохраняя закона, называют, однако же, себя христианами и, блуждая во тьме, думают, будто ходят во свете. Таковы лживые козни врага, который, по слову апостола, *преобразуется во ангела света* (2 Кор. 11:14) и своим служителям дает вид служителей правды. Между тем как они возвещают ночь вместо дня, гибель вместо спасения, отчаяние под покровом надежды, вероломство под предлогом веры, антихриста под именем Христа и, прикрывая ложь правдоподобием, тонкой хитростью уничтожают истину.

Это бывает оттого, возлюбленнейшие братья, что не обращаются к началу истины, не ищут главы, не сохраняют учения небесного Учителя. Тут нет надобности в пространных рассуждениях и доказательствах: стоит только вникнуть в дело и исследовать его, тогда легко удостовериться в том и кратким изложением истины. Господь говорит Петру: *Аз тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей. И дам ти ключи царства небесного: и еже аще свяжеш на земли, будет связано на небесех; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех* (Мф. 16:18–19). И опять Он говорит ему же по воскресении своем: *паци овцы Моя* (Ин. 21:16). Таким образом основывает Церковь Свою на одном. И хотя по воскресении своем Он наделяет равной властью всех апостолов, говоря: *Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы... Примите Дух Свят: имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся* (Ин. 20:21–23); однако, чтобы показать единство [Церкви], Ему угодно было с одного же и предначать это единство. Конечно, и прочие апостолы были то же, что и Петр, и — имели равное с ним достоинство и власть; но вначале указывается один, для обозначения единой Церкви. Эту единую Церковь обозначает и Дух Святой в Песни Песней, говоря от лица Господня: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя; едина есть матери своей, избрана, есть родившей ю* (6:8).

Можно ли думать тому, кто не придерживается этого единства Церкви, что он хранит веру? Можно ли надеяться тому, кто противится и поступает наперекор Церкви, что он находится в Церкви, когда блаженный апостол Павел, рассуждая о том же предмете и показывая таинство единства, говорит: *едино тело, един дух, якоже и званн бысте во едином уповании звания вашего; един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог* (Еф. 4:4–6)? Сие—то единство надлежит крепко поддерживать и отстаивать нам, особенно епископам, которые председательствуют в Церкви, дабы показать, что и самое епископство одно и нераздельно. Пусть никто не обманывает братства ложью! Пусть никто не подрывает истины веры вероломной изменой! Епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует. Так же и Церковь одна, хотя, с приращением плодородия, расширяясь, дробится на множество. Ведь и у солнца много лучей, но свет один; много ветвей на дереве, но ствол один, крепко держащийся на корне; много ручьев истекает из одного источника, но хотя разлив, происходящий от обилия вод, и представляет многочисленность, однако при самом истоке все же сохраняется единство. Отдели солнечный луч от его начала — единство не допустит существовать отдельному свету; отломи ветвь от дерева — отломленная потеряет способность расти; разобщи ручей с его источником — разобщенный иссякнет. Равным образом Церковь, озаренная светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои; но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остается неразделенным. По всей земле она распростирает ветви свои, обремененные плодами; обильные потоки ее текут на далекое пространство — при всем том глава остается одна, одно начало, одна мать, богатая изобилием плодотворения.

От нее рождаемся мы, питаемся ее молоком, одушевляемся ее духом. Невеста Христова искажена быть не может: она чиста и нерастленна, знает один дом и целомудренно хранит святость единого ложа. Она блюдет нас для Бога, уготовляет для царства рожденных Ею. Всяк, отделяющийся от Церкви, присоединяется к жене—прелюбодейце и делается чуждым обетованию Церкви; оставляющий Церковь Христову лишает себя наград, предопределенных Христом: он

для нее чужд, непотребен, враг ее. Тот не может уже иметь Отцом Бога, кто не имеет мать Церковь. Находящийся вне Церкви мог бы спастись только в том случае, если бы спасся кто-либо из находившихся вне ковчега Ноева. Господь так говорит в научение наше: *иже несть со Мною, на Мя есть; и иже не собирает со Мною, расточает* (Мф. 12:30). Нарушитель мира и согласия Христова действует против Христа. Собирающий в другом месте, а не в Церкви, расточает Церковь Христову; Господь говорит: *Аз и Отец едино есма* (Ин. 10:30). И опять об Отце, Сыне и Святом Духе написано: *и сии три едино суть* (1 Ин. 5:7). Кто же подумает, что это единство, основывающееся на неизменяемости божественной и соединенное с небесными таинствами, может быть нарушено в Церкви и раздроблено разногласием противоборствующих желаний? Нет, не хранящий такового единства не соблюдает закона Божия, не хранит веры в Отца и Сына, не держится истинного пути к спасению.

Это таинство единства, этот союз неразрывного согласия обозначается в сказании евангельском о хитоне Господа Иисуса Христа. Хитон не был разделен и разодран, но достался целостно одному, кому выпал по жребию, и поступил в обладание неиспорченным и неразделенным. Божественное Писание говорит о том следующее: *бе хитон не швен, свыше исткан весь: реша же к себе: не предерем его, но метнем жребия о нем, кому будет* (Ин. 19:23–24). Он имел единство *свыше*, происходящее с неба от Отца, и потому не мог быть разодран теми, кто получил его в обладание; но целостно, раз навсегда, удержал крепкую и неразделимую связь свою. Поэтому не может обладать одеждой Христовой, кто раздирает Церковь Христову. Напротив, когда по смерти Соломона царство и народ его должны были разделиться, то пророк Ахия, встретившись на поле с Иеровоамом — царем, разодрал одежду свою на двенадцать частей и сказал: *приими себе десять жребий, яко тако глаголет Господь: се Аз отторгаю царство из руки Соломони, и дам ти хоругвий десять: и две хоругви будут ему, раба ради моего Давида и Иерусалима ради града, егоже избрах себе на положение имени моему тамо* (3 Цар. 11:31–32; 36). Итак, когда двенадцать колен израильских должны были разделиться, то пророк Ахия раздирает свою одежду. Но как народ Христов разделяться не должен, то хитон Христов, связно сотканный повсюду, не был разодран возобладавшими им: нераздельной крепостью своей связи он указывает не неразделимое согласие всех нас, которые облеклись во Христа. Таким образом, таинственным знамением своей одежды Господь предызобразил единство Церкви.

Кто же столь нечестив и вероломен, кто настолько заражен страстью к раздорам, что почитает возможным или дерзает раздирать единство Божие — одежду Господню — Церковь Христову? Сам Господь напоминает в своем Евангелии и поучает нас, говоря: *и будет едино стадо и един Пастырь* (Ин. 10:16). Кто же подумает, что в одном месте могут быть или многие Пастыри, или многие стада? Апостол Павел, внушая нам то же самое единство, умоляет и увещевает нас, говоря: *молю вы, братце, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри, да будете же утверждени в том же разумении и в тойже мысли* (1 Кор. 1:10). И в другом месте он говорит: *терпяще друг друга любовь, тщащися блюсти единение духа в союзе мира* (Еф. 4:2–3). А ты думаешь, что можно стоять и жить в удалении от Церкви, устроая себе другие различные жилища? Но Рааве, прообразовавшей Церковь, именно сказано: *отца твоего и мать твою и братию твою и весь дом отца твоего да собереши к себе в дом твой; и будет всяк, иже аще изыдет из дверей дому твоего вон, сам себе повинен будет* (Иис. Нав. 2:18–19). И таинство Пасхи, но закону, выраженному в книге Исхода, тоже требовало, чтобы агнец, закалаемый во образ Христа, снедаем был в одном доме. Бог так говорит: *в дому едином да снесся; не изнесите мяс вон из дому* (Исх. 12:46). Плоть Христова — святыня Господня не может быть износима вон из дому; а для верующих нет другого дома, кроме единой Церкви. Этот дом, эту обитель единомыслия Дух Святой обозначает в псалмах, говоря: *Бог вселяет единомысленные в дом* (Пс. 67:7). Так только единомысленные,

согласные и простосердечные живут и пребывают в доме Божиим, в Церкви Христовой.

Для того также Дух Святой явился в виде голубя. Это простое и кроткое животное, без горькой желчи, не уязвляющее, не терзающее свирепю когтями, любит людские жилища и знает одно только совместное гнездо; во время деторождения пары выводят вместе детей; во время летания не разлучаются друг от друга; проводят жизнь **во** взаимном сожителстве; поцелуями свидетельствуют о своем согласии и мире; во всем наблюдают закон единомыслия. И в Церкви должно быть знаемо такое же простосердечие, должна быть достигаема такая же любовь: братство должно в любви подражать голубям, а в кротости и тишости сравняться с агнцами и овцами. Что производит в сердце христианина зверство волков, бешенство псов, смертоносный яд змей и вообще кровожадную лютость зверей? Надобно радоваться, когда люди, подобные им, отделяются от Церкви, чтобы своей свирепой и ядовитой заразой не погубили голубей и овец Христовых. Не могут быть соединяемы и смешиваемы горечь со сладостью, мрак со светом, ненастье с ведром, война с миром, бесплодие с плодородием, сухость с водяным источником, буря с тишиной.

Пусть никто не думает, будто добрые могут отделиться от Церкви. Ветер не развеивает пшеницы, и буря не исторгает дерева, растущего на твердом корне. Только пустые плевелы уносятся вихрем; только слабые деревья падают от устремления бури. Их—то предаёт проклятию и поражает апостол Иоанн, говоря: *от нас изыдоша, но не беша от нас, аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами* (Ин. 2:19). Ереси происходили и происходят часто оттого, что строптивый ум не имеет в себе мира и посеивающее раздор вероломство не держится единства. Господь, сохраняя свободный наш произвол, допускает быть сему, чтобы, через искушение сердец и мыслей наших состязанием об истине, в ясном свете представилась чистая вера достойных. Об этом предвозвещает Дух Святой через апостола, говоря: *подобает и ересем в вас быти, да искусниц явлени бывають в вас* (1 Кор. 11:19). Так испытываются верные и открываются вероломные; так, ещё прежде дня судного, отлучаются души праведных от неправедных и отделяются плевелы от пшеницы! Отделяются те, которые без божественного распоряжения, самовольно принимают начальство над безрассудными скопищами, без законного посвящения поставляют себя вождями, присваивают себе имя епископа тогда, как никто не даёт им епископства. Дух Святой в псалмах называет их сидящими на седалище губителей (Пс. 1:1), язвой и заразой для веры; людьми, обольщающими посредством змеиных уст, искусными в извращении истины; пагубным языком, изрыгающим смертоносный яд; людьми, которых слово распространяется, как рак (2 Тим. 2:17), и беседа вливает смертную заразу в сердце каждого. Против них вопиет Господь, от них удерживает и отклоняет заблуждающийся народ свой, говоря: *не слушайте словес пророков, иже пророчествуют вам и прелщают вас: видение от сердца своего глаголют, а не от уст Господних. Глаголют отвергающим Мя: мир будет вам и всем, иже ходят в похотех своих, и всякому ходящему в строптивости сердца своего рекоша: не приидут на вас злая. Не глаголах к ним и тии пророчествоваху. И аще бы стали в совете Моем, слышаны сотворили бы словеса Моя и отвратили бы людей Моих от пути их лукавого и от начинаний их лукавых* (Иер. 23:16–17; 21–22). Их же описывает и обозначает Господь, говоря: *Мене оставиша источника воды живы и ископаша себе кладенцы сокрушены, иже не возмогут воды содержати* (Иер. 2:13). Тогда как, кроме одного, не может быть другого крещения, они думают, что могут крестить. Оставивши источник жизни, они обещают благодать животворной и спасительной воды. Там не омываются люди, а только более оскверняются; не очищаются грехи, а только усугубляются. Такое рождение производит чад не Богу, но диаволу. Рожденные от лжи не сподобляются обетованию истины. Порождаемые вероломством погубляют благодать веры. Нарушившие мир Господень неистовым раздором не могут достигнуть награды мира.

Пусть не обольщают себя некоторые словами, сказанными Господом: *идеже еста два или*

трие собраны во имя Мое, *ту есмь посреде их* (Мф. 18:20). Извратители Евангелия и ложные толкователи приводят эти слова, но это слова последующие, а предыдущие они пропускают; напоминая об одной части, а о другой коварно умалчивают; как сами отделились от Церкви, так рассекают и целость одного и того же места. Господь, внушая ученикам своим хранить единомыслие между собою и мир, говорит им: *глаголю вам, яко аще два от вас совещаеа на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, иже на небесех; идеже бо еста два или трие собраны во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18:19–20) — и тем показывает, что многое предоставляется не многочисленности, но единомыслию молящихся. *Аще два от вас совещаеа на земли*, — говорит Он. Таким образом. Господь заповедал сперва единодушие, указал на согласие и научил верно и решительно соглашаться между собою. Как же согласится с кем-либо тот, кто не согласен с телом самой Церкви и со всем братством? Как могут собираться во имя Христово двое или трое, о которых известно, что они отделяются от Христа и от Евангелия Его? Ведь не мы отошли от них, а они от нас. После того как через учреждение ими различных сборищ произошли у них ереси и расколы, они оставили главу и начало истины. А Господь говорит о Своей Церкви, говорит к находящимся в Церкви, что если они будут согласны, если, сообразно с Его напоминанием и наставлением, собравшись двое или трое, единодушно помолются, то, несмотря на то что их только двое или трое, они могут получить просимое от величия Божия. *Идеже еста два или трие собраны во имя Мое, ту есмь посреде их*, т. е., посреде простых и миролюбивых, боящихся Бога и хранящих заповеди Его. Посреде таковых-то Он обещал быть, подобно тому как Он был с тремя отроками в пещи огненной и среди окружавшего их пламени ободрил духом росы, потому что они были преданы Богу и единодушны между собою (Дан. 3:50); подобно тому как Он находился с двумя апостолами, заключенными в темницу, и, так как они были просты и единодушны, открыл для них темничные двери и вывел их оттуда, чтобы они передали народу то слово, которое верно проповедовали (Деян. 5:19). Итак, когда Господь в заповедях Своих полагает и говорит: *идеже еста два или трие собраны во имя Мое, ту есмь посреде их*, то создавший и учредивший Церковь не отделяет людей от Церкви, но, обличая отпадших от веры и увещевая верных к миру, показывает Своими словами, что Он охотнее бывает с двумя или тремя единодушно молящимися, нежели с большим числом разномыслящих, и что более может быть испрошено согласной молитвой немногих, нежели несогласным молением многих. Потому-то и, предписывая закон молитвы. Он присовокупил: *и егда стоите молящеся, отпушайте, аще что имате на кого; да и Отец ваш, иже ест на небесех, отпустит вам согрешения ваша* (Мф. 11:25). Приступающего же к жертвоприношению с враждою на кого-либо Он не допускает к алтарю, но повелевает прежде примириться с братом и тогда уж, возвратившись с миром, принести дар Богу (Мф. 5:23–24). Бог не призрел на жертвы Каина, потому что не мог иметь милостивым к себе Бога тот, кто по зависти и вражде не имел мира с братом.

Какой же мир обещают себе враги братьев? Какие жертвы думают приносить завистники священников? Неужели, собираясь, они думают, что и Христос находится с ними, когда они собираются вне Церкви Христовой? Да хотя бы таковые претерпели и смерть за исповедание имени, — пятно их не омоется и самой кровью. Неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданием. Не может быть мучеником, кто не находится в Церкви; не может достигнуть царства, кто оставляет Церковь, имеющую царствовать. Христос даровал нам мир; Он повелел нам быть согласными и единодушными, заповедал ненарушимо и твердо хранить союз привязанности и любви, и кто не соблюл братской любви, тот не может быть мучеником. Этому учит, это подтверждает апостол Павел, говоря: *аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь; и аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, никоя польза ми ест. Любы долготерпит,*

милосердствует, любви не превозносится, не гордится, не безчинствует, не раздражается, не мыслит зла, вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит; любви николиже отпадает (1 Кор. 13:2–5; 7–8). Любы, — говорит, — николиже отпадает: она навсегда останется в Царстве [Небесном], вечно будет там продолжаться в единстве братского союза. Раздор не может удостоиться Царства Небесного и награды от Христа, Который сказал: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбил вы* (Ин. 15:12). Не будет принадлежать Христу, кто вероломным несогласием нарушил любовь Христову: не имеющий любви и Бога не имеет. Блаженный апостол говорит: *Бог любви есть, и пребывая в любви в Боге пребывает и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4:16). Итак, не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единомышленными в Церкви Божией, хотя бы они, быв преданы, сгорели в пламени и огне или испустили дух свой, будучи брошены на снесь зверям; однако и это не будет для них венцом веры, но будет наказанием за вероломство, не будет славным окончанием благочестивого подвига, но исходом отчаяния. Подобный им может быть умерщвлен, но увенчаться он не может. Да он и христианином называет себя так же ложно, как и диавол часто называет себя ложно Христом, по изречению самого Господа: *мнози приидут во имя Мое, глаголюще, яко Аз есмь [Христос], и мнози прельстят* (Мф. 13:6). Как диавол не есть Христос, хотя и обманывает Его именем, так и христианином не может почитаться тот, кто не пребывает в истине Его Евангелия и веры. Большое, конечно, дело и достойное удивления — пророчествовать, изгонять бесов и производить великие чудеса на земле; но совершающий все это не достигнет Царства Небесного, если не будет идти прямым путем. Господь, возвещая о том, говорит: *мнози рекут Мне в он день: Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас; отъидите от Мене делающий беззаконие* (Мф. 7:22–23). Нужна правда, чтобы удостоиться благоволения у Бога Судии; надобно повиноваться Его заповедям и наставлениям, чтобы заслуги наши награждены были. Господь, показывая сокращенно в Евангелии путь веры и надежды нашей, говорит: *Господь Бог ваш. Господь един есть; и возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего, яко сам себе. В сию обою заповедю весь закон и пророцы висят* (Мф. 12:29–31; 22:37–40). В этом учении Своем Он преподал единство и вместе любовь; в двух заповедях заключил закон и всех пророков. Какое же соблюдает единство, какую любовь хранит или о какой любви помышляет тот, кто, предавшись порывам раздора, рассекает Церковь, разрушает веру, возмущает мир, искореняет любовь, оскверняет таинство? Давно уже, возлюбленнейшие братья, началось это зло; но опустошительное действие этого губительного зла возросло ныне, и ядовитая пагуба еретического развращения и расколов стала более и более выказываться и распространяться. Впрочем, Дух Святой предсказал через апостола и предвозвестил, что так и должно быть при кончине века. *В последния дни, — говорит Он, — настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хулницы, родителем противящийся, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительны, клеветницы, воздержности, некротцы, неблаголюбцы, предатели, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежелли боголюбцы, имущий образ благочестия, силы же его отвергшиися; от сих суть поныряющии в дома и пленяющий женища отягощенныя грехами, водимым похотми различными; всегда учащая и николиже в разум истины прийти могущия. Якоже Ианний и Иамврий противистася Моисею, такоже и сии противятся истине, человецы растленни умом и неискусни о вере. Но не преуспеют более; безумие бо их явлено будет всем, якоже и онех бысть* (2 Тим. 3:1–9).

Предсказанное исполняется, и с приближением кончины века являются уже такие люди и настанут такие времена. При увеличивающейся свирепости врага заблуждение обольщает,

буйство напыщает, зависть воспламеняет, похоть ослепляет, нечестие развращает, гордость надмеваает, несогласие ожесточает, гнев погубляет. Но да не колеблет и не смущает нас крайнее и неожиданное вероломство многих; пусть лучше истина предсказанного укрепит веру нашу. Как некоторые стали таковыми, потому что это было предсказано, так прочие братья пусть остерегаются их, потому что и это также предвозвещено в наставлении Господа: *вы же блюдитесь; се прежде рех вам вся* (Мф. 13:23). Убегайте, молю вас, от таковых людей и, как смертельную заразу, отдаляйте от себя и от слуха вашего пагубные разговоры *их*, по Писанию: *огради уши твои тернием и не слушай языка нечестивого* (Сир. 28:28), потому что *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15:33). Сам Господь научает нас и заповедует нам удаляться от таковых: *вожди суть слепи слепцем*, — говорит Он, — *слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15:14). Должно отвращаться и бегать от всякого, отделившегося от Церкви: *яко развратися таковой и согрешает и есть самоосужден* (Тит. 3:11). Можно ли представить себе, что тот находится со Христом, кто действует против священников Христовых, отделяет себя от общения с Его клиром и народом? Да ведь он вооружается против Церкви, противодействует Божественному домостроительству, он враг алтаря, возмутитель против жертвы Христовой, изменник в отношении веры, в отношении благочестия — святотатец; непокорный раб, сын незаконный, брат неприязненный: презревши епископов и оставивши священников Божиих, он дерзает устраивать другой алтарь, составлять другую молитву из слов непозволительных, ложными жертвоприношениями осквернять истину жертвы Господней и даже не хочет знать, что действующий вопреки Божию чиноположению наказывается за безрассудное дерзновение по усмотрению божественному.

Так, Корей, Дафан и Авирон, восставшие против Моисея и Аарона — священника и покусившиеся присвоить себе право жертвоприношения, тотчас подверглись наказанию за свое покушение: земля, расторгнув связь свою, открыла глубокую бездну и разверзшимся зиянием своим поглотила их стоящих и живых; и не только зачинщиков поразил гнев Божий, но исшедший от Господа огонь не замедлил испепелить в числе двухсот пятидесяти и прочих, соединившихся с ними, участников и споспешников того же безумия (Числ. 16), напоминая и показывая тем, что все покушения, предпринимаемые нечестивыми по своей воле для разорения Божественного чиноположения, делаются против Бога. Так и Озия—царь, когда, взявши в руки кадельницу и вопреки закону Божию присвоив себе право жертвоприношения, не захотел повиноваться и уступить священнику Азарии, возбранявшему ему это, посрамлен был гневом Божиим и поражен проказой на челе, — намечен оскорбленным Богом на той части тела, на которой получают знамение угоджающие Господу (2 Пар. 26). Равно и сыновья Аароновы, возложившие на алтарь огонь чуждый, которого возлагать не повелел Господь, тотчас были сожжены пред лицом Карателя—Бога (Лев. 10). Им—то подражают и последуют те, которые, презрев Божественные заповеди, увлекаются чуждым учением и вводят уставы, постановленные людьми. Господь обличает и укоряет таких людей в Евангелии Своем, говоря: *оставльше заповедь Божию, держите предания человеческая* (Мф. 7:8).

Это преступление хуже того, какое видимо совершили падшие, которые потом, раскаявшись в своем согрешении, умоляют Бога вполне удовлетворительным покаянием. Здесь ищут Церкви и молят ее; там противятся Церкви. Здесь могла довести до беззакония необходимость; там — свободная воля. Здесь падший причинил вред только себе; а там усилившийся произвести ересь или раскол увлек за собою многих обманом. Здесь урон для одной души; там опасность для весьма многих. Этот понимает, что он точно согрешил, плачет о том и сокрушается; а тот, гордый в своем грехе и услаждаясь самыми беззакониями, отлучает сынов от матери, переманивает овец от Пастыря, разрушает таинства Божий, и тогда как падший согрешил однажды, тот грешит ежедневно. Наконец, падший, сподобившийся мученичества, может

сподобиться и обетовании царства; а тот, если претерпит и смерть вне Церкви, не может достигнуть наград Церкви.

Пусть никто не удивляется, возлюбленнейшие братья, что даже некоторые из исповедников доходят до того же и потому столь же нечестиво и тяжко согрешают. Исповедание не освобождает от козней диавола и находящемуся еще в сем мире не доставляет всегдашней защиты от искушений, опасностей, нападений и ударов века. Впрочем, мы никогда не видели впоследствии у исповедников таких обманов, бесчинств и злодеяний, какие у некоторых людей видим ныне, — о чем скорбим и болезнуем. Кто бы ни был исповедник, все же он не выше, не лучше и не богоугоднее Соломона. А Соломон доколе ходил в путях Господних, дотоле обладал и благодатию, полученною от Бога; потом же, когда он оставил путь Господень, тогда утратил и благодать Господню, как написано: *и воздвиже Господь противника на Соломона* (3 Цар. 11:14). И потому в Писании сказано: *держи, еже имаше, да никтоже приимет венца твоего* (Откр. 3:11). Господь не угрожал бы возможностью отнятия венца правды, если бы за потерей правды не следовала по необходимости, и потеря венца. Исповедание есть только приступ к славе, а не достижение уже венца: оно не заканчивает подвига, а только предначинает достоинство. В Писании говорится: *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10:22): следовательно все, что бывает прежде конца, есть только ступень, по которой восходят на верх спасения, а не предел, где достигается уже самая вершина. Он — исповедник; но после исповедания предлежит и большая опасность, потому что тут более раздражен враг. Он — исповедник; поэтому и должен держаться Евангелия Господня тем крепче, что через Евангелие он стяжал славу от Господа. Господь говорит: *всякому, ему же дано будет много, много взыщется от него; и ему же предаша множайше, множайше истяжут от него* (Лк. 12:48). Пусть же никто не погибает через пример исповедников! Пусть никто из поступков исповедника не научается неправде, гордости, вероломству! Он — исповедник; пусть же будет кроток и тих, соображая действия свои с благочинием, пусть будет скромн и, называясь исповедником Христовым, пусть подражает Христу, Которого исповедует. Христос говорит: *иже вознесется, смирится: и смиряяйся вознесется* (Мф. 23:12); да и сам Он превознесен от Отца за то, что, будучи Словом, Силой и Премудростью Бога Отца, смирил Себя на земли (Фил. 2:8–9) — как же может любить надменность Тот, Кто и нам заповедал в законе своем смирение и Сам получил от Отца преславное имя в награду за смирение? Он — исповедник Христов; но только в таком случае, если чрез него не хулится потом величие и достоинство Христово. Язык, исповедавший Христа, не должен быть злоречив и сварлив; не должен произносить злословии и ругательств; не должен после хвалебных слов изрыгать змеиного яда на братьев и священников Божиих. А если исповедник сделается впоследствии порочным и бесчестным; если исповедание свое обесславит поведением, осквернит жизнь свою постыдными делами; если, наконец, оставивши Церковь, в которой сделался исповедником, и расторгнувши союз единства, прежнюю веру заменит последующим вероломством, то таковой из-за исповедничества не может обольщать себя тем, будто он избран для славной награды; напротив, из-за того самого он заслужил тем большее наказание. Господь и Иуду избрал в число апостолов; однако же Иуда предал потом Господа. Впрочем, как вера и твердость апостолов не поколебались оттого, что предатель — Иуда отделился от их сообщества, так и здесь достоинство и святость исповедников не умалились оттого, что некоторые из них сделались вероломны. Блаженный апостол в Послании своем говорит: *что бо, аще не вероваша нецыи? еда неверствие их веру Божию упразднит? Да не будет! Да будет же Бог истинен, всяк же человек ложь* (Рим. 3:3–4). Большая и лучшая часть исповедников твердо стоят в вере и в истине закона и благочиния Господня. Не отступают от мира Церкви те, которые помнят, что в Церкви они получили благодать по Божиюму благоволению; и они тем большую заслуживают похвалу за свою веру, что, удалившись от

вероломства тех, с которыми соединены были общением исповедания, они избежали через то греховной заразы. Просвещенные истинным светом Евангелия, озаренные чистым и ясным сиянием Господним, они — победители дьявола в борьбе с ним — столь же достохвальны и за сохранение мира Христова.

Я желаю, возлюбленнейшие братья, советую и убеждаю, чтобы никто из братьев, если можно, не погибал и чтоб мать, радуясь, заключала в своих объятиях одно тело, составленное из одного согласного народа. Если же спасительный совет не может возвратить на путь спасения некоторых вождей раскола и виновников несогласия, пребывающих в слепом и упорном безумии, то, по крайней мере, вы, уловленные простодушием, или завлеченные обманом, или обольщенные какой-либо ловкой хитростью, — расторгните коварные сети, освободите от заблуждения колеблющиеся стопы ваши, познайте правую стезю небесного пути. Апостол говорит: *повелеваем вам о имени Господа нашего Иисуса Христа отлучатися вам от всякого брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2 Фее. 3:6). И в другом месте: *никтоже вас да летит суетными словесы; сих бо ради грядет гнев Божий на сыны непокорныя: не бывайте убо сопричастницы сим* (Еф. 5:6–7). Дблжно удаляться от намеренно согрешающих, дблжно даже бежать от них, дабы кто-либо, присоединясь к бесчинноходящим и шествуя с ними по путям заблуждения и порока, совратившись с истинного пути, не сделался и сам виновным в том же грехе. Бог один, и один Христос, одна Церковь Его, и вера одна, и один народ, совокупленный в единство тела союзом согласия. Единство не должно дробиться; так же не должно дробиться и одно тело через разрыв связи — не должно разрываться на куски терзанием отторженных внутренностей: все, что только отделилось от жизненного начала, не может с потерей спасительной сущности жить и дышать особой жизнью. Дух Святой, увещевая нас, говорит: *кто есть человек хотяй живот, любяй дни видети благу? удержи язык твой от зла, и устне твои еже не глаголати лъсти; уклонися от зла и сотвори благо; взыщи мира и пожени и* (Пс. 33:13–15). Сын мира должен желать и искать мира; познавший и возлюбивший союз любви должен воздерживать язык свой от злого раздора. Господь, приближаясь уже к страданию, между прочими своими наставлениями и спасительными внушениями преподал и следующее: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14:27). Вот какое наследие даровал нам Христос! В сохранении мира Он заключил все дары и награды Своих обетовании. Итак, если мы наследники Христовы, то должны пребывать в мире Христовом; если мы сыны Божий, то должны быть миротворцами: *блажени, — говорит Он, — миротворцы, яко тии сынове Божий нарекутся* (Мф. 5:9). Сынам Божиим надлежит быть миротворными, кроткими сердцем, простыми в слове, согласными во взаимной расположенности, верно сопряженными друг с другом союзом единодушия. Такое единодушие было когда-то при апостолах: первенствующие христиане, соблюдая наставления Господа, держались взаимной любви. Это подтверждает Божественное Писание, которое говорит: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина* (Деян. 4:32). И в другом месте: *сии вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Марию Материю Иисусовою, и с братиею Его* (Деян. 1:14). Потому-то и молитва их была действительна; потому-то они могли надеяться получить все, чего только просили у милосердного Господа.

А у нас и единодушие оскудело и умалилась щедрость в подаянии. Тогда продавали дома и села и, слагая себе сокровища на небе, получаемую плату отдавали апостолам для раздела неимущим. Мы же не уделяем ныне и десятой части от своих стяжаний, и, когда Господь повелевает продавать их, мы тем более покупаем и приумножаем. Так у нас оскудела сила веры! Так умалилась крепость верующих! И потому-то Господь, предвидя времена наши, говорит в своем Евангелии: *Сын человеческий пришед убо обрящет ли веру на земли* (Лк. 18:8)? Мы видим, что предсказанное Им сбывается. Нет у нас никакой веры ни в страхе Божиим, ни в

законе правды, ни в любви, ни в деле. Никто с боязнью за будущее не помышляет о дне Господнем и гнев Божием; никто не думает о грядущих наказаниях для неверующих и о вечных муках, предназначенных вероломным. Совесть наша страшилась бы этого, если бы тому верила; а как она не верит, то не страшится. Если бы верила, то и остереглась бы; а остерегаясь, избежала бы опасности.

Возбудим же себя, возлюбленнейшие братья, сколько можем и, оттрясши сон прежней лени, будем бодрствовать в соблюдении заповедей Господних. Будем такими, какими повелел нам быть сам Господь, говоря: *да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи; и вы подобии человекам чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут Ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих* (Лк. 12:35–37). Так надлежит нам быть препоясанными, дабы наступивший день развязки не застал нас в затруднении и неготовности. Да просветится и воссияет в добрых делах свет наш, который провел бы нас из ночи века сего к свету вечной славы. Будем ожидать с всегдашней заботливостью и осмотрительностью внезапного пришествия Господа, дабы, когда Он постучится, бодрствовала вера наша в чаянии получить награду от Бога за свое бодрствование. Если мы сохраним эти повеления, соблюдем эти наставления и заповеди, то никак не будем нечаянно застигнуты усыпленными прелестью диавольской и — рабы бодрствующие — станем царствовать с Владыкой Христом.

Киприанъ народу, неуклонно пребывающему въ евангеліи, желаетъ здравія.

Какъ сильно печалюсь я и возмущаюсь въ душе своей въ то время, когда не представляется мне никакого случая писать къ вамъ (потому что не говорить съ вами я считаю потерю для себя): такъ, съ другой стороны, ни что не доставляетъ мне столько удовольствія и не возвращаетъ мне снова благодущія, какъ открывающаяся для этого возможность. Мне кажется, что я нахожусь среди васъ, когда беседую съ вами письменно. Итакъ, хотя вы, какъ я знаю, и сознаете, что это действительно такъ, какъ я говорю, и нисколько не сомневаетесь въ справедливости словъ моихъ; однако, вотъ вамъ и новое доказательство искренности сказаннаго. (Когда не пропускаютъ ни малейшаго случая (къ писанію), то темъ самымъ доказываютъ свою расположенность). Такъ, хотя я уверенъ, что вы столько же строги въ жизни, сколько тверды въ данномъ обете; но потому именно, что находятся льстивые защитники и поблажатели пороковъ, которые отстаиваютъ ихъ и, что еще хуже, изслѣдованіе божественныхъ писаній направляютъ къ защите преступленій, признавая невиннымъ наслажденіе зрелищами, при которыхъ будто имеетъ въ виду успокоеніе души (ибо до того уже ослабела строгость церковнаго благочинія и до того доходитъ зло отъ совершенной поблажки порокамъ, что думаютъ уже не объ извиненіи пороковъ, но о достоинствѣ ихъ), потому именно мне заблагоразсудилось въ настоящій разъ, кратко, не наставленіе преподать вамъ, но напомнить о томъ, чему научены вы, чтобы, по причине худой перевязки ранъ, не прорвались заживленныя язвы. Ибо никакая болезнь не уничтожается съ такимъ трудомъ, какъ та, которой возвратъ легокъ, когда она поддерживается сочувствіемъ толпы и смягчается извиненіемъ.

Не стыдятся люди верные, присвояющіе себе право — именоваться христіанами, не стыдятся, говорю, защищать отъ божественныхъ писаній пустыя, языческія, смешанныя съ представленіями, суеверные обряды, и усвоятъ божественную важность идолослуженію! Въ самомъ деле, когда верные христіане учащаютъ на зрелище, совершаемое язычниками въ честь какого либо идола, то не защищаютъ ли они темъ языческое идолослуженіе и не попираютъ ли безчестно истинную и божественную религію? Я стыжусь приводить извиненія ихъ, по этому поводу, и защищенія. «Где, говорятъ они, написано объ этомъ? Где запрещено? Ведь и Илія представляется возницею Израилевымъ и самъ Давидъ скакалъ предъ ковчегомъ. Также читаемъ о гусяхъ, трубахъ, тимпанахъ, свиреляхъ, арфахъ и хорахъ. Да и Апостоль, ополчая насъ на брань, предлагаетъ противъ духовъ злобы орудія, обыкновенно, употребляемыя борцами; онъ же, когда беретъ примеры отъ ристалищъ, между наградами полагаетъ венцы. Почему же человеку верующему, христіанину, нельзя смотреть на то, о чемъ позволительно было писать въ божественныхъ писаніяхъ? На это я сказалъ бы, что подобнымъ людямъ гораздо лучше вовсе не знать писанія, чѣмъ понимать его такимъ образомъ; потому что выраженіе и примеры, которые представлены для поощренія къ евангельской добродетели, обращаются ими къ защите пороковъ, — тогда, какъ они изложены въ писаніи не для того, чтобы пріохотить къ зрелищамъ, но чтобы чрезъ нихъ душа наша воспламенилась большимъ стремленіемъ къ предметамъ полезнымъ, припоминая подобныя стремленія у язычниковъ къ предметамъ бесполезнымъ. Итакъ сущность доказательства — возбужденіе къ добродетели, а не позволеніе или свобода въ созерцаніи языческихъ пороковъ, — сущность въ томъ, чтобы въ следствіе этого возбужденія душа более пламенела къ евангельской добродетели, имея въ виду божественныя награды, потому—что изъ—за тяжести трудовъ и болезней можно достигнуть вечныхъ выгодъ. А что Илія представляется возницею Израилевымъ, въ этомъ нетъ никакой опоры для посещенія цирковъ; потому что онъ не ристалъ ни въ какомъ цирке. И что Давидъ плясалъ предъ лицемъ Божиимъ,

это нисколько не оправдываетъ верныхъ христіанъ, присутствующихъ въ театре; потому что онъ не употреблялъ при этомъ безстыдныхъ телодвиженій и его пляска не была греческимъ сладострастнымъ танцемъ. Гусли, трубы, свирели и арфы (у Давида) воспевали Бога, а не идола.

Итакъ не предписывается смотреть на непозволенное; а въ непозволенное изменено хитростью діавола святое. Пусть ихъ научить стыдъ, если не можетъ научить священное Писаніе. Писаніе при наученіи даетъ подразумевать кое-что более; щадя стыдливость, оно потому особенно и запрещаетъ что-либо, что совсемъ умалчиваетъ о немъ. Если бы истина снизошла наконецъ до выясненія всего, то она имела бы весьма худое мненіе о верныхъ своихъ. Въ заповедяхъ, для большей пользы необходимо умалчивать о некоторыхъ предметахъ; а то ведь часто увлекаются темъ, что запрещается. Потому-то, когда что излагается въ Писаніи, то умалчивается объ иномъ, и о томъ, о чемъ умолчано, говорить, вместо заповедей, и разумъ и строгій взглядъ на дело. Пусть только каждый поразмыслить самъ съ собой, пусть поговорить съ единовѣрнымъ своимъ; и — онъ никогда не сделаетъ ничего неприличнаго, потому что собственное мненіе будетъ иметь тогда более веса. Что запрещено въ Писаніи? Запрещено смотреть на то, что запрещается делать. Говорю, Писаніе осудило все роды зрелищъ, когда отвергло мать всехъ игрищъ — идолослуженіе, отъ котораго произошли все эти чудовища суеты и легкомыслія. Ибо какое зрелище безъ идола? Какое игрище безъ жертвоприношенія? Какое состязаніе не посвящено кому либо изъ умершихъ? Чтоже делаетъ истинный христіанинъ присутствуя на нихъ? Если онъ убегаетъ идолопоклонства; то зачемъ — будучи святымъ, находить удовольствіе въ вещахъ запрещенныхъ? Зачемъ, въ противность Богу, одобряетъ суевѣрія, которыя любить, когда смотреть на нихъ? Пусть онъ знаетъ, что все это изобретеніе демонское, а не Божіе.

Тотъ безразсудно закликаетъ въ церкви демоновъ, кто увеселенія ихъ хвалить на зрелищахъ; кто, отрекаясь разъ на всегда отъ діавола и загладивъ все въ крещеніи, идетъ отъ Христа на зрелище діавола, тотъ отвергаетъ Христа, какъ отвергалъ діавола. Идолослуженіе, какъ я сказалъ уже, есть мать всехъ игрищъ; чтобы привлечь къ себе христіанъ, оно обольщаетъ ихъ наслажденіями зренія и слуха. Ромулъ первый, когда вознамерился похитить Сабинянокъ, посвятилъ игры Конзу — какъ бы богу совета. За темъ другіе, когда насталь въ Риме голодъ, для возвращенія туда народа, выдумали публичныя игры, которыя потомъ посвятили Церере, Бахусу и прочимъ идоламъ, а также и умершимъ. Состязанія грековъ въ пеніи, въ игре на музыкальныхъ инструментахъ, въ красноречіи, или въ силе, имеютъ покровителей себе въ различныхъ демонахъ, — и если поискать начала и повода установленія того, что или привлекаетъ взоры или льститъ слуху, то причиной окажется или идолъ, или демонъ, или умершій. Такимъ образомъ хитрецъ-діаволь, зная, что идолослуженіе само въ себе можетъ показаться отвратительнымъ, соединилъ его съ зрелищами, чтобы заставить полюбить его ради наслажденія.

Нужно ли продолжать еще более? Или — нужно ли еще описывать те ужасныя роды жертвоприношеній, на которыхъ иногда, чрезъ обманъ жреца, и человекъ бываетъ жертвою, — на которыхъ теплая, такъ сказать, кипящая кровь, принятая изъ горла въ чашу и плеснутая идолу, какъ бы жаждущему, въ лице, варварски подносится для питья, — на которыхъ, наконецъ, въ числе удовольствій зрителей предлагается смерть некоторыхъ, чтобы посредствомъ кроваваго зрелища научаться жестокости, какъ будто мало у человека своего собственнаго неистовства, если не учиться тому публично? Для казни человека выкармливается дикій зверь, чтобы онъ какъ можно свирепее неистовствовалъ предъ взорами зрителей: искусникъ учитъ зверя, который, можетъ быть, былъ бы гораздо смирнее, если бы хозяинъ не училъ его свирепствовать. Умолчу о другихъ предметахъ, похваляемыхъ идолослуженіемъ. Но сколько пустоты въ самыхъ состязаніяхъ? Спорить изъ-за цветовъ, препираться въ беге на колесницахъ, домогаться почестей, радоваться, что конь былъ быстръ, сокрушаться — когда былъ очень ленивъ, считатьъ

лета скотины по временамъ консуловъ, изучать ея возрасты, обозначать поколеніе, припоминать самыхъ дедовъ и прадедовъ, — какое во всемъ этомъ пустое занятіе? или лучше — какъ, скажу, гнусно и безчестно выслушивать перечисляющаго на память все поколеніе лошадиной породы, и безъ ошибки съ великою скоростію пересказывающаго все это! Но спроси его сперва о предкахъ Христовыхъ: онъ ихъ не знаетъ, и знать было бы для него большимъ несчастіемъ. Опять, если я спрошу его, какимъ путемъ онъ пришелъ на зрелище; то признается, что пришелъ чрезъ непотребный домъ, чрезъ обнаженные тела блудницъ, чрезъ публичное распутство, чрезъ публичное безчестіе, чрезъ низкую похоть, чрезъ всеобщее безславіе. Положимъ, что онъ такъ поступилъ случайно; но онъ виделъ, чего не нужно было делать, и все же обратилъ взоры свои на идольское зрелище въ следствіе похоти: онъ дерзнулъ, если бы это возможно было, принести съ собою въ непотребный домъ все, что было въ немъ святаго; спеша на зрелище по выходе изъ церкви и, по обыкновенію, неся еще съ собою евхаристію, этотъ неверный принесъ въ среду студныхъ телъ блудницъ святое тело Христово, заслуживъ за путь, чрезъ который прошелъ, горшее осужденіе, чемъ за наслажденіе зрелищемъ.

Но когда я коснусь безстыдныхъ шутокъ сцены, то мне стыдно и передавать о томъ, что тамъ говорится, стыдно и осуждать то, что тамъ делается, — осуждать строфы изъ басенъ, хитрости прелюбодеевъ, безстыдство женщинъ, шутовскія игры, гнусныхъ скомороховъ, самыхъ даже почетныхъ отцевъ семействъ, то приходящихъ въ оцепененіе, то выказывающихъ любострастіе, — во всемъ оглупевшихъ, во всемъ безстыдныхъ. И не смотря на то, что негодяи, не обращая вниманія ни на происхожденіе, ни на должность, не даютъ никому въ своихъ словахъ пощады, не смотря на то все спешатъ на зрелище. Находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы видеть общее безобразіе, знакомиться съ праздностію и пріучаться къ ней. Сходятся въ этотъ домъ публичнаго безстыдства, въ это училище непотребства для того, чтобы и тайно совершалось только то, что изучается публично; среди самыхъ законовъ научаются тому, что запрещается законами. Чтоже делаетъ на этихъ зрелищахъ христіанинъ, верующій, — которому непозволительно и помышлять о порокахъ? Какое удовольствіе находитъ въ изображеніяхъ похоти, могущихъ довести его до того, что и самъ, потерявши здесь стыдъ, делается более отважнымъ на преступленія? Пріучаясь смотреть, онъ пріучается и делать. Даже те изъ женщинъ, которыхъ несчастіе довело до рабства непотребству, — въ публичномъ месте скрываютъ свое распутство и предаются наслажденію похотію только тайно: стыдятся показывать себя открыто даже те, которыя продали стыдъ свой! А между темъ, это публичное позорище совершается предъ очами всехъ, и совершающіе опереживаютъ непотребство безчестныхъ женщинъ. Допытывались даже, какъ бы совершать любодееяніе въ глазахъ другихъ!..

Къ вышесказанному безстыдству принадлежитъ и другое одинаковаго достоинства. Вотъ человекъ, у котораго переломаны все члены, вотъ мужъ, изнеженный и разслабленный более, чемъ женщина, искусникъ объясняться жестами; — и изъ-за одного его, не — то мужчины, не — то женщины, приходитъ въ движеніе весь городъ: онъ будетъ разыгрывать на сцене баснословныя безпутства древности. Такъ-то любятъ непозволенное, любятъ, чтобы снова представлено было предъ взоры даже то, что скрыто уже временемъ! для похоти недостаточно наслаждаться настоящимъ зломъ, — нѣтъ, она хочетъ чрезъ зрелище усвоить себе и то, чемъ грѣшили еще въ давнее время.

Говорю: непозволительно вернымъ христіанамъ, совершенно непозволительно ни присутствовать на зрелищахъ, ни быть вместе съ теми, которыхъ Греція, для увеселенія слуха, посылаетъ всюду, выучивъ ихъ разнымъ пустымъ искусствамъ. Вотъ одинъ изъ нихъ подражаетъ грубому воинскому шуму трубы; другой, надувая флейту, извлекаетъ изъ нея печальные звуки; а тотъ, съ усиленіемъ захвативъ въ легкія дыханіе и состязаясь съ хорами и звучнымъ человеческимъ голосомъ, перебираетъ отверстія органа и, то сдерживая дыханіе, то втягивая его внутрь и

потомъ выпуская въ воздухъ чрезъ известныя щели инструмента, и за темъ прерывая звукъ на известномъ колене, — благодарный художнику, который далъ ему языкъ, — усиливается говорить пальцами! А что сказать о комическихъ бесполезныхъ усиліяхъ, — о великихъ неистовствахъ трагической речи, — о напряженіи нервовъ во время крика? Хотя бы все это и небыло посвящено идоламъ, — и тогда верные христіане не должны бы ни посещать этихъ зрелищъ, ни смотреть на нихъ: потому—что хотя бы во всемъ этомъ и небыло прямого преступленія, однако все же тутъ есть величайшая и вовсе неприличная вернымъ пустота. Не явное ли безуміе техъ, которые людямъ празднымъ доставляютъ занятіе — бить себя, и которыхъ первая победа состоитъ въ томъ, чтобы, выказать, несвойственную человеческому желудку, алчбу, какъ бы въ изъявленіе почести увенчанному обжорству распутной Нундины?^[4] Несчастное лице подставляется подъ удары, чтобы только насытить, еще более несчастное чрево! Кроме сего — какая срамота въ самыхъ состязаніяхъ? Мужчина лежитъ подъ мужчиной, безстыдно обнявшись и сцепившись другъ съ другомъ. Высматриваютъ, кто победить; но прежде всего побежденъ уже стыдъ. Вотъ одинъ нагой скачетъ предъ тобой, другой съ напряженнымъ усиліемъ бросаетъ вверхъ медный шаръ: не слава это, но безуміе! Удали зрителя, — и ты представишь одну пустоту. Потому—то верующіе, христіане, какъ несколько уже разъ говорилъ я, должны убегать отъ этихъ столь пустыхъ, пагубныхъ и нечестивыхъ зрелищъ: надобно блюсти отъ нихъ и зреніе наше и слухъ. Мы скоро привыкаемъ къ тому, что слышимъ и что видимъ. Умъ человеческій самъ по себе склоненъ къ порокамъ; чтоже онъ сделаетъ самъ съ собою, если будетъ иметь скользкіе образцы телесной природы, которая охотно предается пороку, — что онъ сделаетъ, если она будетъ еще поощрена къ тому? Да, нужно удалять душу отъ всего этого.

Христіанинъ, если только пожелаетъ, имеетъ гораздо лучшія зрелища, — онъ имеетъ истинныя и вполне полезныя удовольствія, — если только признаетъ самъ себя. Не стану упоминать о томъ, чего пока нельзя еще созерцать: но онъ имеетъ предъ собой ту красоту міра, которую можно видеть и удивляться ей. Пусть онъ смотритъ на восхождение и захождение солнца, которыя попеременно возвращаютъ дни и ночи; на кругъ луны, своимъ возрастаніемъ и ущербомъ обозначающій теченіе временъ; на сонмы сверкающихъ звездъ, постоянно съ высоты изливающихъ светъ съ необычайною удобоподвижностію; пусть преемственно созерцаетъ отдѣльныя части цѣлаго года и самыя дни съ ночами, распределенныя по временамъ часовъ, — пусть созерцаетъ уравновешенную толщу земли съ ея горами, и непрерывно текуція реки съ ихъ источниками, — обширныя моря съ ихъ волнами и берегами, — постоянный, съ величайшею соразмерностію распростертый повсюду воздухъ, все оживляющій своимъ благораствореніемъ и, то изливающій дождь изъ сгущенныхъ облаковъ, то, по разреженіи облаковъ, снова возвращающій ясную погоду, — и во всехъ этихъ частяхъ природы пусть созерцаетъ обитателей, свойственныхъ каждой части: въ воздухѣ — птицъ, въ водѣ — рыбъ, и на землѣ — человека. Это—то, говорю, и другія дела Божіи должны составлять зрелище для верныхъ христіанъ. Какой театръ, состроенный человеческими руками можетъ сравниться съ этими делами? Пусть онъ будетъ построенъ изъ великихъ грудъ камней, — но гребни горъ выше его; пусть потолки его сіяютъ золотомъ, но блескъ звездъ совершенно ихъ потемняетъ. Такъ, никогда не будетъ удивляться деламъ человеческимъ, кто признаетъ себя сыномъ Божиимъ!

Тотъ низвергаетъ себя съ высоты благородства своего, кто можетъ удивляться чемунибудь кроме Господа. Верный, говорю, христіанинъ долженъ прилежать божественнымъ писаніямъ: въ нихъ найдетъ онъ зрелища, достойныя веры. Онъ увидитъ тамъ Бога, творящаго міръ свой и, после сотворенія всехъ животныхъ, созидающаго удивительнымъ и самымъ лучшимъ образомъ человека. Увидитъ міръ во грѣхахъ его и за темъ праведное потопленіе всехъ: награды благочестивыхъ и наказанія нечестивыхъ. Увидитъ моря, иссушенныя для народа, и воды, проторгшіяся изъ камня, для того же народа. Увидитъ хлебъ, сходящій съ неба, а не изъ

житницъ, — увидить реки, после того какъ остановлено теченіе воды, дающія сухіе переходы множеству народа. Онъ усмотритъ въ некоторыхъ веру, побеждающую пламень огненный, — животныхъ, укрощенныхъ верою и соделанныхъ ручными. Онъ будетъ созерцать и души, возвращенныя изъ узъ смерти; усмотритъ даже, какъ чудеснымъ образомъ возвращалась жизнь самымъ истлевшимъ теламъ; въ заключеніе же всего увидитъ еще особенное зрелище, — того самага діавола, который торжествовалъ во всемъ міре, поверженнымъ подъ ноги Христовы. Сколь благоприлично, братья, это зрелище! Какъ пріятно и какъ необходимо созерцать всегда надежду свою и отверзать очи во спасеніе свое! Подобнаго зрелища не представитъ ни преторъ, ни консуль; но только Одинъ Тотъ, Который прежде всего, Который надъ всемъ и изъ Котораго все, — Отець Господа нашего Іисуса Христа, Которому похвала и слава во веки вековъ. Желая вамъ, братья, всегда быть въ добромъ здоровьи. Аминь.

Книга о Молитве Господней

Евангельские заповеди — это не что иное, возлюбленнейшие братья, как божественные наставления, основания к назиданию надежды, подпоры к утверждению веры, пища для укрепления сердца, кормило для направления пути, пособие к получению спасения: наставляя переимчивые умы верующих на земле, они приводят к Небесному Царству. Бог благоволил многое возвестить и предложить через рабов своих — пророков: во сколько же важнее то, что говорит Сын, что собственным голосом свидетельствует Он — Слово Бога, бывшее в пророках, — не повелевая уже уготовить путь грядущему, но Сам приходя для открытия и указания нам пути, чтобы мы, блуждавшие во мраке, неосмотрительные прежде и слепые, будучи озарены светом благодати, держались пути жизни под водительством и управлением Господа! Он—то, между прочими Своими спасительными наставлениями и божественными заповедями, споспешествующими людям ко спасению, Сам дал и образец молитвы, Сам наставил и научил, о чем надлежит нам просить. Даровавший жизнь, по той благости, по которой благоволил уделить нам прочие дары, научил нас и молиться, чтобы, обращаясь к Отцу с той просительной молитвой, которой научил нас Сын, мы были тем удобнее услышаны. Он предсказал о наступлении времени, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, и предсказанное исполнил так, что мы, принявшие Духа и истину от Его освящения, поклоняемся истинно и духовно, держась Его предания. Ибо какая молитва может быть более духовна, как не та, которая завещана нам Христом, ниспославшим нам и Духа Святого? Какое моление может быть более истинным у Отца, как не моление, исшедшее из уст Сына, Который есть Истина? Следовательно, молиться не так, как научил Он, есть не неведение только, но и преступление, тем более что сам Он как-то заметил: разористе заповедь Божию за предание ваше (Мф. 15:6).

Будем же, возлюбленнейшие братья, молиться так, как научил нас Учитель Бог. Молиться Богу по Его указанию, доходить до слуха Его молитвой Христовой — вот приятная и доступная к Нему молитва! Когда молимся, пусть Отец познает слова своего Сына. Обитающий внутри нас, в сердце, да будет и в речи. Так как Он ходатай у Отца за грехи наши, то, молясь о грехах наших, будем мы, грешники, употреблять и слова нашего Ходатая. Он говорит, что о чем бы мы ни просили Отца во имя Его, даст нам (Ин. 16:23); поэтому не тем ли вернее получим мы просимое во имя Христово, если будем просить Христовой молитвой? Во время же молитвы речь наша и моление да будут соединены с благочинием, спокойствием и скромностью, будем помышлять не о том, что мы стоим перед лицом Бога и что надобно угодить очам Божиим и положением тела и звуком голоса. Производить шум криком — это признак бесстыдного: напротив, скромному прилично молиться смиренной молитвой. Наконец, Господь преподал нам заповедь молиться тайно, в скрытых и уединенных местах, даже на своих постелях, что особенно свойственно вере, — да знаем, что Бог везде присутствует, слышит и видит всех, полностью Своего величия проникает в самые потаенные и скрытые места, как сказано в Писании: Бог приближайся Аз есмь... а не Бог издалеча. Аще утаится кто в сокровенных, и Аз не узрю ли его?.. Еда небо и землю не Аз наполняю (Иер. 23:23–24)? И опять: на всяцем месте очи Господни сматряют злыя же и благия (Притч. 15:3). И когда мы сходимся вместе с братьями для торжественного принесения божественных жертв со священником Божиим, то также должны помнить о скромности и благочинии: не бросать на ветер и кое-как прошений наших в нестройных голосах и не выражать шумной болтливостью моления, которое должно быть приносимо Богу смиренно, так как Бог выслушивает не голос, но сердце. Не криком должно напомнить о себе Тому, Кто видит помышления человеческие, по уверению Господа, сказавшего: векую вы мыслите лукавая

в сердцах ваших (Мф. 9:4)? И в другом месте: и уразумеют вся церкви, яко Аз есмь испытавъ сердца и утробы (Откр. 2:23). Это, как читаем в Первой книге Царств, понимала и соблюдала Анна, прообразовавшая Церковь: она приносила Господу не громкое моление, но просила Его тихо и скромно в тайниках своего сердца; приносила молитву тайную, но с явной верой; молилась не устами, но сердцем, в уверенности, что и так Бог услышит, и она действительно получила просимое, потому что просила с верой. Об этом так говорит Писание: И та глаголаше в сердцах своем, токмо устне ея двизастеся, а глас ея не слышашеся (1 Цар. 1:13), — но Бог услышал ее. Также читаем в псалмах: глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся (Пс. 4:5). То же внушает Дух Святой через Иеремию, так поучая: рцйте убо во уме: Тебе лепо есть кланятися, Владыке (Иер. 5).

Поклоняющийся должен и то знать, возлюбленнейшие братья, как молился в храме с фарисеем мытарь: не с очами, нагло поднятыми к небу, не с воздетыми гордо руками, но ударяя себя в грудь и сознавая внутренне свой грех, испрашивал он помощи у милосердия Божия. И в то время как фарисей услаждался собой, мытарь, который так молился, который надежду спасения полагал не в уверенности о своей непорочности, так как нет никого без греха, но молился смиренно, исповедуя свои грехи, удостоился большего освящения: милующий смиренных услышал его молитву. Господь так излагает это в Своем Евангелии: человека два внидоша в церковь помолитися: един фарисей, а другой мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь, якоже прочий человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь: пощуся дважды в субботу, десятину даю всего, елико прштяжу. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже милостив буди мне грешнику. Глаголю вам, яко спиде сей оправдан в дом свой паче онаго: яко всяк возносяйся смирится, смиряли же себе вознесетя (Лк—18:10—14).

Поучаясь таким образом из божественного чтения и узнав, как надлежит нам приступать к молитве, узнаем, возлюбленнейшие братья, из наставления нашего Господа и то, о чем должны мы молиться. Убо, — говорит, — молитесь вы: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое: да приидет Царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли: хлеб наш насущный даждь нам днесь: и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим: и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Аминь. (Мф. 6:9—13).

Учитель мира и Наставник единства прежде всего не хотел, чтобы молитва была совершаема врозь и частно, так, чтобы молящийся молился только за себя. В самом деле мы не говорим: Отче мой, иже еси на небесех, — хлеб мой даждь ми днесь; каждый из нас не просит об оставлении только своего долга, не молится об одном себе, чтобы только самому не быть введенному во искушение и избавиться от лукавого. У нас всенародная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся не за одного кого-либо, но за весь народ, потому что мы — весь народ — составляем одно. Бог — Наставник мира и согласия, поучавший единству, хотел, чтобы и один молился за всех так же, как Он один носил нас всех. Этот закон молитвы соблюдали и три отрока, брошенные в печь огненную: они были согласны в молении и единокорны в духе согласия. В этом удостоверяет Божественное Писание, которое, показывая, как они молились, дает нам пример для подражания, чтобы и нам сделаться подобными им. Сказано: тогда тии трие яко едиными усты пояху и благословляху Бога (Дан. 3:51). Они говорили как бы одними устами, хотя не Христос научил их так молиться. И потому-то речь их — молящихся — была убедительна и действительна: мирная, простая и духовная молитва была угодна Господу. По вознесении Господнем мы находим апостолов с учениками, молившихся подобным же образом. Сии вси, — сказано, — бяху терпяще единокорно в молитве и молении, с женами и Мариєю Материю Иисусовой и с братиєю Его (Деян. 1:14). Они пребывали в молитве, единокорно, показывая и настоятельность своей молитвы, и взаимное согласие, потому что Бог, вселяющий

единомысленных в дом, принимает в божественный и вечный дом Свой только тех, у кого молитва единокорна. О, каковы, возлюбленнейшие братья, тайны Молитвы Господней! Сколь многое и сколь великое заключено в кратком словами, но обильном духовной силой молении! В перечне небесного учения не пропущено ничего необходимого для прощений и молений наших!

Сице, — сказано, — молитесь вы: «Отче наш, иже еси на небесех!» Человек новый, возрожденный и восстановленный своим Богом, по Его благодати, прежде всего говорит: Отче, потому, что соделался уже сыном Его. Во своя, — сказано, — прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его (Ин. 1:11–12). Итак, кто уверовал во имя Его и соделался сыном Божиим, должен и начинать с того, чтобы принести благодарение и исповедать себя сыном Божиим, назвавши Отцом Бога; должен с самого начала своего возрождения свидетельствовать словами, что он отказался от земного и плотского отца и стал знать и иметь одного Отца, Который на небесах, по Писанию: глаголяй отцу своему и матери своей: не видех тебе... и сынов своих не уведех: сохрани словеса Твоя и завет Твой соблюде (Втор. 33:9). И Господь в Евангелии Своем заповедует нам не называть отца на земле, потому что у нас один Отец на небесах (Мф. 23:9). Также ученику, который упомянул об умершем отце, Господь сказал в ответ: остави мертвым погребсти своя мертвецы (Мф. 8:22). Тот сказал, что отец его умер, тогда как отец верующих жив. И не то только, возлюбленнейшие братья, должны примечать и понимать, что называем Отцом Того, Который на небесах; но и то, что говорим совместно: Отче наш, т. е. верующих, — тех, которые, будучи освящены и восстановлены благодатным духовным рождением, стали сынами Божиими. Эта речь служит в укор и посрамление иудеев, которые не только в неверии своем отвергли, но и по жестокости своей умертвили Христа, возвещенного им через пророков и прежде к ним посланного: они не могут уже называть Отцом Бога, когда Господь посрамляет и изобличает их, говоря: вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хотите твори-ти; он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем (Ин. 8:44). Также Бог в негодовании возглашает через пророка Исаию: сыны родих и возвысил, тии же отвергошася Мене. Позна волю стяжавшаго его, и осел ясли господина своего: Израиль же Мене не позна и людие Мои не разумеша. Увы, язык грешный, людие исполнени грехов, семя лукавое, сынове беззаконный, остависте Господа и разгневаете Святого Израилева (Ис. 1:2–4). Им-то в укор мы, христиане, когда молимся, говорим: Отче наш, потому что Он стал нашим Отцом и перестал быть отцом иудеев, оставивших Его. Народ грешный не может быть сыном; но имя сынов присваивается тем, кому даруется отпущение грехов и обещается вечность, по слову Самого Господа, сказавшего: всяк творяй грех раб есть греха. Раб же не пребывает в дому во век: сын пребывает во век (Ин. 8:34–35). О, какое к нам снисхождение, какое обилие благоволения и благости Господа, когда Он дозволил нам при совершении молитвы перед лицом Божиим называть Бога Отцом, а себя именовать сынами Божиими так же, как и Христос есть Сын Божий! Никто из нас не дерзнул бы употребить это имя в молитве, если бы Он Сам не позволил нам так молиться. Называя же Бога Отцом, мы должны помнить и знать, возлюбленнейшие братья, что нам надлежит и поступать как сынам Божиим, чтобы как мы сами радуемся о Боге Отце, так и Он радовался о нас. Будем пребывать, как храмы Божий, дабы видно было, что в нас обитает Бог. Да не будут действия наши недостойны духа: начавши быть небесными и духовными, будем помышлять и делать только духовное и небесное, имея в виду сказанное Богом: прославляющая Мя прославлю, и уничижаяя Мя безчестен будет (1 Цар. 2:30) — и написанное блаженным апостолом в Послании его: несте свои, куплены бо есте ценою; прославите убо (и носите) Бога в телесех ваших (1 Кор. 6:19–20).

После сего мы говорим: да святится имя Твое, — не в том смысле, будто мы желаем Богу, да святится Он нашими молитвами; но мы просим у Него, чтобы имя Его свяtilось в нас. Ибо от кого же освятится Бог, Который Сам освящает? Но потому, что Он сказал: будете святы, яко Аз

свят (Лев. 20:7), — мы просим и молим, чтобы, освященные в крещении, мы и пребыли такими, какими быть начали. И об этом молимся ежедневно, потому что имеем нужду в ежедневном освящении, чтобы ежедневные грехи наши очищать непрестанным освящением. Каково же освящение, даруемое нам Богом по Его благодати, — это поясняет апостол, говоря: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни осквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни татие, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят. И сими убо нецыи бесте; но омыстесь, но освятитесь, но оправдайтесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего (1 Кор. 6:9–11). Он называет нас освятившимися именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего; и мы молимся, да пребудет в нас такое освящение. А так как Господь и Судия Наш исцеленному от Него и оживотворенному с угрозой заповедал не грешить более, чтобы ему не было хуже (Ин. 5:14), то мы непрестанной молитвой умоляем, днем и ночью просим, чтобы освящение и оживотворение, принятое нами от Божией благодати, соблюдено было в нас божественным охранением.

Затем в молитве следует: да придет Царствие Твое. Мы просим о пришествии к нам Царства Божия в таком же смысле, в каком молим Бога, чтобы свяtilось в нас Его имя. Ибо когда же Бог не царствует или когда положить начало Его Царства, которое всегда было при Нем и не перестает быть? Мы просим, да придет наше Царство, обещанное нам Богом, приобретенное кровью и страданием Христовым; просим, чтобы нам, послужившим в сем веке, царствовать потом с Владыкой Христом, как и Сам Он обещает это, говоря: приидите, благословенный Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира (Мф. 25:34). Царством же Божиим, возлюбленнейшие братья, может быть и сам Христос — нам вожделенно ежедневное присутствие Его, и мы просим, чтобы Он вскоре явил нам Свое пришествие. Как Он есть наше Воскресение, потому что мы в Нем воскресаем, так Его же можно разуметь под Царством Божиим, потому что мы будем царствовать в Нем. И мы правильно испрашиваем Царства Божия, т. е. Царства Небесного; ибо есть и царство земное. Но кто отрекся уже от мира, тот выше мирских почестей и царства. Таким образом, посвящающий себя Богу И Христу желает не земного, но Небесного Царства. А при этом необходима непрестанная молитва и моление, да не отпадем от Небесного Царства так, как отпали иудеи, которым оно было обещано прежде. Господь ясно говорит: мнози от восток и запад приидут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом во Царствии Небесном; сынове же царствия изгнани будут во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом (Мф. 8:11–12). Он показывает, что иудеи были прежде сынами Царства, доколе не переставали быть сынами Божиими; потом же с упразднением у них имени Отеческого упразднилось и Царство. Потому—то мы, христиане, которые стали называть в молитве Бога Отцом, просим, да придет к нам Царство Божие.

Далее мы присовокупляем следующие слова: да будет воля Твоя, яко на небеса, и на земли, — не с тем, чтобы Бог вследствие нашей молитвы делал что хочет, но чтобы мы могли делать угодное Ему. Ибо кто же воспрепятствует Богу делать угодное Ему? Но так как диавол полагает нам препоны в оказывании духом и телом полного повиновения Богу, то мы просим и молим, да будет в нас воля Божия — А чтобы она была — необходимо изволение Божие, т. е. Божия помощь и защита; потому что никто не крепок собственными силами, а всякий находит безопасность только в Божием снисхождении и милосердии. Да и Господь, показывая человеческую немощь, которую Он носил в себе, говорил: Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия, а затем, подавая ученикам пример, чтобы они исполняли не свою волю, но Божию, прибавил: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты (Мф. 26:39). И в другом месте говорит: снисдох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца (Ин. 6:38). Если Сын повиновался так, что исполнял волю Отца, то не гораздо ли более должен повиноваться и исполнять волю своего Господа раб? Иоанн в Послании своем так увещевает и наставляет нас к

исполнению воли Божией: не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит и похоть его; а творяй волю Божию пребывает во веки (Ин. 2:15–17), как и Бог пребывает во веки. Итак, желая пребывать во веки, мы должны творить волю Бога, Который вечен. Воля же Божия указана нам в делах и учении Христовых. Смирение в обращении, стойкость в вере, скромность в словах, правда в действиях; в делах — милосердие, в нравах — благочиние; неумение причинять обиду, умение переносить обиду, нам причиненную; хранить мир с братьями; любить Бога всем сердцем, любить Его как Отца, бояться как Бога; ничего не предпочитать Христу так, как и Он ничего не предпочел нам; мужественно и верно стоять у Его креста, когда препираются о имени Его и чести, выражать в речи постоянство исповедания, при допросе отвагу, с которой вступаем в бой, в смерти терпение, которым венчаемся, — это значит желать быть сонаследником Христу! Это значит — творить заповедь Божию, исполнять волю Отца!

Просим же мы, да будет воля Божия как на небе, так и на земле, потому что и то и другое относится к осуществлению нашей безопасности и спасения. Имея тело из земли, а дух с неба, будучи сами землею и небом, мы молимся, да будет в том и другом, т. е. в теле и в духе, воля Божия. Ибо тело и дух находятся в борьбе, и при взаимном противодействии их друг другу у них происходит ежедневная брань, так что мы не то делаем, что хотим: в то время как дух ищет небесного и божественного, тело устремляется желанием к земному и мирскому. Потому мы усердно просим, чтобы помощью и содействием Божиим установилось между обоими согласие и чтобы при совершении в духе и в теле воли Божией спасена была душа, возрожденная Богом. О борьбе открыто и ясно выражается апостол Павел. Плоть, — говорит он, — похотствует на духа, дух же на плоть; сия же друг другу противятся, да не яже хотите, сия творите. .. Явлена же суть дела плотская, яже суть прелюбодеяние, блуд, нечистота, студодеяние, идолослужение, чародеяния, вражды, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри, соблазны, ереси, зависти, убийства, пьянства, безчинни кличи и подобная сим; яже предглаголю вам, якоже и предрекох, яко таковая творящий Царствия Божия не наследят. Плод же духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Га. 5:17:19–23). Вот почему ежедневно и непрестанно просим в молитве, чтобы относительно нас была воля Божия как на небе, так и на земле; а воля Божия состоит в том, чтобы земное уступало небесному и одерживало верх духовное и божественное.

Впрочем, возлюбленнейшие братья, можно донимать это и следующим образом. Так как Господь и заповедует нам любить даже врагов и молиться за преследующих нас (Мф. 5:44), то и за тех, которые пребывают еще землей и не начинали быть небесными, мы просим, да будет и относительно их воля Божия, которую совершил Христос, спасая и восстанавливая человека. Притом Он не называет уже учеников землей, но солью земли (Мф. 5:13), — и Апостол именует первого человека из земли земным, а второго — с неба (1 Кор. 15:47); поэтому и мы, которые должны уподобляться Отцу Богу, сияющему солнце Свое на злых и благих и посылающему дождь на праведных и неправедных (Мф. 5:45), следуя Христову наставлению и совершая моление о спасении всех, правильно молимся и просим, чтобы как в небе, т. е. в нас, совершилась по вере нашей воля Божия и мы стали небесными, так и на земле, т. е. в них — неверующих, да будет воля Божия, чтобы и они, земные по первому рождению, возродившись водою и духом, начали быть небесными.

Продолжая молитву, мы произносим следующее прошение: хлеб наш насущный даждь нам днесь. Это можно понимать как в духовном, так и в простом смысле, потому что и тот и другой, по божественному дарованию, равно благоприятствует спасению. Христос есть хлеб жизни, и этот хлеб не всех, но только наш. Как говорим мы: Отче наш, потому что Бог есть Отец

познающих Его и верующих, так и Христа называем нашим хлебом, потому что Он и есть хлеб тех, которые прикасаются Телу Его. Просим же мы ежедневно, да дастся нам этот хлеб, чтобы мы, пребывающие во Христе и ежедневно принимающие Евхаристию в снедь спасения, будучи по какому-либо тяжкому греху отлучены от приобщения и лишены небесного хлеба, не отделились от Тела Христова, как Господь говорит в наставление наше: Аз есмь хлеб животный, иже сщедый с небесе; аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки, и хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира (Ин. 6:51). Когда Он говорит, что ядущий от хлеба Его жю» будет во веки, то этим показывает, что живут те, которые прикасаются, Его Телу и по праву приобщения принимают Евхаристию. Итак, должно бояться и молиться, да не отделится кто-либо от Тела Христова, подвергшись запрещению, и не удалится от спасения, как угрожает Господь, говоря: аще не снете плоти Сына человеческого, не пиете крове Его, живота не имате в себе (Ин. 6:53). Потому-то мы и просим ежедневно, да дастся нам хлеб наш, чтобы нам, пребывающим и живущим во Христе, не удалиться от освящения и от Тела Его.

Можно это понимать и так: отрекшись от века сего и по вере духовной благодати отказавшись от его богатств и почестей, памятуя наставление Господа, Который говорит: иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик (Лк. 14:33), мы просим одной только пищи и пропитания. Кто сделался учеником Христовым, тот, по слову Учителя, отказываясь от всего, и должен просить только дневного пропитания и в молитве не простирать далее своих желаний, имея в виду заповедь Господа, сказавшего: не печьтеся на утrey, утрений бо собою печется: довлеет дневи попечение его (Мф. 6:34). Итак, ученик Христов, которому воспрещается заботиться о завтрашнем дне, праведно испрашивает себе дневной пищи: было бы противоречие и несообразность в том, если бы мы искали в этом веке продовольствия на долгое время, когда просим о скором пришествии Царства Божия. Блаженный апостол, поучая и утверждая крепость надежды и веры нашей, делает нам следующее напоминание: ничтоже внесохом в мир сей; яве, яко ниже изнести что можем. Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем. А хотящий богатиться впадают в напасти и сеть и в похоти многи Несмысленны и вреждающыя, яже погружают человеки во всегубителство и погибель; корень бо всем злым сребролюбие есть, егоже нецыи желающе заблудиша от веры и себе пригвоздиша болезнем многим (1 Тим. 6:7–10). Этим учит, что не только надобно презирать богатства, но что они и опасны: в них корень лъстивых зол, обольщающих слепоту человеческого ума скрытым коварством. Потому-то Бог обличает безумного богача, который помышлял о мирских достатках и хвастался чрезвычайным изобилием плодов. Безумие, — говорит Он ему, — в сию ночь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут (Лк. 12:20)? Безумный, он радовался о прибыли в ту ночь, в которую надлежало ему умереть; тот, кому мало уже оставалось жить, помышлял о изобилии плодов.

Напротив, Господь учит, что тот вполне совершен, кто, продав все свое имение и раздав в пользу нищих, заготовляет себе сокровище на небе; тот, по словам Господа, может следовать за Ним и подражать славе страдания Господня, кто в готовности и охоте своей не задерживается никакими сетями домашнего хозяйства, но, предпослав свое имущество Богу, отрешенный и свободный, сам идет туда (Мф. 19:21). Вот как да научится всякий молиться, чтобы приготовить себя к тому же; из закона молитвы да уразумеет всякий, какова должна быть молитва! Между тем для праведника никогда не может быть недостатка в ежедневной пище, по Писанию: не убьет гладом Господь душу праведную (Причт. 10:3). И опять: юнейший бых, и состарехся, и не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлебы (Пс. 36:25). То же обещает и Господь, говоря: не печьтеся, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одждемся? Всех сих языцы ищут; вестъ бо Отец ваш, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф. 6:31–33). Он обещает, что ищущим Царства и Правды Божией вся приложатся: ведь все Божие; следовательно, имеющий Бога ни в чем не будет иметь

недостатка, только бы сам не отстал от Бога. Так, Даниилу, когда он был ввержен в ров львиный по велению царскому, готовится обед. Промыслом Божиим и человек Божий насыщается среди зверей алчущих, но щадящих его (Дан. 14:30–39). Так, Илия питается во время бегства: преследуемый, он получает пропитание в пустыне от вранов, которые служат ему, от птиц, которые приносят ему пищу. О, ненавистная жестокость злобы человеческой! Звери щадят, птицы кормят, а люди строят ковы и свирепствуют.

После сего мы молимся и о грехах наших, говоря: и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим. По испрошении пищи испрашивается отпущение грехов, чтобы человек, питаемый Богом, и жил в Боге, и заботился не только о временной, но и о вечной жизни, — а ее можно достигнуть, если прощены будут грехи, которые Господь в Своем Евангелии называет долгами, говоря: весь долг отпустих тебе, понеже умолил Мя еси (Мф. 18:32). И сколь необходимо, сколь прозорливо и спасительно напоминание, которым мы, грешники, побуждаемся к молению о грехах, чтобы, испрашивая милосердие у Бога, дух приходил в самосознание! Для устранения довольства собою, как бы невинными, для избежания опасности погибнуть через высокомерие, нам повелевается ежедневно молиться о грехах и тем дается напоминание и наставление, что мы и грешим ежедневно. То же указывает в Послании своем Иоанн, говоря: аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины «есть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен (Господь,), да оставит нам грехи наша (1 Ин. 1,8–9). В Послании своем он объял и то, что мы должны просить о грехах, и то, что получим прощение, если будем просить. Ибо он назвал Господа верным, т. е. верно исполняющим свое обещание; а Научивший нас молиться о грехах и долгах наших обещал нам милосердие Отца и следующее затем прощение. К этому Господь ясно присовокупил и прибавил закон, ограничивающий нас известным условием и обетом, по которому мы должны просить, чтобы нам оставлены были долги так, как и мы оставляем должникам нашим, зная, кто не может быть получено нами отпущение грехов, если мы не сделаем того же относительно должников наших. Потому—то и в другом месте Он говорит: в нюже меру мерите, возмеритсЯвам (Мф. 7:2). Дай раб, который не захотел простить своему товарищу тогда, как господин простил ему самому весь долг, заключен был в темницу; он утратил оказанное ему Господом снисхождение, потому что не захотел оказать товарищу снисхождения (Мф. 18:27–34). Это еще сильнее и с большей строгостью Своего суда излагает Господь в заповедях Своих. И егда, — говорит, — стоите молящЯся, отпускайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша: аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших (Мф. 11:25–26). Итак, тебе не остается никакого извинения в день суда: ты будешь судим по собственному своему приговору, с тобою поступят так, как сам ты поступишь с другими.

Бог заповедует, чтобы в доме Его жили только мирные, согласные и единомышленные. Он хочет, чтобы возрожденные и оставались такими, какими Он сделал их вторым рождением; чтобы ставшие сынами Божиими пребывали в мире Божиим; чтобы у нас, у которых один дух, было одно сердце и чувство. Он не принимает жертвы от того, кто находится во вражде, и повелевает таковому возвратиться от алтаря и прежде примириться с братом, чтобы потом можно было умилоствить Бога мирными молениями. Для Бога большая жертва — наш мир и братское согласие, народ, соединенный в единстве Отца и Сына и Святого Духа. При первых жертвоприношениях, принесенных Авелем и Каином, Бог не смотрел на дары их, но на сердца, так что тот угодил Ему дарами, кто угодил сердцем. Мирный и праведный Абель, принеся в невинности жертву Богу, дал урок и другим, приносящим дар к алтарю, — приходить туда со страхом Божиим, с простым сердцем, с законом правды, с миром согласия. Принеся жертву Богу с таким расположением, он потом и сам сделался жертвой Богу: хранитель правды

Господней и мира, он первый, претерпев мученичество, славой своей крови предначал страдание Господне. Таковые наконец и увенчиваются от Господа! Таковые в день суда будут судить с Господом! Напротив, кто находится во вражде и несогласии, кто не имеет мира с братьями, тот, по свидетельству блаженного апостола и Священного Писания, хотя бы претерпел смерть за имя Христово, все же останется виновен во вражде братской (1 Кор. 13:3); а в Писании сказано: всяк ненави-дьяй брата своего человекоубийца есть (1 Ин. 3:15), человекоубийца же не может ни достигнуть Царства Небесного, ни жить с Богом. Не может быть со Христом тот, кто лучше захотел быть подражателем Иуды, нежели Христа. Каков же это грех, который не омывается и крещением крови? Каково преступление, которого нельзя загладить и мученичеством?

Далее Господь дает нам как необходимое наставление говорить в молитве: и не введи нас во искушение. Этим показывается, что враг не имеет никакой власти над нами, если не будет на то предварительно допущения Божия. Потому-то весь наш страх, все благоговение и внимание должны быть обращены к Богу, так как лукавый не может искушать нас, если не дастся ему власти свыше. Доказательством служат слова Божественного Писания: прииде Навуходоносор царь Вавилонский на Иерусалим и воеваше на ны, и даде Господь в руце его (Дан. 1,1-2). Дается же лукавому власть над нами по грехам нашим, как говорится в Писании: кто даде на разграбление Иакова, и Израиля пленяющим его? не Бог ли, Емуже согрешиша и восхотеша в путех Его ходити, ни слушати закона Его? И наведе на ны гнев ярости Своя (Ис. 42:24-25). Также о Соломоне, когда он предался и уклонился от заповедей и путей Господних, сказано: м воздвиже Господь противника Соломону (3 Цар. 11:23). Впрочем, власть над нами дается с двойкой целью: или для наказания, когда мы грешим, или для славы, когда испытываемся, как это сделано было относительно Иова, по ясному указанию Бога, говорящего: се вся, елика суть ему, даю в руку твою, но самого да не коснешися (Иов 1:12). Также и Господь во время страдания говорит в Своем Евангелии: не имаша власти ни единыя на Мене, аще не бы ти дано свыше (Ин. 19:11). Между тем, когда мы просим, да не подвергнемся искушению, то таким прошением приводимся к сознанию слабости нашей и немощи с тем, чтобы никто не высоко-мудрствовал о себе, чтобы никто с гордостью и надменностью не присваивал ничего себе и не приписывал себе славы исповедания или страдания тогда, как сам Господь, поучая смирению, сказал: бдите и молитесь, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна (Мк. 14:38). Так необходимо предварительно смиренное и покорное сознание и предоставление всего Богу, дабы то, что смиренно испрашивается у Него со страхом Божиим и почтением, даровано было Его благостью.

После всего к концу молитвы приходит заключение, кратко выражающее все наши моления и прошения. В конце говорим: но избави нас от лукавого, разумая под тем всякие беды, которые в сем мире замышляет против нас враг и против которых у нас будет верная и крепкая защита, если избавит нас от них Бог, если по нашему прошению и молению Он дарует нам Свою помощь. Затем, после слов: избави нас от лукавого, не о чем уже более и просить: мы просим покровительства Божия против лукавого, а получивши такое покровительство, мы уже безопасны и защищены от всех козней диавола и мира. В самом деле, чего бояться со стороны мира тому, кому в этом мире защитник Бог?

Неудивительно, возлюбленнейшие братья, что такова молитва, преподанная нам Богом, Который в Своем учении все наше моление выразил кратким, но спасительным словом. Давно уже это предсказано пророком Исаией; говоря о величии и любви Божией, он, исполненный Духа Святого, сказал: Слово бо совершая и сокращая правдою, яко слово сокращено сотворит Господь во всей вселенной (Ис. 10:23). Итак, когда пришел для всех Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, и, собирая ученых и неученых, излагал спасительные заповеди для всякого пола и

возраста, тогда Он и заключил свои заповеди в сжатой речи, чтобы не затруднять памяти учащихся в изучении небесного и чтобы скоро изучалось то, что необходимо для простой веры. Так, предлагая учение о жизни вечной, Он с краткостью, приличной Своему величию и божественности, выразил таинство жизни следующими словами: се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа (Ин. 17:3). Извлекая первые и главнейшие заповеди из закона и пророков, Он говорит: слыши, Израилью, Господь Бог ваш Господь един есть. И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всею крепостию твою: сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе (Мк. 12:29–31). В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят (Мф. 22:40). И опять: вся, елико, аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им. Се бо есть закон и пророцы (Мф. 7:12).

Не словами же только, но и делами учил нас Господь молиться: Сам Он часто воссылал к Богу моления и прошения, собственным примером показывая, что нам надлежит делать. В Писании говорится: Той же бе отходя в пустыню и моляся (Лк. 5:16). И опять: изыде в гору молитися, и бе обнощъ в молитве Божий (Лк. 6:12). Если молился Он — безгрешный, то не тем ли более должно молиться грешникам? Если Он, бодрствуя всю ночь, воссылал непрестанные моления, то не тем ли более надлежит бодрствовать ночью и нам в частом совершении молитвы? Господь молился и просил не за Себя, ибо чего же испрашивать для себя невинному? Он молился о грехах наших, как Сам поясняет это, говоря Петру: се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу; Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя (Лк. 22:31–32). Молился Он потом Отцу и за всех, говоря: не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя: да вси едино будут; якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут (Ин. 17:20–21). Велика благодать и любовь Господа в устройении нашего спасения! Не довольствуясь тем, что искупил нас Своей Кровью, Он еще и просил за нас¹ А прося, смотрите, какое Он имел желание: чтобы и мы пребывали в том самом единстве, в каком Отец и Сын едины суть. Отсюда можно уразуметь, как грешат те, которые уничтожают единство и мир, уничтожают то, о чем просил Господь, желавший, чтобы народ Его был спасен, живя в мире, так как Он знал, что вражда не входит в Царство Божие.

Возлюбленнейшие братья! Когда мы стоим на молитве, то должны бодрствовать и прилежать к молению всем сердцем. Да удалится от нас всякое плотское и мирское помышление и дух да помышляет только о том, о чем просит. И священник, предпослав молитве предисловие, приготовляет к тому умы братьев, взывая: горе имеим сердца; и народ в своем ответе: имамы ко Господу — получает напоминание, что ему ни о чем не должно помышлять, как только о Господе. Да будет сердце закрыто от противника; одному Богу будет оно открыто и да не допустит во время молитвы войти в себя врагу Божию! А он часто вторгается и проникает и ловким обманом отвлекает моления наши от Бога, заставляя одно иметь в сердце, а другое выражать голосом, между тем как Господу надобно молиться с искренним вниманием и умолять не звуком голоса, но сердцем и чувством. Что же это за небрежность — во время принесения молитвы Господу отчуждать себя и увлекаться нелепыми и скверными помыслами, как будто у тебя есть думать о чем важнейшем, нежели о том, что ты беседуешь с Богом? И как ты требуешь, чтобы Бог услышал тебя, когда ты сам себя не слышишь? Как хочешь, чтобы Бог во время твоего моления помнил о тебе, когда ты сам о себе не помнишь? Это значит вовсе не остерегаться врага. Это значит, молясь Богу, оскорблять величие Божие небрежностью в молитве. Это значит — бодрствовать глазами, а спать сердцем, между тем как христианин должен бодрствовать сердцем и тогда, когда спит глазами. В Писании, в книге Песнь песней, так говорится от лица Церкви: аз сплю, а сердце мое бдит (Песи. 5:2). Потому-то и апостол с такой заботливостью и осмотрительностью увещевает нас, говоря: в молитве терпите, бодрствующе в

ней (Кол. 4,2). Этим он научает и показывает, что только те получают просимое от Бога, которых Бог видит бдительными в молитве.

Притом молящиеся да не приходят к Богу с бесплодными и пустыми молениями. Недействительно то прошение, которое выражается в молитве, не сопровождаемой делом. Если всякое дерево, не приносящее плода, отсекается и в огонь бросается, то, конечно, и слово, не имеющее плода, не может быть угодно Богу, как лишенное всякого делания. Потому—то Священное Писание говорит в наставление наше: благо молитва с постом и милостынею (Тов. 12:8). Господь, Который в день суда имеет воздать награду за дела и милостыни, и ныне благосклонно выслушивает того, кто приходит с деланием. Так молился Корнилий — сотник — и удостоился быть услышанным. Он подавал много милостыни народу и всегда молился Богу. Ему—то около девятого часа, во время молитвы, явился ангел и, свидетельствуя о его делании, сказал: Корнилие! молитвы твоя и милостыни твоя приидоша на память пред Бога (Деян. 10:3–4). О всегдашней молитве и всегдашнем делании Товии дал свидетельство ангел Рафаил, говоря: дела Божия открывати славно. И ныне, егда молился еси ты и невестка твоя Сарра, аз приноша память молитвы ваша пред Святого: и егда погребал еси мертвые, и егда не ленился еси востати и оставити обед твой, да отшед покроеши мертвого, с тобою бех. И ныне посла мя Бог изцелити тя и невестку твою Сарру. Аз есмь Рафаил, един от седми святых ангелов, иже предстоят и входят пред славу Святаго (Тов. 12:11–15). Подобное внушает и заповедует Господь через Исаию. Разрешай, — говорит, — всяк союз неправды, разрушай обдолжения насилных писаний, отпусти сокрушенныя в свободу и всякое писание несправедное раздери.

Раздробляй алчущым хлеб твой и нищья безкровныя введи в дом твой. Аще видиши нага, одея, и от свойственных племени твоего не презри. Тогда разверзается рано свет твой и изцеления (одежды) твоя возсияют; и предъидет пред тобою правда твоя и слава Божия объмет тя. Тогда воззовеши и Бог услышит тя, и еще глаголющу ти речет: се приидох (Ис. 58:6–9). Бог обещает предстать, говорит, что, выслушает и защитит тех, которые, разрешая в сердце союз неправды и по заповеди Его подавая милостыню домочадцам Божиим, заслуживают быть услышанными Богом, так как и сами они слушаются повелений Божиих. Блаженный апостол Павел, получив от братьев пособие в своей нужде, назвал учиненное ими доброе дело жертвой Богу. Исполнился, — говорит он, — прием от Епафродита; посланная от вас, воню благоухания, жертву приятну, благоугодну Богу (Фил. 4:18). Кто милосердствует о нищих, тот дает взаймы Богу; кто подает меньшим братьям, тот приносит дар Богу, духовно приносит Богу в жертву благовонное курение.

Что касается времен для торжественного совершения молитвы, то мы находим, что Даниил и три отрока, крепкие в вере и победители в пленении, посвящали им час третий, шестой и девятый, предызображая тем Троицу, которая имела открыться в последние времена. В самом деле, считая с первого часа до трех, мы имеем вполне троичное число. Также, от четвертого часа доходя до шести, опять имеем троицу. От седьмого до девятого снова три часа. Таким образом, счет по три часа выражает совершенную Троицу. Эти—то часовые сроки издавна уже соблюдали поклонники Божий, духовно признавая их временами, установленными и узаконенными для молитвы. Впоследствии сделалось явно, что таковые сроки, посвящавшиеся праведниками молитве, заключали в себе таинства. Так, в третьем часу снисшел Дух Святой на учеников и исполнил благодать обетования Господня (Деян. 2:4–15). В шестом часу Петр, — взошедши на горницу, когда сомневался относительно крещения язычников, увидел знамение и услышал голос Бога, наставивший его допускать всех к благодати спасения (Деян. 10:9–16). В шестом же часу Господь распят, а в девятом Он Своей кровью омыл грехи наши и страданием совершил Свою победу, дабы искупить нас и оживотворить.

Но кроме часов, назначенных древле для молитвы, у нас, возлюбленнейшие братья, с

приращением таинств умножились и сроки. Так, надлежит молиться утром для прославления утренней молитвой Воскресения Христова. Это древле обозначил и Дух Святой в псалмах, говоря: Царю мой и Боже мой, яко к Тебе молюся, Господи. Заутра услыши глас мой, заутра предстану Ти, и узриши мя (Пс. 5:3–4). Также Господь говорит через пророка: утренневати будут ко Мне, глаголюще: идем и обратимся ко Господу Богу нашему (Ос. 6:1). Опять необходимо молиться при захождении солнца, к концу дня. Молясь же в конце дня и прося при захождении солнца, да приидет на нас снова свет, мы испрашиваем пришествия Христова, которое имеет подать нам благодать вечного света, потому что Христос есть истинное солнце и истинный день. Днем называет Христа Дух Святой в псалмах. Камень, — говорит, — егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла: от Господа бысть сей, и есть дивен во очесех наших. Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь (Пс. 117:22–24). Солнцем Он назван у пророка Малахии: и возсияет вам, боящимся имене Моего, солнце правды и изцеление в крылех Его (Мал. 4:2). Если же по Священному Писанию Христос есть истинное солнце и истинный день, то христианин не только часто, но и всегда должен воздавать поклонение Богу так, что ни один час не должен быть для него исключением. Сущие во Христе, Который есть истинное солнце и день, мы должны прилежать прошениям и молениям весь день. Да и когда, по закону мирскому, чередуясь преемственной сменой, наступает ночь, то и ночной мрак не может быть препятствием для молящихся, потому что для сынов света — и ночью день. В самом деле, когда же остается без света тот, у кого свет в сердце? Или когда бывает лишен солнца и дня тот, у кого солнце и день — Христос?

Не будем же, пребывающие всегда во Христе, т. е. в свете, оставаться без молитвы и ночью. Возьмем в пример вдову Анну, которая беспрестанно молилась и всегда бодрствовала в угождении Богу, как написано в Евангелии: не отхождаше от Церкви, постом и молитвами служащи день и ночь (Лк. 2:37). Пусть это видят язычники, которые не просвещены еще, и иудеи, которые, оставивши свет, остались во тьме. Мы же, возлюбленнейшие братья, которые всегда находимся во свете Господнем, которые помним и храним то, чем стали с получением благодати, будем и ночь считать за день. Веруя, что мы ходим всегда во свете, да не поглощаемся тьмою, которую мы оставили: и в ночные часы да не будет недостатка в молитвах и тогда да не будут по лености и небрежению оставляемы моления. По благодати Божией воссозданные духовно и возрожденные, станем поступать согласно будущему нашему назначению. Предназначенные к Царству, где будет всегда день, не сменяемый ночью, будем бодрствовать ночью, как бы днем. Предназначенные к всегдашней там молитве и благодарению Богу, не перестанем и здесь молиться и благодарить.

Вот и мир возвращен Церкви, возлюбленнейшие братья, и — что недавно казалось для маловерных трудным, а для неверных невозможным, — помощью и возмездием Господним снова даровано нам спокойствие! Опять становится радостно на душе: буря и облако гонения рассеяны — настала тихая и ясная погода. Должно восхвалить и торжественно возблагодарить Бога за благодеяния и дары Его (хотя и во время гонения уста наши не переставали воссылать Ему благодарение, ибо врагу не дано столько власти, чтобы он отнял у нас возможность всегда и везде благословлять и славословить Господа, — у нас, которые любим Его всем сердцем, всю душою и силою). Наступил желанный всеми день, и после ужасного и страшного мрака продолжительной ночи мир просиял, озаренный Господним светом.

Радостными очами взираем мы на исповедников, славных исповеданием доброго имени, достохвальных своей доблестью и верою; прилепляясь к святым объятиям, с ненасытимой любовью обнимаем так долго желанных. Пред нами светлый сонм воинов Христовых, которые, быв готовы претерпеть темницу, вооружившись к перенесению смерти, стойкостью своею утишили бурю постигшего гонения. Мужественно вы противостояли миру; блистательное зрелище представили Богу; были примером для последующих братьев. Благодетельный голос возглашал Христа, в Которого, по вашему исповеданию, раз навсегда вы уверовали. Славные руки, привыкшие только к божественным действиям, отказались служить при святотатственных жертвоприношениях. Уста, освященные небесной пищей, после Тела и Крови Господней не захотели прикоснуться ни к чему языческому — они оплевали идольские останки. Глава ваша осталась свободной от нечестивого и незаконного покрова, которым покрывались там пленные главы приносивших жертвы; чистое чело с знаменем Божиим не могло носить дьявольского венца — оно сохранило себя для венца Господня. О, с каким восторгом Мать—Церковь принимает в свои объятия вас, возвращающихся с битвы! С каким блаженством и с какой радостью она отворяет свои врата, чтобы соединенными отрядами вошли вы, неся памятники победы над поверженным врагом! С торжествующими мужами приходят и жены, в образе с миром победившие даже свой пол; приходят и девы с сугубой славой своей воинственности, и отроки, доблестями своими превышающие свои лета. За вашей славой следует и остальное множество «устоявших»; с весьма близкими к вашим и почти с одинаковыми достохвальными отличиями и они идут по стопам вашим; и в них — та же искренность сердца, та же целостность непоколебимой веры. Утвержденные на незыблемых основаниях заповедей небесных и укрепленные евангельскими преданиями, они не убоялись ни предписанных ссылок, ни определенных им мучений: ни потери имущества, ни истязаний тела. Для испытания веры назначались сроки; но кто помнит, что он отрекся от мира, тот не знает никакого мирского срока: не помышляет уже о временах земных тот, кто ожидает вечности от Бога. Никто, возлюбленнейшие братья, никто да не уменьшает этой славы; никто злостной клеветой да не умоляет неповрежденной твердости «устоявших». Когда миновал срок, назначенный для отречения от веры, то, кто не отрекся в срок, — тем самым исповедал, что он христианин. Попасть в руки язычников и там исповедать Господа — это первое победное отличие; осторожно скрыться, чтобы чрез это сохранить себя для Господа — это вторая ступень к славе. Там исповедание всенародное; здесь — тайное. Тот побеждает судью мирского; а этот, довольствуясь своим судьей Богом, сохраняет совесть свою чистой в непорочности сердца. Там виднее мужество; здесь покойнее само беспокойство. Тот за приближением своего часа найден уже созревшим; а этому, быть может, только отсрочено: оставивши наследственное достояние, он скрылся для того, что не желал отречься, и он, конечно, исповедал бы Христа, если бы был

схвачен.

Эти небесные венцы мучеников, эти духовные отличия исповедников, эти величайшие и превосходные доблести устоявших братьев помрачает одна скорбь — скорбь о том, что жестокий враг опустошительным своим поражением ниспроверг часть, отторгнутую от наших внутренностей. Что мне делать при этом, возлюбленнейшие братья? Что мне, обуреваемому разными помыслами, и как сказать? Слезы более, чем слова, нужны для выражения той боли, с какой надлежит оплакивать язву нашего тела — многообразную гибель народа, некогда многочисленного. Да и кто был бы столько нечувствителен и жестокосерд, столько чужд братской любви, чтобы, видя многообразные развалины ближних своих, находясь среди плачевных и крайне обезображенных останков их, мог сохранить очи свои сухими и, при вырывающемся невольном рыдании, не обнаружил своего соболезнования слезами прежде, чем голосом? Болезнующую, братья, болезнующую вместе с вами, и к смягчению моей болезни нисколько не служит ни собственная моя непорочность, ни частное здравие: рана, наносимая стаду, преимущественно поражает пастыря. Сердце мое соединено с каждым из вас; с каждым я разделяю тяготу скорби и лишений: с плачущими плачу, с рыдающими рыдаю, с лежащими и себя считаю лежащим. И мои члены вместе с вашими пронзены теми же стрелами неистового врага: те же свирепствующие мечи прошли и через мою утробу. Дух мой не мог быть отстранен и свободен от напасти гонения: в поверженных братьях и меня повергла любовь.

Однако же, возлюбленнейшие братья, надобно быть правдивым; мрачная тьма неприязненного гонения не должна была настолько ослепить ум и чувство, чтобы вовсе не осталось света, не осталось никакого светоча, при котором можно бы усмотреть божественные судьбы. Если узнаем причину поражения, то найдется и врачевство для раны. Господь хотел испытать свою семью, и так как продолжительный мир повредил учение, преданное нам свыше, то сам небесный Промысл восстановил лежащую и, если можно так выразиться, почти спящую веру. При этом, в то время как мы заслуживали большее, всемилостивый Господь расположил все так, чтобы случившееся казалось более испытанием, чем гонением. Ведь стали же все заботиться о приумножении наследственного своего достоинства и, забыв о том, как поступали верующие при апостолах и как всегда поступать должны, с ненасытным желанием устремились к увеличению своего имущества. Не заметно стало в священниках искреннего благочестия, в служителях — чистой веры, в делах — милосердия, в нравах — благочиния. Мужчины обезобразили свою бороду, женщины нарумянили лица. Глаза — творение рук Божиих — искажены; волосы украшены ложью. Прибегают к коварным плутням для уловления сердец простых людей, оболстительными приманками увлекают братьев. Заключают супружеские союзы с неверными, члены Христовы предлагают язычникам. Не только безрассудно клянутся, но и совершают клятвопреступление. С гордой надменностью презирают предстоятелей церкви, ядовитыми устами клеветают друг на друга, упорной ненавистью производят взаимные раздоры. Весьма многие епископы, которые должны увещевать других и быть для них примером, перестав заботиться о божественном, стали заботиться о мирском: оставивши кафедру, покинувши народ, они скитаются по чужим областям, стараясь не пропустить торговых дней для корыстной прибыли, и, когда братья в Церкви алчут, они, увлекаемые любостыжанием, коварно завладевают братскими доходами и, давая чаще займы, увеличивают свои барыши. Чего же претерпеть не заслуживали мы за такие грехи, когда еще прежде, в предостережение наше, высказано было следующее божественное определение: аще оставят закон Мой и в судьбах Моих не пойдут; аще оправдания Моя осквернят и заповедей Моих не сохранят: посещу жезлом беззакония их и ранами неправды их (Пс. 88:31–33)? Все это предвозвещено и заранее нам предсказано. Но мы, не заботясь о данном нам законе и об исполнении его, презрев веления Господни, сделали нашими грехами то, что для исправления преступления и для божественного испытания

потребовались более жестокие средства. И тут—то, хотя бы поздно, обратиться нам к страху Господню, чтобы терпеливо и мужественно подвергнуться этому нашему исправлению и испытанию божественному — так нет! Тотчас, при первых словах угрожающего врага, большое число братьев продало свою веру и, не быв опрокинуто бурей гонения, само себя низвергло добровольным падением.

Что же, скажите, случилось неслыханного, что — нового, чтобы с безрассудной поспешностью предавать таинство Христово, как будто произошло что—нибудь неведомое и неожиданное? Не возвестили ли об этом сперва пророки, а потом апостолы? Не предсказали ли мужи, исполненные Духа Святого, что праведные будут всегда гонимы и угнетаемы от язычников? Божественное Писание, всегда укрепляющее веру нашу и небесным голосом воодушевляющее рабов Божиих, не говорит ли сперва: Господа Бога твоего да убоишия и тому единому послу жиши (Втор. 6:13)? А потом не указывает ли оно на гнев и негодование Божие и не устрашает ли казнью, говоря: и по—клонишася тем, яже сотвориша персты их, и преклонися человек и смирися муж, не претерплю им. (Ис. 2:8–9)? И опять говорит Бог: иже жертву приносите богом, смертью да потребится, но точию Господу единому (Исх. 22:20). Далее. Господь, Учитель в слове и Совершитель в деле, поучая тому, что надлежит делать, и делая то, чему учил, не предвозвестил ли прежде в Евангелии всего, что совершается ныне и будет совершаться? Не предназначены ли Им заранее вечные муки для отвергающихся Его и спасительные награды для исповедующих Его? О нечестие! Все это забыто, все вышло из памяти у некоторых. Они не дожидались даже, чтобы идти, по крайней мере, тогда, когда их схватят; отречься, когда будут спрашивать. Многие побеждены прежде сражения, низвержены без боя и даже не оставили для себя видимого предлога, будто они приносили жертву идолам по принуждению. Охотно бегут на торжище, добровольно поспешают к смерти, — как будто они рады представившемуся случаю, которого всегда ждали с нетерпением! Сколь многим правители делали там отсрочку по причине наступившего вечера и сколь многие просили даже, чтобы не отсрочивали их пагубы! Какую же силу для очищения своего преступления может высказать тот, кто употребил все свое усилие для того, чтобы погибнуть? И неужели, когда он шел к Капитолию, когда приступал к выполнению тяжкого злодеяния, у него не подкашивались ноги, не потем—нялся взор, не трепетала утроба, не ослабевали мышцы? Неужели не притупилось у него чувство, не онемел язык, не иссякло слово? И мог там стоять, говорить и отречься от Христа раб Божий, который уже отрекся от диавола и мира? Неужели жертвенник, к которому он подходил, не был для него костром смертоносным? Не надлежало ли ему устрашиться диавольского алтаря, который видел он дымящимся и издающим смрадный запах, и бежать от него, как от погребального костра, угрожающего его жизни? Что же, несчастный, ты вместе с собою возглашаешь еще жертву для заклания? Ты сам жертва на этом жертвеннике, сам пришел для своего заклания. Ты заклал там свое спасение, свою надежду, теми гибельными огнями ты сжег свою веру.

Для многих недостаточно еще было собственной пагубы — народ подвигнут был к погибели взаимными увещаниями: взаимно предлагали друг другу испить смерть из смертоносного сосуда. Притом для совершенной полноты преступления даже младенцы, принесенные или привлеченные руками родителей, — малолетки, — и они утратили то, что получили вскоре после своего рождения. Не скажут ли они, когда наступит День Суда: «Мы не сделали ничего худого, оставивши пищу и чашу Господню, мы не спешили добровольно на языческое пиршество. Нас погубило чужое вероломство; родителей мы считаем своими убийцами: они отторгли нас от Матери—Церкви, от Отца—Бога, и мы, малые, неразумные, не понимающие важности столь тяжкого злодеяния, стали через других сообщниками беззакония—уловлены чужим коварством. И увы! Нет справедливой и верной причины, которая оправдывала бы такое преступление.

Надлежало покинуть отечество, оставить наследственное достояние: ибо кто из рождающихся и потом умирающих не должен будет когда-то расстаться с отечеством и оставить свое наследство? Только Христа оставлять не нужно; только потери спасения и утраты вечного жилища бояться надобно. Вот Дух Святой взывает через пророка: отступите, отступите, изыдите отсюда и нечистоте не при-касайтесь, изыдите от Среды его, отлучитесь носящий сосуды Господни (Ис. 52:11). А тут те, которые сами суть сосуды Господни и храм Божий, не исходят от среды и не отступают, чтобы избежать прикосновения к нечистоте и не быть принужденными оскверниться идоложервленными яствами! Еще слышится голос с неба, поучающий рабов Божиих, как им следует поступать: изыдите из нея людие Мои, да не причаститесь грехом ея и от язв ея да не вредитесь (Откр. 18:4). Кто исходит и отступает, тот избегает участия в грехе; а кто становится сообщником в преступлении, тот сам подвергает себя ударам. Потому-то Господь и заповедал скрываться и убегать во время гонения: так Он учил и так Сам поступал. Венец даруется по Божиему удостоению, и его нельзя получить, пока не наступит час для принятия его. И потому кто, пребывая во Христе, отступает на время, тот не отрекается от веры, а только ожидает времени. Если же кто, не скрывшись, пал, то, значит, он оставался с намерением отречься. Не следует, возлюбленнейшие братья, скрывать истины, не следует умалчивать о поводе и причине нашего поражения. Многих обманула слепая любовь к наследственному их достоянию: не были готовы и не могли отступить те, которых, подобно путам, связывали их богатства. Это для остающихся были узы, это были цепи, которые задержали их доблесть, подавили веру, победили ум, оковали душу и, привязанные к земному, соделались добычею и пищею змия, пожирающего, по Божьему приговору, землю. Вот почему Господь, наставляя нас добру и предостерегая на будущее время, сказал: аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене (Мф. 19:21). Если бы так поступали богатые, то они не погибали бы через свое богатство; если бы слагали свое сокровище на небе, то у них не было бы теперь домашнего врага и завоевателя: сердце, душа и чувство были бы в небе, если бы на небе было сокровище, и мир не мог бы победить того, у кого ничего не было бы в мире, над чем одерживается победа. Отрешенный и свободный, он следовал бы за Господом, как это делали апостолы и многие при апостолах, как это часто делали и другие, которые, оставивши свое имущество и родных, неразрывным союзом прилепились ко Христу. А то как могут следовать за Христом те, коих удерживают узы наследства? Как достигнуть неба, взойти на высоту и в горня тем, которые отягчены земными пожеланиями? Рабы своего богатства — они почитают себя обладателями, тогда как на самом деле они обладаемы; нет, они не господа, а невольники своих денег!

Это время и этих людей обозначает апостол, говоря: а хотящий богатитися впадают в напасти и сеть и в похоти многи несмыслены и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и гибель; корень бо всем злым сребролюбие есть, егоже нецьи желающе заблудиша от веры и себе пригвоздиша болезнен многим (1 Тим. 6:9–10). Между тем какие награды обещает нам Господь за презрение имуществ? Какими выгодами вознаграждает Он за эти малые и ничтожные временные потери? Никтоже, — говорит, — есть, иже оставит дом, или родителей, или братию, или сестры, или жену, или чада, царствия ради Божия, иже не примет множицею во время сие и в век грядущий живот вечный (Лк. 18:29–30). Зная это и имея верное понятие об истине обетовании Господних, мы должны не только не страшиться, но и желать таковой потери, тем более что Господь снова возглашает и увещевает: блажени будете, егда возненавидят вас человецы и егда разлучат вы и поносят и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческого ради. Возрадуйтеся в тот день и възграйте: се бо мзда ваша многа на небеси (Лк. 6:22–23).

«Но ведь потом наступили истязания и сопротивляющимся угрожали тяжкие муки». Да

разве может ссылаться на истязания тот, над кем одержали верх истязания? Разве может находить извинение в боли тот, кто побежден болью? Он может только умолять, говоря: «Я хотел сразиться мужественно и, помня свою клятву, вооружился доспехами преданности и верных, но в битве пересилили меня, сражающегося, различные мучения и продолжительные истязания. Ум оставался непоколебимым, вера — крепкой, и непреклонная душа долго боролась с мучительными казнями. Но когда зверство жестокосердого судии усилилось и меня, приведенного уже в изнеможение, стали сечь розгами, бить палками, растягивать на деревянной лошади, скребли когтями, жарили на огне, то плоть моя оставила меня в битве, немощь утробы уступила, и не дух изнемог в болезни, а тело». Подобное обстоятельство может содействовать прощению. Подобное оправдание может заслуживать сострадание. Так некогда и здесь Господь даровал прощение Касту и Емилию: побежденных в первой битве Он сделал победителями во второй, и те, кто уступили прежде огню, стали потом сильнее огня и одержали победу над тем, чем прежде были сами побеждены. Но они умоляли о помиловании не слезами, а ранами, не одним только плачевным голосом, а язвами и болезнями тела — вместо рыданий у них текла кровь, из полусожженных внутренностей источалась сукровица. Какие же раны могут теперь показать побежденные, какие язвы зияющих внутренностей, какие повреждения членов, когда не в битве пала вера, но битву предупредило вероломство? Там не может быть приведена в извинение необходимость преступления, где преступление было добровольно.

Впрочем, я говорю это не с тем, чтобы увеличить вины братьев, но чтобы более побудить их к удовлетворительному молению. В Писании сказано: блажащий вас льстят вы и стези ног ваших возмущают (Ис. 3:12). Кто согрешающего нежит льстивыми ласками, тот только более располагает его ко греху и не подавляет преступлений, а питает. Но кто строгими советами избличает и вместе наставляем брата, тот содействует его спасению. Их же аще люблю, — говорит Господь, обличаю и наказываю (Откр. 3:19). Так надлежит и священнику Божию не обманывать льстивыми услугами, но промышлять о спасительных лекарствах. Не искусен тот врач, который слегка только ощупывает напухающие извилины ран: сохраняя заключенный внутри, в глубоких впадинах, яд, он только увеличивает его силу. Надобно открыть рану, рассечь и, очистивши от гноя, приложить к ней сильнейший пластырь. Пусть больной вопиет, пусть кричит, пусть жалуется на нестерпимую боль — он будет потом благодарить, когда почувствует себя здоровым. А то, возлюбленнейшие братья, появился новый род поражения, и, как будто мало свирепствовала буря гонения, для восполнения ее возникло под видом сострадания обольстительное зло и пагуба. Некоторые, вопреки сущности Евангелия, вопреки закону Господа и Бога, по безрассудству своему допускают неосмотрительных к общению, дают им недействительный и ложный мир, пагубный для дающих и несколько не полезный для принимающих. Не ищут выздоровления в терпении и истинного врачевства в удовлетворении. Покаяние изгнано из сердец, изглажено воспоминание о тягчайшем и крайнем беззаконии. Закрываются раны умирающих, и смертельная язва, глубоко внедрившаяся внутри, прикрывается притворным состраданием. Возвращающийся от жертвенников диавольских, с нечистыми и зараженными гарью руками, приступают к святыне Господней. Отрыгающие идольские яства устами, еще и теперь выдыхающими их беззаконие и пахнувшими роковою заразою, принимают Тело Господне, несмотря на то что Божественное Писание воспрещает это, взывая громогласно: всяк чистый да снесет мяса; душа же яже аще снесет от мяс жертвы спасения, яже есть Господу, и нечистота его на нем, погибнет душа она от людей своих (Лев. 7:19–20). То же свидетельствует и Апостол, говоря: не можете Чашу Господню пити и чашу бесовскую; не можете трапезе Господней причагчитися и трапезе бесовстей (1 Кор. 10:21). Он же делает следующую угрозу упрямым и непокорным: иже аще яст хлеб сей, или пиет Чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господни (1 Кор. 11:27). Ни во что вменивши сие и презревши все это,

прежде чем загладить свои грехи, исповедать свое преступление, очистить совесть Таинством покаяния и возложением руки священнической умилоствить Господа, негодующего и угрожающего за нанесенное Ему оскорбление, — насилуют Тело Его и Кровь и, таким образом, руками и устами грешат теперь против Господа более, нежели тогда, когда отверглись Господа. Считают миром то, что некоторые в лживых словах предлагают им как мир. Нет—это не мир, но брань. Для чего неправду называть благодеянием? Для чего нечестию придавать название благочестия? Для чего, воспрепятствовав покаянному рыданию, притворно вступать в общение с теми, которые постоянно должны рыдать и умолять своего Господа? Для падших это то же, что град для плодов, буря для дерев, моровая язва для стад, ураган для кораблей. Отнимают утешение вечной награды, вырывают с корнем дерево, гибельной речью неприметно увлекают к смертельной заразе, направляют корабль на подводные скалы, чтобы он не вошел в пристань. Не приносит мира это потворство, но уничтожает; не дает оно общения, но служит препятствием к спасению. Это другое гонение, другое искушение, в котором хитрый враг, продолжающий еще нападение на падших, производит тайное опустошение тем, что прекращается рыдание, замолкает болезнь, подавляется вздох сердечный, останавливаются слезы, и падшие перестают продолжительным и полным покаянием умилоствлять оскорбленного Господа, тогда как в Писании сказано: помяни, откуда спал еси, и покайся (Откр. 2:5).

Пусть никто себя не обманывает, пусть никто не обольщает себя. Один только Господь помиловать может; Он только один может даровать отпущение грехов, против Него соделанных, так как Он и понес грехи наши, и за нас болезновал, и Его Бог предал за грехи наши. Человек не может быть выше Бога, и раб не может отпустить по своему снисхождению или даровать то, что как тяжкий грех соделано против Господа. Пусть же к преступлению падшего не прибавляется еще и незнание сказанного в Писании: проклят человек, иже надеется на человека (Иер. 17:5). Господа умолять должно; Господа надобно умилоствлять нашим покаянием. Который сказал, что Он отвергается отвергающегося, и Который один принял весь суд от Отца. Мы веруем, что весьма много могут у Судии заслуги мучеников и дела праведников, но это относится к тому времени, когда с кончиною сего века и мира пред судилищем Христовым предстанет народ Его. Между тем если кто думает, что он — безрассудный неблагоприятной своей поспешностью может даровать каждому отпущение грехов или дерзает отменять заповеди Господни, то он не только не помогает, но и вредит падшим. Не подчиняться приговору, думать, что не должно молить Бога о милосердии и, презревши Господа, понадеяться на собственную свою силу — значит призывать на себя гнев.

Под алтарем Божиим души избивенных мучеников взывают громким голосом: доколе, Владыко святой и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей от живущих на земли? (Откр. 6:10). И между тем им повелевается успокоиться и потерпеть еще. Хорошо ли поэтому желать, чтобы кто-либо мог, вопреки Судии, прощать без разбора и отпускать грехи, защитить других, не будучи прежде сам отмщен? Заповедуют мученики сделать что-нибудь? Если это справедливо, позволительно, не противно самому Господу, то священник Божий должен сделать: легко и удобно согласиться на исполнение, когда в прощении соблюдена умеренность. Заповедуют мученики сделать что-нибудь? Если заповедуемое не написано в законе Господнем, то прежде надобно узнать, испросили ли они от Господа то, что требуют, — и тогда уже сделать заповедуемое: ибо не всегда дозволено бывает величием Божиим то, на что дано обещание человеческое. И Моисей просил когда-то за грехи народа, но не испросил прощения согрешающим. Молюся ти, — говорил он, — Господи: согрешиша людие сии грех велик, и сотвориша себе боги златы. И ныне, аще убо оставиши им грех их, остави; аще же ни, изгладя мя из книги Твоя, в нюже вписал еси. И рече Господь к Моисею: аще кто согреши предо Мною, изгладю его из книги Моя (Исх. 32:31–33). Он — друг Божий, часто лицом к лицу беседовавший

с Господом, — не мог получить просимого и своим молением не загладил оскорбления, навлекшего негодование Божие! Бог похваляет Иеремию и говорит о его предназначенности: прежде, неже Мне создати тя во чреве, познах тя; и прежде, неже изыти тебе из ложе сна, освятих тя, пророка во языки поставил тя (Иер. 1:5); и однако, когда тот часто молился и просил за грехи народа. Бог сказал: ты же не молися о людех сих и не проси, еже помилованным быти им, и не моли ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя (Иер. 7:16). Кто праведнее Ноя, который один найден праведным тогда, как вся земля исполнена была грехов? Кто славнее Даниила, тверже его крепостию веры в перенесении мучений? К кому Бог благоволил более, как не к нему, столько раз побеждавшему в борьбе и при победе остававшемуся в живых? Кто деятельнее Иова, тверже его в искушениях, терпеливее в болезни, покорнее в страхе, истиннее в вере? И однако, когда пророк Иезекииль умолял за преступление народа. Бог сказал, что, если бы и те умоляли. Он не уважил бы их моления. Земля аще согрешит Ми, — говорит Он, — еже пастися грехом, и простру руку Мою на ню и сотру утверждение хлебное, и пушу на ню глад, и возму с нея человеки и скоты. И аще будут сии трие мужи среди ея, Ное и Даниил и Иов... ни сынове ни дщери их спасутся, но токмо сии едина спасутся (Иез. 14:13–14; 16). Итак, все, о чем просят, зависит не от рассуждения просящего, но от произволения дающего, и человеческое решение нисколько не имеет значения и силы, если оно не подтверждено судом Божиим. Но Господь говорит в Евангелии: всяк, иже испо-вествь Мя пред человеки, исповею его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех; иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз (Мф. 10:32–33). Если же Он не отвергается отвергающегося, то и исповедующего не исповедует. Евангелие не может в одном быть стойким, а в другом уступчивым — либо то и другое должно остаться в силе, либо то и другое должно утратить силу истины. Если отвергающиеся не будут виновны в преступлении, то и испове-дующие не получают награды за свою доблесть. Далее, если венчается та вера, которая победила, то необходимо, чтобы и побежденное вероломство было наказано. Таким образом, мученики или ничего не могут сделать, если Евангелие может быть нарушено; или если оно нарушено быть не может, то и не могут ничего противного Евангелию делать те, кто становятся мучениками по Евангелию.

Никто, возлюбленнейшие братья, никто да не бесчестит достоинства мучеников, никто да не отнимет у них славы и венцов. У них непоколебима сила невредимой веры, и не может ни говорить, ни делать чего-либо противного Христу тот, у кого вся надежда и вера и доблесть во Христе. Не могут от епископов требовать ничего противного велению Божию те, кто сами исполнили веления Божий. И кто же это — больший от Бога, превосходящий Его благостью своим милосердием, кто захотел бы уничтожить то, что допущено Богом, или пришел бы к той мысли, что он может поддержать нас своею помощью, как будто у Бога мало могущества для защиты своей Церкви? Неужели же это сделалось без ведома Божия? Неужели все произошло без Его допущения? Божественное Писание вразумляет неразумных и в напоминание забывающим говорит: кто даде на разграбленные Иакова и Исраиля пленяющим его? Не Бог ли. Ему же согрешиша и не восхотеша в путех Его ходити, ни слушати Его? И наведе на ня гнев ярости своея (Ис. 42:24–25). И в другом месте оно свидетельствует так: еда не может рука Господня спасти? или отягчил есть слух свой, еже не услышати? Но греси ваши разлучают между вами и между Богом, и грех ради ваших отврати лице свое от вас, еже не помиловати (Ис. 59:1–2). Обратим же особенное внимание на грехи наши и, разобрав свои действия и душевные тайны, взвесим заслуги нашей совести. Припомним, что мы не ходили в путях Господних, отвергли закон Бога, никогда не хотели соблюдать спасительных заповедей Его и велений. И что доброго скажешь ты о том, какой страх или какую веру припишешь тому, кого не могла исправить опасность и само гонение не преобразовало? Гордая и прямая выя не согнулась, несмотря на то что пала; надменный и высокомерный дух не укротился, несмотря на то что он побежден. Лежащий

угрожает стоящим, раненый — неповрежденным, и святотатец негодует на священников Божиих за то, что не вдруг допускают его к принятию нечистыми руками Тела Господня и к питию оскверненными устами Крови Господней. О крайнее твое безумие, неистовый! Негодуешь на того, кто старается отратить от тебя гнев Божий; угрожаешь тому, кто умоляет за тебя милосердие Божие, кто чувствует рану твою, которой ты не чувствуешь, проливает за тебя слезы, которых сам ты, быть может, не проливаешь. Ты тем отягчаешь только и увеличиваешь свое преступление и, будучи сам неумолим к предстоятелям и священникам Божиим, неужели думаешь, что Господь может быть к тебе милостив? Лучше прими и допусти к себе то, что мы говорим. Отчего глухие уши твои не слышат спасительных заповедей, нами высказываемых? Отчего слепые очи не видят покаяния, нами указуемого? Отчего пораженный и отчужденный ум не понимает жизненных пособий, которые мы извлекаем и предлагаем из небесных Писаний?

Впрочем, если у неверующих нет веры в будущее, то пусть устрашит их, по крайней мере, настоящее. Вот у нас пред глазами казни, постигшие отрекшихся Христа, которых печальный исход мы оплакиваем. Не могут они остаться без наказания и здесь, хотя и не наступил еще день наказания: наказываются некоторые временно, чтобы другие исправились; мучения для немногих — примеры для всех. Так, один, взошедший в капитолий для отречения, как только отрекся Христа, — онемел. Наказание началось с того, с чего началось преступление, так что, лишенный дара слова для испрошения помилования, он не мог уже и просить. Другая, находясь в бане (ибо к преступлению и грехам ее не доставало только того, чтобы отправиться тотчас в баню, как скоро она утратила благодать жизненной купели), нечистая, будучи схвачена нечистым духом, искусала свой язык, которым нечестиво или вкушала, или говорила. После принятия беззаконной пищи раъярившиеся уста вооружились на собственную погибель. Сама она сделалась своим палачом и после того не могла—долго оставаться в живых: она скончалась, измученная болезнями чрева и внутренностей. А вот послушайте, что случилось при мне, чему я сам был свидетель. Какие-то родители, убегая, в тревоге и суматохе оставили маленькую дочь свою на попечении кормилицы. Та отнесла ее к правителям; а они — так как малютка не могла, по малолетству, есть мяса — дали ей съесть пред идолом, куда стекался народ, хлеба, смешанного с вином, оставшимся от идоложертвенных приношений. Впоследствии дочь была передана матери. Но девочка не могла ни обнаружить, ни высказать совершившегося злодеяния так же, как она не могла и прежде ни понимать его, ни воспротивиться ему. Итак, по неведению случилось, что мать принесла ее с собою, когда мы совершали Божественную службу. Малютка, очутившись среди святых и не в состоянии будучи выдержать наших молитв и молений, стала всхлипывать и как умоиступленная метаться во все стороны: юная душа в столь нежном возрасте, как будто под пытку палача, выказывала всевозможными знаками сознание своего преступления. Когда же по окончании Божественной службы диакон стал подносить чашу присутствующим и, по принятии прочими, дошла до нее очередь, — малютка, по вдохновению свыше, отвортила свое лицо, стиснув губы, зажала рот, отказывалась от чаши. Однако диакон настоял и, несмотря на сопротивление, влил ей в рот немного таинства. Тогда последовала икота и рвота: Евхаристия не могла оставаться в теле и устах поврежденных внутренностей. Такого могущество, такого величие Господа! Пред светом Его явны самые темные тайны, и сокрытые преступления не обманули священника Божия. Рассказанный случай относится к дитяти, которое, по малолетству, не могло объявить о чужом в отношении себя злодеянии. А вот другой случай: во время нашего священнодействия тайно подошла одна совершеннолетняя и в зрелом уже возрасте женщина и, восприяв не пищу, но меч для себя, проглотив как бы смертельный яд, стала мучиться и корчиться, как бы в горячке, и затем, претерпевши болезнь не гонения, но своего греха, в корчах и судорогах скончалась. Недолго оставалось ненаказанным укрытое преступление притворной совести: обманувшая человека нашла мстителя в Боге. Другая

женщина, покусившаяся недостойными руками открыть ковчег свой, в котором хранилась святыня Господня, была утрашена исшедшим оттуда огнем и не посмела прикоснуться. Также некто, тоже оскверненный, дерзнувший, по совершении священником Божественной службы, принять часть таинства вместе с прочими, не мог ни вкусить святыни Господней, ни коснуться ее: открывши руки, он увидел, что несет в них пепел. Этим случаем указано, что Господь отступает, когда отрекаются Его, и что приемлемое нисколько не служит к спасению недостойных, так как спасительная благодать по удалении святости обращается в пепел. А как много не приносящих покаяния и не приходящих к сознанию своего греха ежедневно овладеваются злыми духами! Как много, теряя совершенно рассудок, мучатся неистовым беснованием! Впрочем, нет надобности следить за исходом каждого: при многообразии злоключений в мире наказание за грехи бывает столь же различно, сколь велико число согрешающих. Лучше пусть всякий поразмыслит не о том, что потерпел другой, но о том, что потерпеть заслуживает он сам. Никто не думает, что он избежал казни, если она на время отсрочена; тем более да утрашится он той казни, которую гнев Судии Бога предоставил себе.

Пусть также и те, которые, хотя и не осквернили рук нечестивыми жертвами, однако запятнали свою совесть записями (*libellis*), не льстят себя тем, будто им не нужно каяться. Ведь и это есть признание отрекающегося; то, что было, свидетельствует о христианине отказывающемся: он признал себя сделавшим то, что другой учинил на самом деле по его поручению. А как в Писании сказано: никтоже может двема господинома работати (Мф. 6:24), то тот служил мирскому господину, кто исполнил его повеление и повиновался более приказанию человеческому, чем Богу. Пусть ему кажется, что учиненное им должно представиться в глазах людей менее безобразным и преступным. Однако он не мог укрыться и убежать от Бога Судии, когда Дух Святой говорит в Псалмах: несоделанное мое видес-ти очи Твои (Пс. 138:16); и опять: человек зрит на лице. Бог же зрит на сердце (1 Цар. 16:7). Также и сам Господь напоминает и предвещает о том, говоря: и уразумеют вся церкви, яко Аз есмь испытали сердце и утробы (Откр. 2:23). Видит Он и скрытое, усматривает тайное и сокровенное. Никто не может укрыться от очей Бога, Который говорит: Бог приближайся Аз есмь, а не Бог издалеча. Аще утаится кто в сокровенных, и Аз не узрю ли его? Еда небо и землю не Аз наполняю (Иер. 23:23–24)? Видит Он сердечные расположения каждого; будет судить не по одним делам, но и по словам и помышлениям нашим; пред Ним явны мысли и желания, возникшие в сокровенных тайниках сердца. Наконец, насколько выше по вере, лучше по страху те, которые, хотя не сделали преступления ни через жертвоприношения идолам, ни через записи, однако по тому одному, что думали об этом, — с болезнью и искренностью исповедуют это перед священниками Божиими, очищают совесть признанием, слагают бремя своего духа, ищут спасительного лекарства для своих малых и легких ран, памятуя сказанное в Писании: Бог поругаем не бывает (Гал. 6:7). Нельзя насмеяться и поругаться над Богом, нельзя обмануть Его никаким хитрым лукавством. Да тот и грешит более, кто, рассуждая о Боге как о человеке, думает избежать наказания за преступление, когда преступление учинено им тайно. Христос в своих заповедях говорит: иже аще постыдится Мене, и Сын человеческий постыдится Его (Мф. 8:38). И христианином считает себя тот, кто стыдится или боится быть христианином? Как может быть со Христом тот, кто стыдился или боится принадлежать Христу? Конечно, он менее согрешил, не видя идолов, не отрицая святости веры в глазах предстоящего и ругающегося народа, не пятная рук своих идольскими жертвами, не оскверняя уст нечистыми яствами. Все это содействует тому, чтобы вина была менее, но никак не тому, чтобы совесть осталась невинной. Ему легче достигнуть прощения в преступлении, но он не свободен вовсе от преступления. Пусть же не перестает приносить покаяние и просить Господа о помиловании, дабы то, что в качестве греха представляется малым, не сделалось большим через

пренебрежение покаяния.

Умоляю вас, возлюбленнейшие братья! Пусть каждый исповедует свой грех, пока согрешивший находится еще в этом мире, пока исповедь его может быть принята, пока удовлетворение и отпущение, при посредстве священников, угодно Господу. Обратимся к Господу всей мыслью и, выражая раскаяние в преступлении истинной скорбью, будем умолять милосердие Божие. Пред ним да повергнется душа, Ему да удовлетворит скорбь, на Него да возложится вся надежда! А как мы должны молиться, Он сам научает. Обратитесь, — говорит, — ко Мне всем сердцем вашим в посте и в плачи и в рыдании, и расторгните сердца ваша, а не ризы (Иоил. 2:12). Обратимся ко Господу всем сердцем, умилюем Его гнев и негодование, как Сам Он внушает, постом, плачем и рыданием! Но можно ли считать сетующим от всего сердца, умоляющим Господа постом, плачем и рыданием того, кто с самого начала преступления моется ежедневно в бане с женщинами, кто, пресыщаясь обильными пиршествами, утучняя себя жирными блюдами, на другой еще день отрыгает не переварившуюся пищу и не разделяет своих яств и пития с нуждающимися нищими? Как оплакивает свою смерть тот, кто выступает весело и радостно, и когда в Писании сказано: да не бри-ете брад ваших (Лев. 19:27), бреет бороду и лицо свое украшает? Или он старается понравиться кому-либо теперь, когда стал противен Богу? Неужели также стенает и сетует та, которая наряжается в драгоценную одежду, а об утраченной ею одежде Христовой не помышляет? Которая надевает на себя дорогие украшения и художественные ожерелья и не оплакивает потери божественного и небесного убранства? Да хотя бы ты нарядилась в заграничные одежды и шелковые платья, ~ ты нага. Хотя бы ты разукрасила себя и золотом, и жемчугом, и драгоценными камнями, — без украшения Христова ты безобразна. Убирающая свои волосы, перестань, по крайней мере, делать это теперь — в скорбях! Натирающая черным порошком брови, омой, по крайней мере, теперь очи твои слезами! Ведь если бы ты утратила через смерть кого-либо из милых тебе, то верно ты сетовала бы и плакала, — неубранным лицом, переменною одежды, нерасчесанными волосами, пасмурным видом и отвислыми губами выразила бы скорбь свою. Но ты, несчастная, утратила свою душу; умерши духовно, пережила здесь самое себя и, ходя, носишь труп свой; а между тем ты не плачешь горько, не скорбишь постоянно, не уединяешься, чтобы или скрыть стыд преступления, или продолжать сетование! Вот это и есть худшая греховная рана, это и есть большее преступление — согрешить и не каяться, учинить преступление и не оплакивать его! Славные и благородные отроки, Анания, Азария и Мисаил, не почли ненужным исповедаться Богу, даже среди пламени и огня раскаленной печи; будучи покойны в совести, не раз угодив Господу засвидетельствованием своей к Нему веры и страха, они, однако, и среди блистательных доказательств своих доблестей не переставали сохранять смирение и удовлетворять Господу. Божественное Писание говорит, что Азария, стоя, молился и, открывши свои уста, вместе с товарищами исповедался Богу посреди огня (Дан. 3:25–45). Так же и Даниил, несмотря на многократное одобрение его веры и непорочности, несмотря на то, что Господь часто являл ему свое благоволение за его доблести и достохвальные качества, старается еще угодить Богу постом, подвергается во вре-тищи и в пепле, принося исповедание и говоря: Господи Боже великий и чудный, храняй завет Твой и милость Твою любящим Тя и хранящим заповеди Твоя! Согрешихом, беззаконовахом, нечество-вахом, и отступихом и уклонихомся от заповедей Твоих и от судов Твоих и не послушахом раб Твоих пророков, иже глаголаша во имя Твое к царем нашим и всем людем земли. Тебе, Господи, правда, нам же стыдение (Дан. 9:4–7). Вот как в угождение величеству Божию поступали люди кроткие, простые и непорочные; а ныне отказываются удовлетворять Господу и умолять Его те, которые отреклись от Господа!

Молю вас, братья, прибегнете к спасительным средствам, послушайте здравых советов: с нашими слезами соедините ваши слезы, к нашим стенаниям присовокупите ваши стенания! Мы

просим вас для того, чтобы нам можно было просить за вас. К вам прежде обращаем те моления, которыми умоляем Господа о вашем помиловании. Принесите полное покаяние, докажите скорбь болезнующего и сетующего духа! Пусть вас не смущает нерассудительное заблуждение или тщеславное безрассудство некоторых, которые, будучи одержимы столь тяжким преступлением, вместе с тем поражены слепотою ума, чтобы не понимать и не оплакивать согрешений. Это величайшее наказание разгневанного Бога, как говорится в Писании: напои вас Господь духом умиления (Ис. 29:10); и опять: зоне любви истины не приаща во еже спастися им; и сего ради послет им Бог действие лети, во еже веровати им лжи, да суд примут вси не веровавший истине, но благоволивший в неправде (2 Фес. 2:10–12). Довольные собою в неправде, обезумевшие от извращения пораженного ума презирают заповеди Господни, пренебрегают врачеванием раны, не хотят приносить покаяния. Нерассудительные прежде совершения злодеяния, они и после злодеяния упрямы; нестойкие прежде, они и потом непокорны. Когда должны были стоять, — они лежали; когда должны лежать и повергаться пред Богом, — они находят нужным стоять. Сами себе присвоили мир, которого никто не дает им. Обманутые ложным обещанием и соединившись с отступниками и вероломными, принимают ложь за истину; считают непременно общение с теми, которые не имеют с ними общения; верят людям вопреки Богу, тогда как не поверили Богу вопреки людям. Избегайте, сколько можете, подобных людей! Со спасительной осторожностью удаляйтесь от тех, которые прилепляются к пагубному их союзу! Слово их распространяется, как рак (2 Тим. 2:17); беседа переходит, как зараза; вредоносная и ядовитая уверенность убивает хуже всякого гонения. Там остается покаяние, которое могло бы удовлетворить, но отвергающие раскаяние в преступлении преграждают путь к удовлетворению. Таким образом, когда одни по безрассудству обещают ложное спасение, а другие тому верят, — отнимается надежда на истинное спасение.

Вы же, возлюбленнейшие братья, питающие в себе страх Божий, которых дух хоть и пал, однако помнит о своем бедствии, — внимательно, с покаянием и сокрушением, рассмотрите грехи ваши, познайте всю тяжесть преступления совести, откройте сердечные очи к уразумению вашего согрешения, не отчаиваясь, впрочем, в милосердии Господа, но и не присваивая уже себе прощения. Бог всегда любвеобилен и благ как Отец; но Он же и страшен своим величием как Судия. Сколь много мы согрешили, столь тяжко должны и плакать. Глубокую рану надобно врачевать прилежно и долго. Покаяние не должно быть менее преступления. Думаешь ли ты, что скоро можно умилоствити Бога, Которого ты отрекся вероломными словами, Которому предпочел наследственное достояние, Которого храм осквернил святотатственной заразой? Думаешь ли ты, что легко тебе получить помилование от Того, Кого ты не признал своим? Надобно молиться усерднее и просить; надобно проводить день в рыдании, ночи — в бдении и слезах, все время наполнить плачевным сетованием, повергшись, прикинуть к земле, валяться в пепле, во вретии—ще и в грязи, после утраченной одежды Христовой не желать уже никакого убранства, после пищи диавольской возлюбить пост, прилежать к добрым делам, которыми очищаются грехи, подавать часто милостыню, которой души освобождаются от смерти. То, что похитил враг, да примет Христос. Не должно уже ни беречь, ни любить наследства, которым кто—либо был обманут и побежден. Надобно удаляться от имущества, как от неприятеля, убегая от него, как от разбойника, бояться, как меча и яда для обладающих им. То, что осталось, да послужит к тому только, чтобы искупить им преступление и вину. Неукоснительно и щедро да употребится оно на добрые дела, весь доход пусть издержится на врачевание раны, все наше богатство и имущество пусть будет отдано для приращения Господу, Который будет судить нас. Так процветала вера при апостолах! Так первые христиане исполняли веления Христовы! Они с готовностью и щедростью отдавали все апостолам для раздела и тем искупали не такие грехи.

Если кто будет молиться от всего сердца, если будет выражать раскаяние истинным

сетованием и слезами, если праведными и непрестанными делами преклонит Господа на отпущение греха, то такого может помиловать Тот, Кто обещал свою милость, говоря: егда возвратися воздохнеши, тогда спасешия и уразумеши, где еси был (Ис. 30:15); и опять: не хочу смерти грешника [умирающего], но еже обратитися и живу быти ему (Иез. 33:11). Также и пророк Иоиль объявляет о милосердии Господнем по внушению самого Господа: обратитесь, — говорит, — ко Господу Богу вашему; яко милостив и щедр есть, долготерпелив и многомилостив и раская–вайся о злобах (Иоил. 2:13). Он может даровать помилование, может отклонить приговор свой. Он может милостиво простить кающемуся, добро делающему, молящемуся; может зачислить за таковым то, о чем просили мученики и священники. А кто особенно подвигнет его своим удовлетворением, кто гнев Его и оскорбление, сделавшееся причиной Его негодования; умилоствит праведным молением, тому Он снова дарует оружие, в которое побежденный мог бы облечься, возобновляет и укрепляет силы для ободрения восстановленной веры. Снова вступит воин в свое сражение, снова повторит брань, вызовет врага, но сделавшись уже через болезнь более сильным для борьбы. Кто таким образом удовлетворит Богу, кто, раскаявшись в своем проступке и устыдясь своего греха, через самую болезнь падения, приобретет более доблести и веры, тот, услышанный и вспомоществуемый Господом, Которого огорчил недавно, обрадует Церковь и заслужит от Бога не только прощение, но и венец.

Книга о ревности и зависти

Ревность кажется тебе делом хорошим, а некоторые считают легким и маловажным грехом завидовать тем, возлюбленнейшие братья, которые лучше их. А считая грехом легким и маловажным, не боятся его; не боясь, пренебрегают им; пренебрегая же, не избегают его, и таким образом совершается невидимая и тайная пагуба: будучи едва заметной для того, чтобы предусмотрительные могли уберечься от нее, она скрыто повреждает умы неосмотрительные. Между тем Господь повелел нам быть мудрыми, заповедал быть крайне «сторожными, чтобы враг, который всегда бодрствует и непрестанно подстерегает нас, вторгшись в сердце, не раздул из искр пожара, не превратил малого в большое и, убаюкивая небрежных и неосторожных легким дыханием и тихим веянием, не возбудил вихрей и бурь и через то не разрушил веры и спасения, не разбил самой жизни.

Итак, надобно бодрствовать, возлюбленнейшие братья; надобно всеми силами стараться противопоставить тщательное и полное бдение врагу, который, свирепствуя, направляет на все части тела свои стрелы, могущие поразить и ранить нас. Убеждая нас к этому и поучая, апостол Петр говорит в своем Послании: Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити (1 Пет. 5:8). Он обходит каждого из нас и, как неприятель, обложивший крепость, осматривает стены и испытывает, нет ли в них какой части не столь укрепленной и прочной, через которую можно было бы проникнуть внутрь. Глазам он представляет соблазнительные образы и нетрудные забавы, чтобы посредством зрения подорвать целомудрие; увлекает ухо веселыми песнями, чтобы посредством слышания сладких звуков поколебать и ослабить христианскую силу; вызывает язык на злословие и, раздражая обидами, подстрекает руку на наглое убийство; выставляет неправедные барыши, чтобы приучить к барышничеству; вводит пагубные сбережения, чтобы пристрастить душу к деньгам; обещает земные почести, чтобы отнять небесные; выставляет на вид ложное, чтобы похитить истинное. Всегда озабоченный поражением рабов Божиих, всегда неприязненный, коварный во время мира, жестокий во время гонения, он, когда не может обольстить тайно, грозит открыто и явно, устрашая ужасами гонения. Поэтому, возлюбленнейшие братья, необходима стойкость нашему духу: он должен быть настроен и вооружен как против всех тайных козней диавола, так и против явных угроз его, должен быть готов к отражению их так же, как враг всегда готов к нападению. А как стрелы, пускаемые втайне, многочисленнее и поражение скрытое и потаенное тем тяжелее и чаще причиняет раны, чем менее оно предусматривается, то мы должны быть бдительными, чтобы все подобное понимать и отражать, а сюда—то и относится зло ревности и зависти.

Кто вникнет в дело, найдет, что христианину надлежит более всего беречься и с особенной осмотрительностью заботиться, чтобы не увлечься злобой и завистью, чтобы брат, опутанный скрытыми сетями тайного врага, возымев от ревности вражду на брата, не поразил себя, сам того не зная, собственным своим мечом. Чтобы полнее представить это и яснее понять, обратимся к началу и источнику, посмотрим, откуда и как началась ревность; ибо легче нам будет избегнуть столь пагубного зла, если мы будем знать его происхождение и великость. В самом начале мира диавол первый погиб от этого зла и сделался губителем. Он, украшенный ангельским величием, угодный и любезный Богу, возревновал и предался враждебной зависти, увидевши человека созданным по образу Божию, и затем, подстрекаемый ревностью, сам низвержен ревностью прежде, чем низверг другого, пленен прежде, чем пленил, погиб прежде, чем погубил, и, возжелав из—за зависти отнять у человека благодать дарованного ему бессмертия, сам утратил то, чем был прежде. Каково же это зло, возлюбленнейшие братья, от которого пал ангел, которое

могло опутать и низвергнуть столь высокую и превосходную тварь, которое обольстило самого обольстителя? С тех пор зависть свирепствует на земле и гибнет от зависти, кто повинуется учителю гибели, подражает диаволу, кто ревнует, как сказано в Писании; завистию же диаволю смерть вниде в мир; а ему подражают все, которые суть от его части (Прем. 2:24). Наконец, первая вражда между первыми братьями и нечестивые братоубийства начались с того, что неправедный Каин поревновал праведному Авелю, что злой возненавидел доброго, позавидовал ему; бешеная ревность столько имела силы для совершения злодеяния, что забыта и братская любовь, и тяжесть греха, и страх Божий, и казнь за преступление: неправедно подавлен тот, кто первый показал праведность, подвергся ненависти не умевший ненавидеть, умерщвлен незаконно тот, кто и умирая не сопротивлялся. От ревности также Исав сделался врагом брата своего Иакова: так как последний получил благословение от отца, то зависть подвигла Исава на вражду и преследование. В ревности заключается причина и того, что Иосиф продан был своими братьями: по простоте своей он рассказал им, как брат братьям, свои видения, пророчившие ему возвышение, и враждебный дух их исполнился зависти. Да и что, если не ревность, возбудило в царе Сауле ненависть к Давиду, так что он, часто преследуя невинного, милосердного, кроткого, смиренно-терпеливого, желал его смерти? Когда убит был Голиаф и по умерщвлении, помощью и содействием Божиим, такого врага народ выразил свое удивление торжественными песнями в честь Давида, тогда Саул позавидовал тому и им овладела ярость злобы и гонения. Но, не останавливаясь долго на отдельных примерах, обратим внимание на гибель народа, раз навсегда пропащего. Не оттого ли погибли иудеи, что они лучше захотели завидовать Христу, чем верить? Понося великие Его деяния, они обольщены были слепой ревностью и не могли открыть сердечных очей для созерцания дел божественных.

Помышляя об этом, возлюбленнейшие братья, бдением и мужеством оградим сердца наши, посвященные Богу, от столь пагубного зла. Смерть других да послужит к нашему спасению; казнь неосмотрительных да принесет здравие осмотрительным.

Неверно мнение тех, которые думают, что это зло имеет один вид или что оно кратковременно и заключено в тесных пределах. Гибель от ревности далеко простирается: она многообразна и многоплодна. Это — корень всех зол, источник опустошений, рассадник грехов, причина преступлений. Отсюда возникает ненависть, отсюда происходит задор. Ревность возжигает корыстолюбие, когда кто не может довольствоваться своим, видя другого богаче. Ревность возбуждает честолюбие, когда видишь другого в почестях выше тебя. Коль скоро ревность ослепила наши чувства и овладела тайными помыслами, тотчас презирается страх Божий, пренебрегается учение Христово, не помышляется о дне суда, надмеваются гордость, усиливается жестокость, умножается вероломство, мучит нетерпение, свирепствует раздор, кипит гнев, — и не может уже удержать себя или управлять собою тот, кто подпал чужой власти. Отсюда — разрыв связи мира Господня, нарушение братской любви, извращение истины, рассечение единства; отсюда — переход к ересям и расколам, когда кто поносит священников, завидует епископам, жалуется, почему не он поставлен, или не хочет признавать другого начальником. Отсюда происходит то, что восстает и упорствует от ревности нечестивец, от задора и зависти враг, — враг не человека, но почести.

И какой это червь для души, какой яд для помыслов, какая ржавчина для сердца — ревновать доблести или счастью другого, т. е. ненавидеть в нем или собственные его заслуги, или благодеяния Божий, обращать в свое зло блага других, мучиться благополучием знатных людей, славу других делать для себя казнию и к сердцу своему приставлять как бы неких палачей, к помыслам и чувствам своим приближать мучителей, которые терзали бы их внутренними мучениями, раздирали тайники сердца когтями зложелательства! Не радостна для таковых пища, и питье не может быть приятно; они постоянно вздыхают, стонут, скорбят; и как

ревность никогда не оставляет завидующих, то сердце, днем и ночью обладаемое ею, терзается непрерывно. Любое другое зло имеет свой предел, и всякий грех оканчивается совершением греха: в прелюбодее преступление прекращается по совершении любоддеяния; в разбойнике злодеяние затихает по учинении человекоубийства; у грабителя хищничество останавливается похищением добычи; у лжеца мера полагается выполнением лжи. Ревность же не имеет предела — это зло, пребывающее непрерывно, это грех без конца! И чем более обстоятельства благоприятствуют тому, на кого обращена зависть, тем более завидующий возгорается пламенем зависти. Отсюда — угрюмый вид, суровый взгляд, бледное лицо, дрожащие губы, скрежет зубов, свирепые слова, неистовые ругательства, руки, готовые на убийство, и хотя свободные на время от меча, но вооруженные бешеной ненавистью. Поэтому—то Дух Святой говорит в Псалмах: Не ревнуй спеющему в пути своем (Пс. 36:7); и еще: Назирает грешный праведного и поскрежет нань зубы своими: Господь же посмеется ему, зане презирает, яко приидет день его (Пс. 36:12–13). На этих—то указывает и их обозначает апостол Павел, говоря: Яд аспидов под устнами их: ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь. Сокрушение и озлобление на путех их. И пути мирного не познаша. Несть страха Божия пред очима их (Рим. 3:13–18).

Зло гораздо легче и опасность меньше, когда членам наносится рана мечом. Открытая язва легко врачуется и скоро видимо исцеляется при помощи лекарства. Но раны, причиняемые ревностью, непроницаемы и сокрыты; невидимая болезнь, заключенная в тайниках совести, не принимает пособий врачевства. Кто бы ты ни был, завистливый и злобный, посмотри, как ты лукав в отношении тех, кого ненавидишь, как зловерден и неприязнен! Между тем ты более всего враг своего спасения. Всякий, кого бы ты ни преследовал своей ревностью, может уклониться и ускользнуть от тебя, но от себя самого ты убежать не можешь. Где бы ты ни был, противник твой с тобою, враг твой всегда в твоём сердце, пагуба заключена внутри; ты опутан и связан непреоборимыми цепями, ты сделался пленником возобладавшей тобою ревности, и нет тебе никакого облегчения. Преследовать человека, принадлежащего божественной благодати, — это зло постоянное; ненавидеть счастливого — это болезнь неизлечимая.

Потому—то, возлюбленнейшие братья, чтобы кто через ревность к брату не попал в сеть смертную, Господь, когда ученики спросили Его, кто из них больше, в предотвращение таковой опасности сказал: Иже бо меньший есть в вас, сей есть велик (Лк. 9:48). Ответом своим Он уничтожил всякое ревнование, исторгнул и пресек всякую причину и повод к едкой зависти. Ученику Христову не позволено ревновать, не позволено завидовать. У нас не может быть споров о возвышении: мы возвыщаемся смирением, мы научены тому, чем можем угодить.

Наконец, и апостол Павел, наставляя и убеждая, чтобы мы, просвещенные светом Христовым и избавившиеся от мрака ночной жизни, делали и поступками показывали, что ходим во свете, так говорит в Послании: Нощь убо прейде, а день приближися: отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пьянствы, не любоддеянии и студоддеянии, не рвением и завистью (Рим. 13:12–13). Если тьма отлегла от твоего сердца, если ночь изгнана оттуда и мрак рассеян, если чувства твои озарил дневной свет и ты стал человеком света, — твори дела Христовы, потому что Христос есть свет и день. Для чего погружаешься во мрак ревности, окружаешь себя облаком зависти, погашаешь слепой ненавистью всякий свет мира и любви? Для чего возвращаешься к диаволу, от которого отрекся, для чего делаешься подобен Каину? Ибо апостол Иоанн прямо обвиняет в человекоубийстве того, кто поревновал и возненавидел брата своего. Он говорит в своем Послании: Всяк ненавидяй брата своего, человекоубийца есть: и весте, яко всяк человекоубийца не имать живота вечного в себе пребывающа (1 Ин. 3:15). И еще: глаголай себе во свете быти, а брата своего ненавидяй, во тме есть доселе... и во тме ходит и не весть, камо идет, яко тма

ослепи очи ему (1 Ин. 2:9; 11). Ненавидящий брата, по словам апостола, во тьме ходит и не знает куда идет. Бессознательно он идет в геенну; невежа и слепец, он стремится на казнь, удаляясь от света Христова, следовательно, и от Христа, сказавшего в наше наставление: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне не имать ходити во тме, но имать свет животный* (Ин. 8:12). А последует Христу тот, кто держится заповедей Его, кто шествует путем Его учения, идет по стопам и следам Его, подражает учению и делам Христовым, согласно напоминанию и наставлению Петра, который говорит: *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его* (1 Пет. 2:21).

Надлежит нам помнить, каким именем Христос обозначает свой народ, какое название дает своему стаду. Именуется овцами, чтобы овцам уподобить незлобие христианское; называет агнцами, чтобы простота ума была подражанием простой природы агнцев. Для чего же под овчей одеждой скрывается волк? Для чего бесславит стадо Христово ложно именующий себя христианином?

Облечься во имя Христово и не идти путем Христовым — не есть ли это предательство имени Христова, оставление спасительного пути, когда Он Сам учит и говорит, что к жизни придет только тот, кто соблюдет заповеди, что мудр тот, кто, слушаясь словес Его, поступает по ним, что тот назовется великим учителем в Царстве Небесном, кто будет сам поступать сообразно тому, чему учит, что возвещаемое для блага и пользы тогда только благотворно для возвещающего, когда проповедуемое словом оправдывается последующими делами? Но что чаще всего внушал Господь ученикам Своим? Из числа наставлений и заповедей небесных что заповедал наиболее наблюдать и хранить, как не то, чтобы мы любили друг друга той любовью, какой Он возлюбил учеников Своих? Как же будет придерживаться мира Господня и любви тот, кто из-за ревности не может быть ни миролюбив, ни приветлив? Потому и апостол Павел, выставляя благодеяния мира и любви и с силою доказывая и научая, что ни вера, ни милостыня, ни само страдание исповедническое и мученическое нисколько не принесут ему пользы, если он не сохранит союза любви целым и невредимым, прибавляет к тому: *Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит* (1 Кор. 13:4); т. е. он учит и показывает, что тот только может придерживаться любви, кто будет долготерпелив, милосерд, чужд ревности и зависти. Также в другом месте, увещывая, чтобы человек, исполненный уже Духа Святого и через Небесное рождение соделавшийся сыном Божиим, исполнил одно духовное и божественное, он излагает и говорит следующее: *И аз братие, не могах вам глаголати яко духовным, но яко платяным, яко младенцем о Христе. Млеко вы напоих, а не брашном: ибо не у можасте, но ниже еще можете ныне. Еще бо плотстии есте. Идеже бо в вас зависти и рвеня и распри, не плотстии ли есте и по человеку ходите* (1 Кор. 3:1–3)?

Надобно, возлюбленнейшие братья, поправить плотские пороки и грехи; надобно изгладить пагубное пятно земного тела, чтобы в противном случае, возвратившись снова к жизни ветхого человека, мы не спутались смертоносными сетями. На этот раз апостол дает нам предусмотрительный и спасительный совет: *Темже убо, братие, должны есмы не плоти, еже по плоти жити; аще бо по плоти живете, имате умрети: агце ли духом деяния плотская умещвляете, живи будете. Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божий* (Рим. 8:12–14). Если мы сыны Божий, если мы соделались храмами Божиими, если, приняв Духа Святого, мы стали жить свято и духовно, возвели очи от земли к небу, устремили сердце, исполненное Бога и Христа, к горнему и духовному, то будем делать то, что достойно Бога и Христа, как нас побуждает к тому и увещевает апостол, говоря: *Аще убо воскреснусте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога себя: горняя мудрствуйте, (а) не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитесь в славе* (Кол. 3:1–4). Итак, умершие и погребенные через крещение для плотских грехов ветхого человека и совоскрешенные Христом через возрождение небесное, будем помышлять и делать

дела Христовы, как тот же апостол снова нас учит и убеждает, говоря: Первый человек, от земли, перстен: и второй человек, Господь с небесе. Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацы же и небесный: и якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся же и во образ небесного (1 Кор. 15:47–49). А носить образ небесного для нас невозможно, если не будем уподобляться Христу в том, чем быть начали. Изменение прежней жизни и начало новой требует, чтобы в тебе ясно было рождение божественное, чтобы боготворное благочиние соответствовало Богу Отцу, чтобы честной и похвальной жизнью прославлялся в человеке Бог, как Сам Он убеждает и увещевает к тому, обещая взаимно прославить тех, которые Его прославляют. Прослаляющия Мя, — говорит Он, — прославлю, и уничижали Мя безчестен будет (1 Цар. 2:30).

Располагая и приготовляя нас к такому прославлению и для того внушая уподобление Отцу, Господь — Сын Божий говорит в своем Евангелии: Слышасте, яко речено есть: возлюбиши искреняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша и молитесь за творящих вам напасть и изгонящья вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесех: яко солнце свое сияет на злыя и благия и дождит на праведны» и неправедным (Мф. 5:43–45). Если и людям приятно и славно иметь сыновей, подобных себе, если и они радуются, когда родившееся дитя похоже на отца своими чертами, то не гораздо ли более радости для Бога Отца, когда кто рождается духовно так, что поступками своими и похвальными качествами выражает божественное рождение? Какая почесть и какой венец — быть таким, к которому не относилось бы следующее изречение Божие: Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене (Ис. 1:2)! Пусть лучше похвалит тебя и призовет к награде Христос, когда скажет: Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира (Мф. 25:34).

Этими размышлениями надлежит укреплять дух, возлюбленнейшие братья; этими упражнениями надлежит поддерживать его против стрел диавола. В руках да будет божественное чтение, в понятиях — Господнее помышление. Пусть никогда не прекращается непрерывная молитва, пусть всегда продолжается спасительное делание. Будем постоянно заняты делами духовными, чтобы диавол каждый раз, как только станет подступать к нам и покушаться войти, находил наше сердце заключенным для него и вооруженным.

Не один только венец, получаемый во время гонения, предназначен для человека-христианина. И мир имеет свои венцы, которыми увенчиваются победители, ниспровергшие врага в многообразной и неоднократной битве. Укротившему похоть — победный знак воздержания; ставшему выше гнева и обиды — венец терпения. Торжество над корыстолюбием — тому, кто презирает деньги; хвала веры — переносящему мирские невзгоды по упованию на будущее. Кто не гордится в счастии — приобретает славу смирения; кто по милосердию готов помогать бедным — от в воздаяние получает сокровище небесное; кто, не питая ревности, единокроткий и кроткий, любит своих братьев — тот удостоивается награды любви и мира. Ежедневно мы бежим на этом поприще добродетелей, без всякого промежутка времени стремимся к этим трофеям правды и венцам. А чтобы к ним мог достигнуть и ты, который был во власти ревности и зависти, отбрось всю ту злобу, которой одержим был, и устремись спасительными стезями на путь вечной жизни. Исторгни из своего сердца волчцы и тернии, чтобы божественный и духовный посев дал преизобильный плод во время жатвы. Изблужь желчный яд, изрыгни отраву враждебную — да очистится ум, оскверненный змеиной завистью; всякая горесть, гнездящаяся внутри, да умягчится сладостью Христовой. Если ты и пищу и питье принимаешь от Таинства Креста, то дерево, которое образом своим соделало когда-то воды Мерры сладкими, теперь самой истиной да послужит к умягчению и усладе сердца — и ты для восстановления здоровья не будешь затрудняться в лекарстве. Лекарство — оттуда же, откуда нанесены тебе раны.

Полюби тех, кого прежде ненавидел, возымай расположенность к тем, кого по зависти ты преследовал неправедным злословием. Подражай добрым, если ты можешь следовать им; а если следовать не можешь, то по крайней мере сорадуйся им и приветствуй достойнейших. Соединись с ними любовью, сделайся их сообщником по взаимной расположенности и союзу братства. Тебе останутся долги, когда и ты сам оставишь; будут приняты твои жертвы, когда приступишь к Богу с миротворным расположением. Понятия и действия твои будут направлены к горнему, когда будешь помышлять об одном божественном и праведном, по Писанию: Сердце мужа да помышляет праведное, чтобы от Господа исправилась стези его (Притч. 1:1). А много есть, о чем тебе поразмыслить.

Помышляй о рае, куда не входит Каин, по ревности убивающий брата. Помышляй о Царстве Небесном, в которое Господь принимает только согласных и единомышленных. Помышляй о том, что сынами Божиими могут называться одни миротворцы, которые, объединившись небесным рождением и законом божественным, уподобляются Богу Отцу и Христу. Помышляй о том, что мы стоим пред очами Божиими, что сам Бог смотрит и судит о прохождении нами жизненного пути; что мы можем сподобиться созерцать Его только в том случае, если Его, взирающего теперь на нас, будем радовать своими поступками, если соделаем себя достойными благодати Его и милости, если, предназначенные к тому, чтобы вечно угождать Ему в Царстве, мы сперва угодим Ему в сем мире.

Хотя у весьма многих из вас, возлюбленнейшие братья, и ум тверд, и вера крепка, и душа благочестива так, что при настоящей чрезмерной смертности не только не колеблется, но как крепкая непоколебимая скала, не сокрушаясь сама, сокрушает бурные устремления мира и свирепые волны века сего, — не столько побеждается искушениями, сколько испытывается ими; однако в народе я замечаю и таких, которые, или по малодушию, или по зловерию, или по привязанности к временной жизни, или по нежности пола, или, что гораздо хуже, по уклонению от истины, не так мужественно стоят и не обнаруживают в сердце своем Божественной непобедимой силы. Этого обстоятельства не следует скрывать и проходить молчанием, но надлежит, сколько это возможно для нашей мерности с полною силою и словом, почерпнутым из Божественного чтения, положить конец беспечности слабодушных, чтобы тот, кто начал быть человеком Божиим и Христовым, пребыл достойным Бога и Христа. Воинствуя Богу, возлюбленнейшие братья, поставленные в небесном лагере и чая уже одного Божественного, мы должны знать себя, чтобы нисколько не тревожили и не смущали нас бури и смуты мирские. Ведь Господь предвозвестил, что все это будет; предусмотрительно убеждая, поучая, приготавливая и ободряя народ Своей Церкви к полному перенесению будущих зол, Он ясно предсказал, что будут по местам войны, голод, землетрясения и мор, и в отвращение внезапного и неожиданного страха от Злоключений внушал нам предварительно, что бедствия в последние времена станут более и более умножаться. И вот сказанное сбывается! Когда же сбывается предсказанное, то затем последует и обещанное; а Господь Сам дал следующее обетование: *егда узрите сия бывающа, ведите, яко близ есть Царствие Божие* (Лк. 21:31).

Так, возлюбленнейшие братья, *близ есть Царствие Божие*: с прохождением мира настанет уже награда жизни, радость вечного спасения, всегдашняя безопасность и обладание раем, некогда утраченное; земное сменяется уже небесным, малое великим, временное вечным. Какое же тут место тоске и беспокойству? Кто при этом будет тревожиться и печалиться, как не тот, у кого недостает надежды и веры? Бояться смерти может только тот, кто не хочет идти ко Христу; а не хотеть идти ко Христу свойственно только тому, кто не верит, что он начнет царствовать со Христом. В Писании сказано, что праведный живет верою (Рим. 1:17). Если ты праведен и живешь верою; если истинно веруешь во Христа: то почему же тебе, предназначенному быть со Христом, при уверенности в обетовании Господне, не принимать с любовью призыва ко Христу и не приветствовать себя с освобождением от диавола? Праведному Симеону — истинно праведному, который с полною верою исполнял заповеди Божий, возвещено было свыше, что он не умрет, пока не увидит Христа, — пока младенец Христос не будет принесен Материю во храм. И вот, узнавши духом, что уже родился Христос, предвозвещенный ему, и что ему осталось только увидеть Рожденного и затем вскоре умереть, он, обрадованный близостию смерти и уверенный в скором призвании своем, взял на руки младенца и, благословляя Господа, воскликнул: *ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видесте очи мои спасение Твое* (Лк. 2:29–30). Этими словами он показал и засвидетельствовал, что для нас, рабов Божиих, только тогда настанет мир, безмятежный и тихий покой, когда, избавившись от волнений сего мира, мы входим в пристань вечного жилища и безопасности, — когда, прошедши чрез смерть, достигаем бессмертия. Вот где истинный мир, верный покой, постоянная, прочная и всегдашняя безопасность! А в этом мире надобно вести ежедневную войну с диаволом — в беспрестанных стычках отражать копыта его и стрелы: здесь у Нас брань со сребролюбием, с распутством, с гневом, с тщеславием; здесь непрестанная и тяжкая борьба с плотскими пороками и прелестями века. Ум, осаждаемый и окружаемый со всех сторон

напаствуящим диаволом, едва может противиться и противостоять всему этому. Если низложено сребролюбие, то восстает похоть; если похоть подавлена — возникает чреволюбие; если поражено честолюбие — нас ожесточает гнев, надмевает гордость, увлекает пьянство, — вражда расстраивает согласие, ревность уничтожает дружбу. Вынужден бываешь злословить, хотя это запрещено законом Божественным, — клясться, хотя и это не позволено. Столько гонений переносит ежедневно дух наш! Столько опасностей стесняют сердце! И приятно же оставаться надолго здесь, среди мечей диавольских, когда, при быстро распространяющейся смерти, следовало бы тем с большею охотою и желанием спешить ко Христу, Который говорит в наставление наше: *аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетея и возрыдаете вы, а мир возрадуется; вы же печальни будете, но печаль ваша в радость будет* (Ин. 16:20)! Кто не желал бы избавиться от печали? Кто не поспешил бы насладиться радостью? Господь же Сам объясняет условия, при которых печаль наша обратится в радость; Он говорит: *паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас* (Ин. 16:22).

Итак, если видеть Христа значит радоваться; если не может быть для нас радости без лицемерия Христова: то какая же это слепота ума, какое бессмыслие — любить Тяготы, скорби и горести мирские и не спешить к радости, которой никто отнять от нас не может? Происходит же это, возлюбленнейшие братья, от недостатка веры — оттого, что никто не верит в истину обещанного Богом, Который есть истинен и Которого слово вечно и твердо для верующих. Если бы тебе человек знатный и важный обещал что-нибудь, то ты, конечно, поверил бы его обещанию и не подумал бы, что будешь обманут тем, кого ты всегда знал стойким в своих словах и поступках. Теперь же с тобою говорит Сам Бог — и ты, вероломный, колеблешься недоверчивою мыслию? По исшествии из сего мира Бог обещает тебе бессмертие — а ты в этом сомневаешься? Это значит — вовсе не знать Бога; это значит оскорблять неверием Христа, Господа и Учителя верующих; это значит — находиться в Церкви, в доме веры, и не иметь веры! Между тем руководитель к спасению и благу нашему, Христос, показывает всю пользу исшествия из века сего; ученикам, которые опечалены были вестью о скорой разлуке с Ним, Он сказал: *аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко рех: иду ко Отцу* (Ин. 14:28), — научая тем и показывая, что мы должны более радоваться, чем скорбеть, когда лица, любимые нами, исходят из века сего. Памятуя о том, блаженный апостол Павел так выражается в своем Послании: *мне еже жити, Христос, и еже умрети, приобретение есть* (Флп. 1:21); то есть он считает величайшим для себя приобретением — не быть уже удерживаемому сетями мира, не быть подвержену никаким плотским грехам и порокам, избавиться от тяжких скорбей, освободиться от ядовитых челюстей диавольских и, по зову Христа, стремиться к радости вечного спасения.

Правда, некоторых смущает то, что нынешняя болезненная язва поражает наших наравне с язычниками: как будто христианин для того только и уверовал, чтобы бедствия не касались к нему и он, при наслаждении мирским временным счастьем, свободный от всяких зол, сохранен был для будущей радости! Смущает некоторых то, что нынешняя смертность есть общая для нас с другими: да что же в этом мире, пока по закону первого рождения остается еще общая у нас плоть, не есть общим для нас с другими? Доколе мы находимся здесь, в мире, дотоле мы связаны с родом человеческим одинаковостию плоти, а отделяемся духом. И потому пока это тленное не облечется в нетление и это смертное не облечется в бессмертие (1 Кор. 15:53); пока Христос не приведет нас к Богу Отцу: до тех пор все немощи плоти будут для нас общи со всем родом человеческим. Так, тощая земля, не давши урожая, производит общий голод; так, при покорении какого-либо города неприятелем, все граждане подвергаются плену. Во время продолжительной засухи недостаток воды чувствуется одинаково всеми; когда разбивается корабль о скалы — все без изъятия, плывшие на нем, терпят кораблекрушение. Подобным образом глазная болезнь, лихорадочные припадки, расслабление всех членов не могут не быть общими для нас с прочими

людьми, пока в этом веке мы носим с ними одинаковую плоть.

Притом, если христианин знает и помнит, под каким условием и обязательством он уверовал, то будет знать и то, что ему в этом веке должно претерпеть более, чем другим, так как ему предлежит и большая брань против навета дьявольского. Божественное Писание так говорит в наше поучение и предостережение: *чадо, аще приступавши к работати Господеви Богу, уготовь душу твою во искушение. Все елико аще нанесено ти будет, прими и во изменении смирения твоего долготерпи; яко во огни искушается злато, и человецы прияти в пеци смирения* (Сир. 2:1:4–5). Так, Иов, лишенный имущества и детей, покрытый ранами и струнами, — не был тем побежден, а только испытан: выказывая среди лишений и болезней благочестивое терпение, он говорил: *наг изыдох из чрева матере моея, наг и отыду тамо; Господь даде, Господь отъят; яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно* (Иов. 1:21). И когда жена подстрекала его, терзаемого болезнью, произнести жалобу и ропот на Бога, он сказал ей в ответ: *векую яко едина от безумных жен возглагонала еси? Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим? Во всех сих приключившихся ему, ничимже согреси Иов устнама пред Богом* (Иов. 2:10). Потому-то Господь Бог так свидетельствует о нем: *внял ли еси мыслию твоею на раба Моего Иова? Зоне несть яко он на земли: человек непорочен, истинен, богочестив* (Иов. 1:8). Подобным образом и Товия, когда, после блистательных деяний, после многих славных подвигов милосердия, подвергся слепоте, не переставал питать в себе страх Божий и благословлять в несчастии Бога, так что телесная болезнь еще более возвысила его заслуги. Жена пыталась смутить его, говоря: *где суть милостыни твоя и правды твоя? се, ведома вся с тобою* (Тов. 2:14); но он, стойкий и твердый и страхе Божиим, подкрепляемый благочестивою верою к перенесению тяжких страданий, не поддался и в бедствии навету слабой жены и тем более заслужил милость Божию, чем более выказал терпения. И его-то похваляя, Ангел Рафаил говорит: *дела Божия открывати славно. И егда молился еси ты и невестка твоя Сарра, аз приношах память молитвы, вашей пред Святого; и егда погребал еси мертвых... и егда не ленился еси востати и оставити обед твой, да отшед покрывши мертвого, не утаился еси мене благотворяй, но с тобою бех. И ныне посла мя Бог исцелити тя и невестку твою Сарру. Аз есмь Рафаил, един от седми святых Ангелов, иже... входят пред славу Святого* (Тов. 12:11–15).

Вообще, праведники всегда отличались терпением и апостолы заповедию Господа научены были не роптать в несчастии, но, что ни приключилось бы им в этом веке, переносить мужественно и великодушно. Ведь народ иудейский тем особенно и грешил, что роптал на Бога, как о том свидетельствует Сам Бог в книге Чисел: *да престанет, — говорит Он, — роптание их от Мене и не измрут* (17:10). Так, возлюбленнейшие братья, не должно роптать во время бедствий, но терпеливо сносить все, что ни случилось бы! В Писании сказано: *жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50:19). Да и во Второзаконии Дух Святой говорит чрез Моисея: *Господь Бог твой... искусит тя, и озлобит тя, и уразумеются яже в сердцах твоих, аще сохраниши заповеди Его, или ни* (8:2). И в другом месте: *искушает Господь Бог твой вас, еже уведети, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим, и всею душею вашею* (13:3). Авраам угодил Богу тем, что для благоугождения Ему не пожалел лишиться сына — не отказался заклать его. Что же сделал бы ты, если бы тебе поведено было заклать сына, когда не хочешь лишиться его и вследствие закона смертности?

Страх Божий и вера должны делать тебя готовым на все. Ни лишение имущества, ни беспрестанная и мучительная скорбь, причиняемая тяжкими недугами тела, ни плачевная разлука с женою, с детьми, с умирающими друзьями, — все это не должно соблазнять тебя, но побуждать к подвигам, — все это не должно колебать и ослаблять твоей веры, но тем яснее обнаруживать твою доблесть в сражении: все настоящие злоключения надлежит презирать, в

чаянии будущих благ. Без брани не может быть и победы, а когда одерживается победа в брани, то победителям раздаются и венцы. Кормчий узнается во время бури; воин испытывается в сражении. Нечем хвалиться, когда нет опасности. Истина выходит наружу во время столкновениями с бедами. Глубоко укорененное дерево не колеблется от ветров; прочно устроенный корабль не разбивается от ударов волн. Когда на гумне молотят хлеб, то большие и полные зерна не разносятся ветром, а пустые плевелы от малейшего дуновения разлетаются. Потому и апостол Павел после кораблекрушений, биений, многократных и тягостных изнурений и страданий тела, говорит о себе, что он не изнемогал в бедствиях, но укреплялся, так что, чем более был искушаем, тем вернее достигал совершенства. *Дадесея ми, — говорит он, — пакостник плоти, аггел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся. О сем трикраты Господа молих, да отступит от мене, И рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12:7–9). Итак, когда постигает нас болезнь, немощь или какое опустошение: тогда добродетель наша совершенствуется; тогда вера наша, пребывая твердою в искушениях, увенчивается, по слову Писания: *сосуды скудельничи искушает пещь; и искушение человеческо в помышлении его* (Сир. 27:5). В этом — то и состоит различие между нами и людьми, не ведущими Бога, что они в злоключениях жалуются и ропщут, а нас, напротив, бедствия не отклоняют от истинной веры и добродетели, но еще более укрепляют в них. То, что расслабление желудка отнимает у нас телесные силы, что жар изнутри, перешедший в гортанные язвы, растравляет их, что непрерывная рвота потрясает внутренность, при лив крови делает воспаление в глазах, что у некоторых отсекаются руки и другие члены вследствие заразительного гниения, что от расслабления тела происходит дрожание в ногах, заграждается слух, повреждается зрение: все это способствует преспеянию веры. И какое бесстрашие — всеми силами несокрушимого духа мужественно противостоять всем таковым напорам лишений и смерти! Какая высота — стоять прямо среди развалин рода человеческого и не преклоняться долу вместе с теми, кои не имеют никакой надежды на Бога! Почему надлежит радоваться и дорого ценить дар настоящего времени, в которое мы можем выказать крепость нашей веры, перенесши тяготу его, прийти ко Христу тесным путем Христовым и затем на суде Его получить награду жизни и веры.

Смерти должен бояться только тот, кто, не будучи возрожден водою и духом, готовит себя в жертву пламени геенскому, — кто не огражден крестом и страданием Христовым, — кто чрез смерть первую препровождается ко второй. Смерти должен бояться тот, кто, по исходе из сего мира, будет вечно мучиться и для кого продолжение пребывания здесь служит только временною отсрочкою страдания и стенаний. Во время настоящей смертности многие из наших умирают, то есть многие из наших возьмутся от сего мира. Но эта смертность, служащая пагубою Иудеям, язычникам и прочим врагам Христовым, для рабов Божиих есть спасительное исшествие из мира. Из того, что без всякого различия, вместе с людьми неправедными, умирают и праведные, никак не должно заключать, будто один конец и добрым и злым. Нет, праведные призываются к радости, а нечестивые к мученьям; рабам верным определяется скорая награда, а вероломным наказание.

Непрозорливы и неблагодарны мы, возлюбленнейшие братья, в рассуждении благодеяний Божиих, так что многое из ниспосылаемого нам Богом не признаем даже за благодеяние. Вот спокойно и со славою исходят из мира сего девы, не страшась более угроз и осквернения от имеющего придти антихриста; вот юноши избегают опасности поползновенного ко грехам возраста и счастливо достигают награды за воздержание и невинность; вот слабая жена не боится уже ни преследования, ни рук и терзаний палача, предупредив все это благовременною смертию. Страх настоящей смертности воспаляет равнодушных, обуздывает развратных, пробуждает беспечных; отступников побуждает к обращению, язычников располагает к вере,

верующих призывает к покою; является новое и многочисленное воинство, одушевленное мужеством, готовое ратоборствовать без страха смерти, в наступающем сражении; потому что исходит на брань в самую годину смерти. Наконец, возлюбленнейшие братья, не видна ли вся польза и необходимость настоящей моровой язвы, которая представляется столь страшною и жестокою, из того, что она исследует правоту каждого и испытывает помыслы человеческого рода, открывая: — служат ли здоровые больным; любят ли искренно ближние родных своих; жалостливы ли господа к рабам, подвергшимся немощи; не оставляют ли врачи больных, умоляющих о помощи; укрощают ли свою свирепость жестокосердые; угашают ли в себе хищники, хотя из страха смерти, ненасытимый пламень губительного сребролюбия; гордые, преклоняют ли свою выю; нечестивые смягчают ли свою дерзость; богатые, умирающие без наследника, отказывают ли что-нибудь бедным своим братьям? Но если бы эта смертность и не произвела ничего подобного, то она весьма много принесла пользы христианам и рабам Божиим уже тем, что мы охотно стали желать мученичества, научившись не бояться смерти. Так, это бедствие служит для нас упражнением, а не погибелью. Оно украшает дух славою мужества, научая презирать смерть, уготовляет нам венцы. Но, может быть, кто-либо возразит: «При настоящей смертности меня печалит то, что я, приготовившись к исповедничеству и всем сердцем решившись претерпеть страдания, лишаясь мученичества, будучи предвосхищен смертию». Но, во-первых, мученичество не в твоей состоит власти, а в воле Божией, и ты не можешь сказать, что ты лишен мученичества, когда не знаешь еще, был ли бы ты достоин подвергнуться ему. Во-вторых, Бог, испытующий сердца и утробы, проникающий и постигающий тайное, видит тебя, похваляет и одобряет, и, усмотрев в тебе готовность к подвигу, воздаст тебе мзду за подвиг. Разве Каин убил уже брата, когда приносил Богу жертву? Однако ж Бог, провидя злоумышляемое в сердце его братоубийство, предварительно осудил его. Как тогда предусмотрено было Богом злое помышление и пагубное предприятие, как и теперь в рабах Божиих, готовых к исповеданию и к понесению мученичества. Судия Бог увенчает славою благочестивое намерение. Иное дело — недостаток готовности к мученичеству, а иное — недостаток мученичества при готовности к нему. Каким Господь застанет тебя во время призвания к себе, таким будет и судить, о чем Он Сам свидетельствует, говоря: *и уразумеют вся церкви, яко Аз есмь испытал сердца и утробы* (Апок. 2:23). Бог не хочет крови нашей, а требует веры: ни Авраам, ни Исаак, ни Иаков не были умерщвлены; однако ж за веру и правду свою они удостоились быть первыми между патриархами, в сожительство с которыми вступает каждый, кто обретается верным, праведным и достославным.

Нужно помнить, что мы обязаны исполнять волю не свою, а Божию, — о чем Господь и повелел нам молиться ежедневно. Сколь же безрассудно и нечестиво поступаем мы, когда, прося Бога, да будет воля Его, мы, в то время, как Он зовет и требует к Себе, не повинuemся тотчас требованию Его воли! Мы упорствуем, сопротивляемся, и приводимся пред лице Господа подобно своенравным рабам, с сетованием и досадою оставляем этот мир по закону необходимости, а не добровольно, и при этом хотим еще получить небесные награды от Того, к Кому приходим по принуждению! Зачем же нам просить и молить, да приидет Царство Небесное, когда нам приятен земной плен? Зачем, в часто повторяемых молитвах, мы просим о скором наступлении дня Царства, когда сильнее и пламеннее желаем работать здесь на земле диаволу, нежели царствовать на небе со Христом?

А вот случай очевиднейшего указания Божественного Промысла на то, что Господь, предвидя будущее, заботится об истинном спасении верующих. Когда один из сотрудников и сослужителей наших, будучи изнурен немощию и смущенный близостию смерти, молился, почти уже умирая, о продолжении жизни, — пред него предстал юноша, славный и величественный, высокого роста и светлого вида, которого присутствие едва ли могло быть

примечено плотским человеческим оком и которого мог видеть только тот, кто уже разлучался с этим миром; он с неким негодованием и упреком сказал умирающему: «И страдать вы боитесь и умирать не хотите. Что же мне делать с вами?» Этот голос обличителя и вместе друга, который, заботясь о будущем, не одобряет настоящего расположения людей, и страшящихся гонений, и призыванием Божиим недовольных. – Брат и сотрудник наш, близкий к смерти, услышал то, что следовало сказать прочим: умирающий и слышал для того, чтобы передать другим слышанное, — слышал не для себя, а для нас. Ибо для чего же было учиться тому, кто близок был к отшествию? Так, он узнал это для нас, остающихся в живых, дабы мы, ведая об укоризне, сделанной священнику Божию, молившемуся о продолжении жизни, ведали и то, что каждому из нас служит на пользу.

Да и мне также, малейшему и последнему из рабов Божиих, сколько раз было открываемо, сколь часто и ясно, по благоволению Божию, заповедуемо было непрестанно внушать и всенародно проповедовать, что не должно оплакивать братьев наших, по зову Господа отрешающихся от настоящего века, потому что они, как мы знаем, не погибают, а только предшествуют нам, и отходя предваряют нас, подобно путешественникам и мореплавателям. Мы должны устремляться за ними любовью, но никак не сетовать о них: не должны надевать здесь траурных одежд, когда они уже облеклись там в белые ризы; а иначе подадим повод язычникам справедливо осуждать нас за то, что мы, как совершенно погибших, оплакиваем тех, которые, по словам нашим, живут у Бога, и таким образом, не оправдав сердечным и искренним свидетельством той веры, которую возвещаем и проповедуем устами, мы сделаемся изменниками своей веры и упования, и то, что говорим, покажется притворством, вымыслом и лицемерием. Что пользы показывать на словах уважение к добродетели, а поступками уничтожать истину?

Апостол Павел укоряет и обвиняет тех, кои скорбят о кончине своих братьев. *Не хочу же вас, братие, — говорит он, — не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочий не имущий упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог умершия во Иисусе приведет с Ним* (1 Сол. 4:13–14). Он говорит, что скорбят об умерших только те, кои не имеют упования. Почему же мы, живущие надеждою, верующие в Бога, исповедующие, что Христос за нас умер и воскрес, почему, говорю, мы, пребывающие во Христе, и чрез Него и в Нем воскресающие, не хотим и сами расстаться с этим миром, и провожаем с плачем и скорбию умирающих братьев, как будто погибающих, тогда как Сам Христос, Господь и Бог наш, говорит в наше наставление: *Аз есмь воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет; и всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки* (Ин. 11:25–26). Если мы веруем во Христа, если, по вере в слова Его и обетования, не умрем во веки; то мы должны с радостным дерзновением идти ко Христу, Которым всегда будем жить и царствовать. Ведь чрез временную смерть мы переходим к бессмертию, и вечная жизнь не иначе может настать для нас, как по исшествии нашем отселе. Да это и не есть исшествие, а только переход, или переселение в вечность, по окончании временного пути. Кто же не поспешит перейти к лучшему? Кто не пожелает измениться и преобразиться по образу Христа и скорее достигнуть небесной славы? Апостол Павел во всеуслышание говорит, *что наше бо житие на небесех есть, отъонудуже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа, иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его* (Флп. 3:20–21). Такими же обещает соделать нас и Сам Христос Господь, когда молит Отца Своего, да будем и мы вместе с Ним, да живем с Ним в вечных селениях и да насладимся блаженством в Небесном Царстве. *Отче, — говорит Он, — ихже дал еси Мне, хочу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною; да видят славу Мою, юже дал еси Мне... прежде сложения мира* (Ин. 17:24).

Итак, имеющий перейти в жилище Христово и в славу Небесного Царства не должен

плакать и скорбеть, но, питая истинную веру в обетование Господа, должен лучше радоваться о таком своем переходе и переселении. Нам известно, что Енох, угодивший Богу, переселен был отселе, как свидетельствует о том Священное Писание в книге Бытия: *угоди Енох Богу, и не обреташеся, зане преложил его Бог* (5:24). То, что он заслужил переселение из этого мира, значило, что он угодил Богу. Подобным образом Дух Святой чрез Соломона внушает нам, что угождающие Богу заранее возьмутся и скорее освобождаются отселе, дабы, оставаясь долее в этом мире, не заразились тлетворным его дыханием. *Восхищен бысть*, — говорит он, — *да не злоба изменит разум его... Угодна бо бе Господеву душа его; сего ради потщася от среды лукавствия* (Прем. 4:11 и 14). И в псалмах, душа, исполненная живой веры в Бога, так выражает свою готовность поспешить к Господу: *коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни* (Пс. 83:2–3). Желать как можно долее оставаться в мире свойственно только тому, кого увеселяет мир, кого лукавый и льстивый век влечет к себе обманчивыми прелестями земного наслаждения. Но христианина мир ненавидит: зачем же ты любишь того, кто тебя ненавидит, и не следуешь лучше за Христом, Который тебя искупил и любит? Иоанн в Послании своем увещевает нас не увлекаться похотями плотскими и не пристращаться к миру. *Не любите мира*, — говорит он, — *ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем; яко все, яже в мире, похоть плотская, и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит и похоть его; а творяй волю Божию пребывает во веки* (Ин. 2:15–17), как и Бог во веки пребывает. Итак, возлюбленнейшие братья, с чистою мыслию, с твердою верою и постоянною доблестию будем лучше готовы к исполнению воли Божией; удалив от себя страх смерти, будем помышлять о следующем за нею бессмертии. Покажем себя истинно-верующими; не будем оплакивать кончины друзей наших, и, когда наступит день собственного нашего призыва, пойдем неукоснительно и благодушно на голос зовущего нас Господа. Так надлежит всегда поступать рабам Божиим; тем более так надлежит поступать теперь, когда уже разрушается мир, охваченный бурями неприязненных зол. Видя начало тяжких бедствий и зная, что наступят еще тягчайшие, будем почитать величайшим для себя благодеянием скорейшее отшествие отселе. Если бы в доме твоём колебались стены от ветхости, тряслась кровля, весь дом, обветшалый и полу сгнивший, угрожал близким разрушением, то не выселился бы ты из него сколь можно поспешнее? Если бы, во время твоего плаванья, бурная погода, вздымая волны, предвещала вскоре имеющее последовать кораблекрушение: то не поспешил ли бы ты скорее в пристань? Но вот мир колеблется и падает, свидетельствуя о своем разрушении не столько обветшанием, сколько приближающеюся своею кончиною: а ты не благодаришь Бога и не радуешься о том, что, будучи рано исхищен из него, избегаешь следствий разрушения, крушения и угрожающих бед?

Надобно размышлять, возлюбленнейшие братья, и почаству думать о том, что мы отреклись от мира и находимся здесь временно, как гости и странники. Будем же благословлять день, который каждого из нас приводит к собственному его жилищу, который, восхитив нас от земли и разрешив от мирских уз, возвращает нас в рай и в царство Небесное. Кто, находясь на чужой стороне, не спешил бы возвратиться в отечество? Кто, поспешая на корабль к своим, не желал бы пламенно попутного ветра, чтобы скорее можно было обнять своих друзей? А мы отечеством своим почитаем рай, патриархи стали уже нашими родными: почему же не спешим скорее увидеть свое отечество, приветствовать родных? Нас ожидает там великое множество любезных нам, — ждет многочисленный сонм родителей, братьев, детей, кои, не страшась уже за свою безопасность, заботятся еще и о нашем спасении. Увидеть их, обнять — о, какая это радость для них — вместе и для нас! Какое там веселие в Царстве Небесном, где нет уже страха смерти, какое высочайшее и всегдашнее блаженство при вечной жизни! Там славный лик апостолов; там сонмы радующихся пророков; там бесчисленное множество мучеников, увенчанных за победу в

борьбе и страдании; там торжествующие девы, силою воздержания победившие вожделения плоти и тела; там восприявшие награду благотворители, которые, снабжая пищею и щедрыми подаяниями нищих, земные наследственные сокровища свои перенесли в сокровищницы небесные. К ним—то поспешим, возлюбленнейшие братья, с неудержимою любовью, с пламенным желанием — быть скорее с ними, скорее прийти ко Христу. Таковое помышление наше да видит Бог; на такое намерение нашей мысли и веры да обратит взор Господь—Христос, имеющий излить обильнейшие награды славы Своей на тех, которые большую показали преданность Ему!

Книга о суете идолов

Идолы не боги. Бог есть один, и чрез Христа даровано спасение верующим; не боги те, кого чтит чернь; все это видно из следующего.

Были когда-то цари, которых близкие к ним по царственному воспоминанию стали потом чтить и после смерти: им учредили храмы и, чтобы удержать в изображении лики усопших, изваяли статуи, закалали жертвы и торжественно праздновали дни, им посвященные. Впоследствии то, что ближайшими было сделано в свое утешение, для потомков сделалось священным. Посмотрим, в частности, везде ли так было. Мелицерт и Левкотея низвергаются в море и делаются потом морскими божествами; Касторы умирают попеременно, чтобы жить; Эскулап сожигается молниєю, чтобы стать богом; Геркулес испепеляется огнями горы Оэты, чтобы перестать быть человеком; Аполлон пас стада Адмета; Нептун построил Лаомедону стены, и несчастный строитель не получил платы за свой труд. На острове Крите можно видеть пещеру Юпитера, и там показывают гроб его. Известно, что он изгнал оттуда Сатурна и страна, куда этот скрылся, получила название Лациума. Сатурн научил письменам и первый в Италии стал чеканить монеты, отчего и казнохранилище называется Сатурновым. Занимался он и земледелием и потому изображается стариком, несущим косу. Его, изгнанного, приютил Янус, от которого получил название Яникул и месяц Януарий и который изображается двуличным, так что, стоя как бы посредине, он смотрит, по-видимому, нагод наступающий и преходящий. А Мавры явно чтут царей и этого ничем не прикрывают. И потому почитание богов изменяется по различию народов и областей, так что не всеми почитается один бог, но у каждого соблюдается собственное почитание своих предков. Александр Великий в знаменитой книге пишет к матери своей, что жрец, из боязни его могущества, передал ему тайну о богах-людях, — о том, что сохранение памяти предков и царей послужило поводом к обрядам празднований и жертвоприношений. Но если боги рождались когда-либо, то почему не рождаются и ныне? Неужели Юпитер состарился или Юнона сделалась бесплодною? Да и почему ты считаешь могущественными для римлян тех богов, которые против их оружия не могли отстоять своих? Ибо мы знаем отечественных богов римлян. У них есть Ромул, чрез клятвопреступление Про куда сделавшийся богом; есть Пик, Тиберин, Пилюмн и Коне — бог обмана, которого Ромул, после вероломного похищения сабинянок, велел чтить как бога советов. Таций нашел и почтил богиню Клоацину, Гостилий — Павора и Паллора. Вскоре, не знаю кем, обоготворены Фебрис, Алка и Флора — распутные женщины. Вот боги римские! Далее, Марс Фракийский, Юпитер Критский, Юнона Аргосская, Самосская и Финикийская, Диана Таврическая и мать богов Идэя, а также египетские чудовища — это не божества, потому что если бы они имели сколько-нибудь силы, то свои царства сохранили бы для своих. Правда, есть у римлян и побежденные пенаты, которых принес беглец — Эней; есть и Венера плешивая, которая гораздо гнуснее, чем Гомерова изъязвленная Венера.

Что касается царств, то они переходят не по заслугам, а меняются поочередно. Так прежде, как известно, владычествовали ассирияне, мидяне и персы; царствовали греки и египтяне; потом при преемственной смене властей пришло время и римлянам владычествовать над прочими. Но начало их царствования приводит в стыд. Собирается толпа из злодеев и разбойников и, учредив убежище для безнаказанности преступлений, увеличивает свое число. Затем, чтобы царь был первым и в преступлении, Ромул делается братоубийцею и, чтобы ввести супружество, полюбовное дело начнет раздорами. Похищают, свирепствуют, обманывают для увеличения числа граждан. Браки у них — это нарушенные права гостеприимства и жестокие войны с родными. Самое высшее достоинство у римлян есть консульство; но и консульство

началось так же, как и царство: Брут умерщвляет своих сыновей, чтобы молвою о таком злодеянии возвысить славу этого достоинства. Итак, не чрез соблюдение религиозных обрядов, не по предзнаменованиям и прорицаниям возросло владычество римлян, а просто они сторожат улученное время до известного срока. Впрочем, Регул послушался предзнаменований и — был взят в плен и побежден; Манцин тоже держался религии и — подпал под иго. Павел держал у себя цыплят для ворожбы по съеденным ими зернам и, однако, был убит при Каннах; а Цезарь, пренебрегши прорицаниями и предзнаменованиями, которые запрещали ему плыть прежде зимы в Африку, тем удобнее доплыл туда и победил. Во всем плутни, обман и обольщение глупого и легковерного народа являются признаками, затемняющими истину.

Есть нечистые блудящие духи, которые, погрязши в мирских пороках и чрез пристрастие к земному отделившись от силы небесной, не престают — сами погибшие — губить, сами развратные — распространять разврат. Поэты знают их под именем демонов, и Сократ рассказывал, что он от демона получает наставления и управляется его произволом. Знаменитейший из волхвов (а волхвы заимствуют от них силу для своих действий, как зловредных, так и увеселительных), Гостан, отвергая возможность видеть образ истинного Бога, говорит, что престолу Его предстоят истинные ангелы. С этим согласен и Платон, который, признавая одного Бога, прочих называет ангелами или демонами. Гермес Трисмегист тоже говорит об одном Боге и называет Его непостижимым и неоценимым. Итак, под статуями и изображениями скрываются эти обоготворенные духи.

Они наитием вдохновляют сердца прорицателей, оживляют нервы изгнанников, управляют полетом птиц, властвуют над судьбами, производят прорицания, примешивая всегда ложь к истине, так что и сами обманывают; они тревожат жизнь, беспокоят во сне и, вторгшись в тела тайно, устрашают умы, уродуют члены, портят здоровье, вызывают болезни, чтобы заставить чтить себя; когда же, насытившись запахом алтарей и кострами животных, оставляют то, что обдержали, тогда кажутся целителями, потому что врачество от них и заключается в прекращении их навета. Главная забота их — отвлекать людей от Бога, отводить людей от разумения истинной религии к суеверному почитанию себя и, так как сами они осуждены на казнь, искать участников казни в тех, кого обманом успеют увлечь к участию в своем преступлении. Однако же, когда мы заклинаем их истинным Богом, они тотчас уступают, признаются и вынуждаются выйти из содержимых ими тел. Смотри, как они от нашего голоса и действия сокровенного величества бичуются, жарятся как бы огнем, от прибавления продолжающейся казни растягиваются, воют, стонут, умоляют вслух самих почитателей своих, сознаются, откуда пришли и куда пойдут: потом или тотчас выходят или исчезают постепенно, смотря по тому, как тут содействует вера страждущего или помогает благодать вручающего. За это и стараются они поселить в толпе ненависть к нам, чтобы люди стали ненавидеть нас прежде, чем узнают, дабы, познавши, не стали подражать нам или не перестали осуждать нас. Итак, один есть Господь всех — Бог: величие Его не может иметь совместника, потому что Он Сам Всемогущ. Для единодержавия Божия возьмем пример и от предметов земных. Начинаясь ли когда совместное царствование верностью или оканчивалось ли оно без кровопролития? У фивян родство нарушено, и даже смертью не прекращался разлад в кострах враждебных. Римских близнецов, которых вместе носила одна утроба, не могло вместить одно царство. Помпеи и Цезарь были родные и, однако, не сохранили естественного союза из-за ревности к власти. Да и неудивительно видеть это в людях, когда то же замечается во всей природе. Одна матка у пчел, один вожатый в стадах, один предводитель в табунах. Тем более один есть правитель мира, который все сущее удерживает словом, располагает разумом, совершает силою. Его нельзя ни видеть — Он слишком светел для зренья, ни осязать — Он слишком чист для осязания, ни оценить — Он выше понятия; и мы тогда почитаем Его достойно, когда называем

неоценимым. Какой же храм может иметь Бог, Которого храмом есть весь мир? Как заключить силу толикого величества в одно небольшое здание, когда и человек живет роскошнее? Ему мы должны поклоняться в нашем уме, чтить Его в нашем сердце. И не ищи имени для Бога: Бог — имя Ему. Слова нужны там, где надобно поразить чернь собственными отличиями названий; а для Бога, Который и есть только один, все заключается в слове «Бог». Он один и везде весь присущ, так что и чернь во многих признает одного Бога, когда ум и уши получают напоминание о своем виновнике и владыке. Часто слышим, как говорят: «О Боже!», «видит Бог», «поручаю Богу», «да воздаст тебе Бог», «как Богу угодно», «если даст Бог». Потому-то величайшее преступление — не хотеть познать Бога, Которого не знать невозможно.

А вот по порядку о Христе и о том, как чрез Него даровано нам спасение. Сперва благодать у Бога имели иудеи: так древле они были праведны, так предки их соблюдали уставы религии! Оттого и царство их достигло самого цветущего состояния и произошло величие рода. Но потом, когда они, сделавшись небрежными, ненаказанными и гордыми, слишком понадеявшись на своих праотцов, презрели божественные заповеди, то потеряли дарованную им благодать. А о том, как сделалась нечиста их жизнь, как оскорбительно нарушали они религию, они сами свидетельствуют теперь, если не словом, то событием: рассеянные и бледные, они скитаются, лишенные своей земли и неба — ищут приюта у чужих. Между тем Бог еще прежде предвозвестил, что при склоне века и за приближением кончины мира Он соберет Себе от всякого языка, народа и места чтителей более верных и более послушных, и те будут почерпать от божественных даров ту благодать, которая дарована была иудеям, но которую они, через нарушение уставов религии, утратили. И вот распорядителем благодати и наставником благочиния посылается Слово, Сын Божий, просветитель и учитель рода человеческого, предвозвещенный всеми прежними пророками. Он — сила Бога, Его ум, мудрость и слава — вселяется в Деву, Дух Святой одевается плотью, Бог соединяется с человеком. Он — Бог наш, Христос, посредник между Отцом и нами — облекается в человека, чтобы привести его к Отцу. Христос захотел быть тем, чем есть человек, чтобы и человек мог быть тем, чем есть Христос.

Иудеи знали, что Христос придет, потому что пророки в предсказаниях своих всегда напоминали им о том. Но так как у пророков означалось двойное пришествие Его: одно — в котором надлежало Ему по действиям и образу явиться человеком, а другое — в котором признали бы Его Богом, то иудеи, не уразумевши первого пришествия, тайно предшествовавшего в страдании, веруют только в одно то, которое откроется в могуществе. Такое непонимание со стороны иудеев было заслуженным следствием грехов их; они были наказаны слепотою в мудрости и разумении так, что, будучи недостойны жизни, они не видели жизни, хотя и имели ее пред очами. И потому, когда Иисус Христос, как это предсказали прежде пророки, словом Своим и повелением изгонял из людей бесов, исцелял расслабленных, давал зрение слепым, способность ходить хромым, воскрешал мертвых, заставлял стихии слушаться Себя, ветры служить, моря повиноваться, ад уступать, иудеи, считая Его, по смирению плоти и тела, только человеком, по свободе власти признавали волхвом. Учители их и старейшины, которых Он посрамлял учением и мудростью, воспламенившись гневом и вознегодовав, преследовали Его и, наконец, захвативши, предали римскому правителю Сирии Пилату Понтийскому, насильственно и упорно требуя распятия и смерти. Он и Сам предсказывал, что они так поступят; да и все пророки свидетельствовали прежде, что Ему надлежит пострадать, не для того, чтобы претерпеть смерть, но чтобы победить, и что по страдании Ему надлежит снова возвратиться в вышняя, чтобы показать силу божественного величества. Таким образом, течение дел исполнило веру. При посредстве палача будучи распят, Он волею испустил дух и в третий день снова волею воскрес. Явился ученикам своим таким, каким был, так что, увидевши, они узнали Его. Оставаясь вместе, видимый по телесному существу. Он пробыл с ними сорок дней, наставляя их

заповедям жизни и научая тому, чему потом они должны были учить. Затем Он поднят на Небо окружившим Его облаком, да возведет к Отцу как победитель человека, которого возлюбил, в которого облекся, которого избавил от смерти. Он снова приидет еще с Неба, но уже с силою карателя и с властью Судии, для наказания диавола и для суда рода человеческого. Между тем ученики Его, согласно повелению Учителя и Бога, разошлись по всему миру, чтобы преподавать заповеди ко спасению, чтобы от тьмы заблуждений привести людей на путь света, слепых и неведущих просветить к познанию истины. Для большей же твердости доказательства, для более верного исповедания о Христе они искушаются пытками, крестами и многими родами казней; присоединяется болезнь — свидетельница истины, чтобы Христос, Сын Божий, данный людям для жизни, был возвещен не только проповедью слова, но и свидетельством страдания. Ему—то мы сопутствуем, Ему следуем, Его имеем вождем в пути, начальником света, виновником спасения, который ищущим и вкушающим обещает Небо и Отца.

Христиане! И мы будем тем, чем является Христос, если будем подражать Христу.

Об одежде девственников

Благочиние (disciplina) — страж надежды, охранение веры, руководитель на пути спасения, насаждение и воспитание добрых наклонностей, пестун добродетели, — делает человека способным пребывать всегда во Христе, постоянно жить для Бога и стремиться к небесным обетованиям и Божественным мздовоздаяниям. Сколько спасительно следовать ему, столько пагубно уклониться от него и пренебрегать им. Дух Святой говорит в книге Псалмов: *приимите наказание (disciplinam), да не когда прогневается Господь, и погибнете от пути праведного, егда возгорится вскоре ярость Его* (2,12). И еще: *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания Моя, и восприемлещи завет Мой усты твоими? ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса Моя всячь* (49,16–17). И в другом месте читаем: *премудрость и наказание уничижай окаянен* (Прем. 3,11). И Соломон, преподавший правила мудрости, заповедал: сыне, не пренебрегай наказания Господня, ниже ослабевай, от него обличаем: егоже бо любит Господь, наказует (Притч. 3,11–12). Если же Господь наказует того, кого любит, и наказует с тем, чтобы исправить, то и братья, а тем более священники, обнаруживают не ненависть, а любовь к тем, кого таким же образом наказуют для исправления. Да и Сам Бог чрез пророка Иеремию предвозвестил это и обозначил наше время, говоря: *и дам вам пастыри по сердцу Моему, и упасут вас разумом и учением (disciplina)* (3,15).

Итак, если в Священном Писании заповедуется благочиние (disciplina), если все здание благочиния и веры зиждется на богобоязненном хранении его, то чего более остается нам желать, к чему стремиться, чего держаться, как не того, чтобы, утвердив храмины наши на сем краеугольном камени, как на незыблемом основании, мы стояли твердо и непоколебимо против всех напастей и искушений мира сего, и таким образом чрез соблюдение Божественных заповедей достигали Божественных даров, рассуждая и сознавая, что члены наши, освящением животворной купели очищенные от всякой нечистоты древней заразы, суть храмы Божий, которые никем не должны быть растлеваемы и оскверняемы; *аще бо кто Божий храм растлит, растлит сего Бог* (1 Кор. 3,17). Сих-то храмов строители и настоятели — мы; послужим же Тому, Кому уже мы принадлежим. Это говорит апостол Павел, преподававший нам в посланиях своих, по Божественному научению, правила для жизни: *несте свои, — куплены бо есте ценою; прославите убо (и носите) Бога в телесех ваших* (1 Кор. 6,19–20). Прославим же и будем носить Господа в чистом и нескверном теле, соблюдая всевозможную осторожность, искупленные Кровию Христовою новинемся воле Икупителя своего во всех действиях нашего служения Ему; постараемся о том, чтобы ничего скверного и нечистого не было вносимо нами в храм Его, дабы Он, оскорбившись нашим поведением, не оставил жилища, в котором теперь обитает. Вот слова Господа, исцеляющего и поучающего, вручающего вместе и наставляющего: *се, здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5,14). Даровав здравие, Он предлагает затем и образ жизни и закон непорочности; не только воспрещает па будущее время жизнь беспорядочную и распутную, но получившим исцеление угрожает в противном случае еще худшими последствиями: потому именно, что меньше твоя вина, когда ты согрешил прежде, чем узнал Божественное учение; но нет для тебя извинения, когда ты грешишь, познавши уже Бога. Сие-то имейте в виду, мужи и жены, отроки и отроковицы, — всяк пол и всяк возраст, и по вере и благочестию, коими все мы обязаны Богу, потщитесь, чтобы не без заботливости и страха соблюдаемо было вами то, что святым и непорочным приемлется нами туне от Господа.

Теперь слово наше обращается преимущественно к девам, которые тем большую имеют нужду в попечении, чем выше предоставлена им слава. Девы — это цвет церковного отростка, высокое украшение благодати духовной, природа веселая, чистое и неповрежденное создание

хвалы и чести, образ Божий, соответствующий святости Божественной, — это светозарнейшая часть стада Христова. Ими радуется, в них обильно красуется славное чадородие Матери—Церкви: и чем более девство увеличивается в числе своем, тем более возрастает радость матери. К ним—то обращаемся мы со словом своим, их увещеваем, более по любви, нежели по власти; смиренные и малозначащие, нисколько не присваивая себе права суда, мы побуждаемся заботиться о них преимущественно опасением, — преимущественно тем, что боимся навета диавольского.

И не напрасно то опасение, не пустая та боязнь, которая подает советы к пути спасения и руководствует к сохранению заповедей Божественных и правил житейских с тем, чтобы обручившие себя Христу, отрешившиеся от похотей телесных и всецело и телом и душою посвятившие себя Богу, совершали дело свое достойно великому предназначению, нреукрашаясь для одного Господа своего и угождая Ему одному, от Которого и мздовоздаяния девству своему ожидают они, по Его же слову: *не вси вмещают словесе сего, по имже дано есть: суть бо скопцы, иже из чрева материя родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася от человек; и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствия ради Небесного* (Мф. 19,11–12). Тот же дар целомудрия означает, то же девство нозвещастся следующими словами Ангела: *сии суть, иже с женами не осквернишася, зане девственницы суть: сии последуют Агнцу, аможже аще пойдет* (Апок. 14,4).

И не одному только мужескому полу усвояет Господь благодать целомудрия — Он не обходит жен, ни потому что жена есть часть мужа, из него взята и создана. Бог во всем почти Писании обращается к первозданному, так как двое составляют одну плоть, и в муже обозначается вместе и жена.

Если же целомудрие идет вслед за Христом и девство предназначается для Царствия Божия, то что в земном убранстве и украшениях, коими желающие угодить человекам оскорбляют Бога, не помышляя о том, что сказано еще прежде: *человекоугодников постыдешася, яко Бог уничижи их* (Пс. 52,6), и что торжественно проповедано апостолом: *аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1,10)? Воздержание и целомудрие состоит не в одной только непорочности тела, но и в скромности и благоприличии самого одеяния, да будет, по слову апостольскому, не посягшая свята и телом и духом. Апостол Павел говорит в наше наставление: *не оженивыйся печется о Господних, како угодити Господеви, а оженивыйся печется о мирских, како уго—дити жеие; так и не посягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом* (1 Кор. 7,32–34). Девственница должна не только быть, но и другим представляться по наружности таковою, так чтобы всяк, при взгляде на нее, не оставался и недоумении, действительно ли она девственница. Непорочность должна являть себя одинаково во всем, и одежда тела не должна порочить добродетели души. Да и к чему ей выставять себя в убранстве и нарядах, как будто имеющей мужа или ищущей его? Она скорее должна опасаться нравиться другим, если действительно блюдет свое девство, и не подвергать себя искушениям, стремясь к лучшим и Божественным целям. Не имеющие мужей, а следовательно и побуждений к угождению им, должны пребывать непорочны и чисты не только по телу, но и по духу. Неприлично девственнице для украшения лица своего прибегать к изысканной прическе волос и тщеславиться своим телом и его красотой, когда ей предлежит самая большая брань противу плоти и самый трудный подвиг в одержании над нею победы. Апостол Павел во всеуслышание восклицает: *мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6,14). А дева величается в церкви убранством плоти и красотой тела! Апостол прибавляет к тому: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5,24). А торжественно отрекшаяся от страстей и похотей плоти обретается участницею в том самом, от чего отрекалась! Изобличат тебя, дево, — раскроют, что ты

выставляешь себя не такую, какова ты на самом деле, — совсем не того домогаешься! Сквернами похоти плотской ты себя омрачаешь и бесчестишь, тогда как ты предназначила себя для непорочности и целомудрия. *Возопий*, — говорит Господь Исаии, — *всяка плоть сено, и всяка слава человека яко цвет травный; изсше трава, и цвет отпаде, глагол же Бога нашего пребывает во веки* (Ис. 40,6–8). Неприлично христианину, а тем более девственнице, гоняться за славою и почестями плотскими, а надлежит внимать слову Божию и в нем искать благ, во веки пребывающих. Или, если уже и гордиться плотию своею, то разве тогда только, когда она мучима бывает за исповедание имени Христова, когда жена является мужественнее мужей, истязующих ее, когда переносит огни, кресты, железо, терзания зверей, для получения венца. Все это драгоценные ожерелья плоти, вот это наилучшие украшения тела!

Но есть ил них богатые и с достаточным имуществом, которые, высоко ценя свое богатство, говорят, что они должны же пользоваться своими благами. Таковые пусть знают прежде всего, что та собственно богата, которая богата в Боге, та достаточна, которая имеет обилие достатка во Христе; пусть знают, что блага истинные суть блага духовные, Божественные, небесные, которые приводят нас к Богу и у Бога составляют наше вечное стяжание. Затем все земное, приобретаемое в сем мире и в нем же оставляемое, должно быть презираемо так же, как и самый мир, от пышности и наслаждений коего мы отказывались еще с того благодатного времени, как только обратились к Богу. К этому нас побуждает и увещевает Иоанн своею духовною и небесною речью. *Не любите*, — говорит, — *мира ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем; яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очима, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть ею: и творяй волю Божию пребывает во веки* (1 Ин. 2,15–17). Итак, к вечному и Божественному должно стремиться и все делать по воле Божией, исследуя стопам и Божественному учению Господа нашего, Который в наставление нам сказал: *сниход с небесе, ие да творю волю Мою, но волю пославшая Мя Отца* (Ин. 6,38). Если раб не более господина своего, и получивший свободу обязан послушанием своему освободителю, то мы, желая быть христианами, должны подражать тому, чему учил и что творил Христос. В Писании сказано и мы читаем, слышим, и устами Церкви в пример нам возвещается: *глаголяй в Нем (во Христе) пребывати, должен есть, якоже Он ходил есть, и сей такожде да ходит* (1 Ин. 2,6). Посему надлежит ходить по тем же следам, ревностно идти по тому же пути. Тогда только названию веры соответствует истинное последование и верующему воздается мзда, когда он исполняет то, во что верует. Говорить, что ты достаточна и богата. Но против твоего богатства возвышает свой голос Павел, предписывая правила, ограничивающие твои наряды и убранство. Он говорит: *жены во украшении лепотнем со стыдением и целомудрием да украшают себе, не в плетениих, ни златом... или ризами многоценными, но, еже подобает женам, обещавающимся благочестию, дела блжими* (1 Тим. 2,9–10). Согласно с ним и Петр повелевает: *имже (женам) да будет не внешняя плетения влас и обложения злата, или одеяния риз лепота; но потаенный сердца человек* (1 Пет. 3,3–4). Если апостолы советуют обуздывать себя и свято соблюдать уставы церковного благочиния даже женам, кои наряды свои и убранство привыкли извинять замужеством, то тем более подлежит соблюдать это девственницам, которые никакого не имеют в сем случае извинения и не могут сложить вины свои на других, по сами должны остаться виновницами в грехе своем.

Говоришь, что ты достаточна и богата. Но все то, что можно делать, и должно делать: пространные желанья, рождающиеся от тщеславия века сего, не должны выходить за пределы чести и целомудрия девственного, когда в Писании сказано: *вся ми леть суть, но не вся на пользу; вся ми леть суть, но не вся назидают* (1 Кор. 10,23). Притом же когда ты, роскошно и пышно наряжаясь, открыто являешься в народные собрания, обращаешь на себя взоры

юношества, увлекаешь за собою вздохи молодых людей, питаешь в них похоть любострастна, воспаляешь ко греху; то хотя бы сама ты и не погибла, но потому, что тем губишь других и как бы мечом или ядом становишься для тех, которые на тебя смотрят, — ты не можешь уже оправдать своей духовной чистоты и целомудрия. Самый наряд твой наглый и убранство твое бесстыдное изобличают тебя, и ты не можешь уже считаться в числе отроковиц и дев Христовых, ты, которая ведешь себя так, что можешь внушать к себе страсть любви.

Говоришь, что ты богата и достаточна. Но девственнице не следует хвастаться своим богатством, тем более, что в Божественном Писании говорится: *что пользова нам гордыня? и богатство с величанием что создаде нам? преидоша вся она яко сень* (Прем. 3,8–9). И Апостол опять, увещевая, говорит: *и купающии будут, яко не содержаще, и требующии мира сего, яко не требующе; преходит бо образ мира сею* (1 Кор. 7,30–31). И Петр, коему Господь препоручает пасти и охранять овец Своих и на коем положил основание Церкви (Мф. 16,18; сн. ст. 16), говорит тоже, что у него нет ни золота, ни серебра, по что он богат благодатию Христовою, богат верою Его и силою, посредством коих многие знамения и чудеса сотворил и во славу благодати обогатил себя духовными дарами (Деян. 3,6–7). Сих достатков, сих богатств не может иметь та, которая желает быть богатою более для Мира, нежели для Христа.

Говорить, что ты достаточна и богата, и твердить, что тебе следует пользоваться теми благами, коими Господь наделил тебя. Пользуйся ими, употребляй, но на дела спасительные; употребляй для добрых целей; употребляй, но на то, па что Бог заповедал, па что Сам Господь указал. Пусть чувствуют твое богатство бедные, пусть ощущают твой недостаток неимущие. Отдай твое имущество для приращения Богу, напитай Христа. Чтобы удостоиться тебе достигнуть славы девства и сподобиться получить воздаяние от Господа, умоляй Его молитвами многих. Скрывай сокровища свои там, где никакой тать не подкапывает, куда никакой злобный хищник не проникает. Приобретай себе стяжания, по более небесные, там, где приобретения твои не подвержены никаким случайностям и от всяких вражеских неправд века сего свободны, где их ни ржа не истребит, ни град не побьет, ни солнце не сожжет, ни дождь не повредит: ты и тем уже самым грешишь против Бога, что думаешь, будто богатство дано Им тебе на то, чтобы иждивать и расточать его без пользы. Ведь и голос дан от Бога человеку, однако не для того, чтобы петь любовные и срамные песни; и железо благоволил Бог сотворить для воздвизания земли, по, конечно, не для человекоубийства. Или: Бог произвел ладан и смирну, и вино и огонь; так неужели поэтому должно употреблять их при жертвоприношениях идолам? На пажитях твоих много стад скота; следует ли из того, что должно заколоть их в жертву истуканам? Иначе богатство большим будет служить искушением, если ему не будет дано надлежащего употребления: так, чем кто богаче, тем более должен употреблять свое богатство на искупление, а не на преумножение своих грехов!

Изысканность одежд и украшений, обольстительные прикрасы липа свойственны одним только непотребным бесстыдным женщинам, и ни у кого почти не бывает убранство дороже, как у тех, у коих дешев стыд. Так, и Св. Писании, в котором Господь благоволил преподать нам наставление и увещание, описывается город любодейный, в убранстве и нарядах, с нарядами, или лучше, ради них обреченный на гибель. *И прииде, — говорится, — един от седми Ангел, имущих семь фиал, и глагола со мною, глаголя ми: прииди, да покажу ти суд любодейцы великия, сидяция на водах многих: с нею же любодейша царие земстии... И веде мя... духом: и видех жену сидящу на звери... И жена бе облечена в порфиру и червленицу и позлащена златом и каменiem драгим и бисером, имущи чашу злату в руке своей, полную мерзости и скверн любодейния ея* (Апок. 17,1–4). Да избегают чистые и целомудренные девы убранства блудниц, одежды бесстыдниц, уборов прелестниц, украшений любодейц! Исаия, исполненный Духа Святого, обличает дочерей Сионских, прельстившихся златошвсйнными и среброткаными

одеждами, укоряет изобилующих пагубным богатством и ради мирских забав и увеселений отступающих от Бога. *Вознесошася, — говорит, — дочери Сиони, и ходиша высокою выею, и помазанием очес, и ступанием ног, купно ризы влекущая и ногами купно играющая. И смирит Господь начальныя дочери Сиони, и Господь откроет срамоту их... и отъимет Господь славу риз их, и красоты их, и вплетения златая (на главе), и тресны ризныя, и луницы гривенныя, и срачицы тонкия, и красоту лица их... и обручи и перстни, и мониста и запястия и художныя усерязи... и виссон со златом и снистою претыканы... И будет вместо вони добрыя смрад, и вместо пояса ужем препояшешися, и вместо украшения златого, еже на главе, плешь имети будеши* (Ис. 3,16–23). Вот это ставит в вину, это замечает Бог, возвещая, что отсюда происходит развращение дев и уклонение их от истинного и Божественного убранства. Вознесшиеся пали, щеголявшие нарядами и убранствами покрылись смрадом и мерзостью. Одетые в шелки и багряницы не могут облечься во Христа. Разукрашенные златом и драгоценными камнями и ожерельями утратили украшение духа и сердца. Кто же не возгнушается и не станет убегать того, что других погубило? Кто пожелает себе того, что другому послужило в погибель вместо меча и стрелы? Если бы кто, выпив стакан питья, тут же умер, то ты поняла бы, что он испил яд.

Если бы кто, приняв пищу, тоже вскоре за тем умер, то ты поняла бы, что принятая им пища была смертоносна, И ты, конечно, не стала бы ни есть, ни нить того, от чего другие, в глазах твоих, пред тем умерли.

Какое же после сего невежество, какое безумие — желать того, что всегда вредило и вредит, и думать, что ты не погибнешь от того, от чего видишь погибшими других! Господь не сотворил овец червлеными или багряновидными, не Он научил расцвечивать и разукрашать руно их травными соками и червленью; не Он устроил ожерелья, которыми ты, переплетши сперва волосы золотом и жемчугом, расположивши их в стройные ряды и многочисленные складки, — покрывала бы свою шею, Им созданную, чтобы скрыть то, что в человеке образовано Богом, и выставлять наружу то, что изобретено диаволом. Божие ли изволение — делать на ушах язвы и мучить ими невинное еще младенчество, злу мирскому не причастное, чтобы потом к проколотым язвинам привешивать дорогие зерна тяжелые, если не своим весом, то заплаченными за них деньгами? Все это изобрели своим коварством согрешившие и от Бога отпадшие ангелы, когда, оставив свои пренебесные жилища, низверглись долу. Они—то, побуждаемые испорченною своею природою, научали чернить брови, на щеки наводить поддельный румянец, красить волосы в не свойственный им цвет, искажать подлинные черты лица и головы.

Здесь, в этом именно месте, побуждаясь страхом, который внушает нам вера, и любовью, которой требует от нас братство, нужным считаю преподать совет не одним только девам или вдовицам, но и замужним и всем вообще женам: то, что есть делом Бога, Его творением и произведением, отнюдь не должно быть искажаемо примесью ни золотистого цвета, ни черного порошка, ни румян, ни, наконец, другого какого бы то ни было состава, скрадывающего природные черты. Бог сказал: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию* (Быт. 1,26). Кто же дерзнет изменить и переобразовывать то, что сотворено Самим Богом? Те, кои стараются преобразовывать и переделывать то, что образовал Сам Бог, поднимают руки на Бога, не сознавая, что все, как оно рождается, есть дело Божие; а если в нем что—либо изменяют, то это уже дело диавола. Если бы искусный живописец изобразил на картине чье—нибудь лицо и весь стан со всевозможными телесными оттенками, а на совершенной отделке портрета другой живописец, почитая себя искуснее, наложил на его произведение свою руку, думая эту живопись исправить: то последний причинил бы первому тяжкую обиду и возбудил бы в нем справедливое против себя негодование. И ты ли думаешь избежать наказания за твою безрассудную дерзость за оскорбление художника—Бога? Под льстивым притворством и обманчивыми прикрасами ты

хочешь утаить от людей свое бесстыдство и распутство, но чрез это ты становишься гнуснейшею любодейцею, осквернивши и растливши в себе дело Божие. Думая украсить себя, хитро убрать волосы, ты разоряешь этим творение Божие, предательствуешь истину. Вот что говорит апостол в наше наставление: *очистите убо ветхий квас, да будете ново смешение, якоже есте безквасни: ибо пасха наша за ны пожрен бысть Христос. Темже да празднуем не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины* (1 Кор. 5,7–8). Не может ли чистота и истина пребывать там, где чистое оскверняется поддельными нечистотами, где истинное претворяется во лжу поддельными составами? Господь твой говорит: *не можеша власа единого бела или черна сотворити* (Мф. 5,36). А ты, вопреки слову Божественному, хочешь быть могущественнее своего Господа? С дерзким покушением и святотатственным презрением ты красишь свои волосы: злополучное предвестие ты этим пророчишь себе в будущем огненные волосы и грешишь, увя! главою, то есть лучшею частию тела. И когда написано о Господе: *глава Его и власи белы, аки ярина белая, якоже снег* (Апок. 1,14); ты уничижаешь седину, гнушаешься белизною, которой уподобляется глава Господня! Скажи мне, уже ли, поступая таким образом, ты не боишься, если Художник и Творец твой, в день общего Воскресения, не признает тебя, отринет и удалит, когда явишься за воздаянием и наградою, и, укоряя строгим голосом Судии, скажет: «Это не Мое создание, это образ не Наш»? Кожу ты осквернила поддельным притиранием, волосы изменила несвойственным цветом, вид твой искажен ложью, образ извращен, лицо твое чуждо тебе. — Ты не можешь видеть Бога, когда глаза у тебя не те, какие дал тебе Бог, но какие подделал диавол. Ему ты последовала; ты подражала золотоцветным и раскрашенным глазам змия; враг убирал твои волосы — с ним и гореть тебе! И неужели, скажите, рабам Божиим не надлежит думать об атом всегда, и днем и ночью, страшиться этого? Замужние пусть обратят внимание на то, чем они обольщают себя, думая, будто старанием нравиться они доставляют удовольствие своим мужьям: приводя мужей в оправдание свое, они только делают их чрез то сообщниками своего преступного замысла. По крайней мере, я думаю, что дев, к которым теперь обращена эта речь, — если они предаются таковой изысканности нарядов и убранств, — не следует и считать в числе девственников, но как зараженных овец и большую скотину надлежит отлучать от святого и непорочного стада девственного, дабы, живя вместе, чрез взаимное сообщение они не заразили прочих и, сами погибая, не губили и других. Итак, ревнуя о благе целомудрия, будем уезжать всего, вредного и соблазнительного.

Не могу я умолчать и о том, что много есть таких обыкновений, которые, войдя в употребление от одной небрежности и непредусмотрительности, тем самым проложили себе путь к ущербу целомудренности и трезвости нравов. Не стыдятся некоторые бывать на свадьбах и, пользуясь там свободою похотливых речей, вмешиваться в срамные разговоры, слушать непристойные слова от других и сквернословить самим, быть заметными и присутствовать при пьянственных пиршествах, коими возжигаются похоти, где невеста возбуждается к перенесению растления, а жених к наглой дерзости. Уместно ли являться на свадебных пирах той, у которой нет расположения к брачной жизни, или какое может быть удовольствие, какое наслаждение там, где и склонности и желания совсем другие? Чему она там научится? что увидит? что услышит? Как далеко уклоняется от цели своей девственница, когда приходит сюда целомудренною, а выходит отсюда потерявшею стыд! Хотя бы она и телом и душою пребыла девою, но взором, слухом, языком она много умалила в себе те качества, какие имела.

А что сказать о тех, которые ходят в общие бани, которые любопытным и страстным к похоти очам выставляют свои тела, посвященные девственности и целомудрию, — которые как сами смотрят бесстыдно на нагих мужчин, так и мужчинам дают возможность видеть себя нагими? Не служат ли они приманкою для пороков? Не сами ли возбуждают и подстрекают

похоть присутствующих на собственный свой разврат и поругание? Приходит туда, скажешь ты, с какими кто хочет мыслями; а я прихожу только для того, чтобы омыть и освежить свое тело. Не защитит тебя такое оправдание; не извинит оно твоего распутства и наглости. Это омовение марают тебя, а не очищает; не убеляет членов, а чернит их. Положим, — ты ни на кого не смотришь с бесстыдством, но на тебя устремляют бесстыдно взоры свои другие. Очей своих ты не сквернишь нечистым услаждением, но, услаждая других, сама оскверняешься. Из бани ты делаешь зрелище, которое становится гнуснее самого постыдного зрелища. Там совлекается всякая скромность; вместе с одеждою отлагается все украшение тела и стыд; девство разоблачается как бы на показ и публичную выставку, Рассуди же теперь сама, в состоянии ли ты сохранить скромность среди мужчин, — ты, у которой смелость быть нагою пред ними помогает бесстыдству?

Таким-то образом Церковь часто оплакивает дев своих и въздыхает, слыша о них бесславные и постыдные толки. Таким-то образом доброе имя девственниц помрачается, уважение к воздержанию и благоговение к целомудрию подрываются, вся слава и честь их предаются поруганию. Так-то завоеватель враг внедряется посредством своих уловок. Так диавол незаметно подкрадывается с обманчивыми своими коварствами. Так-то девы, стараясь одна другую превзойти щегольством наружных украшений и более свободным обращением, увлекшись обольстительным бесславием, перестают быть девами — делаются вдовами прежде замужества, нарушая супружескую верность не в отношении к мужу, но в отношении ко Христу, а потому и должны подвергнуться в будущем тем большим истязаниям за утрату девства своего, чем большие им — девам предназначались награды.

Итак, девы, послушайте меня, как отца; послушайте, прошу и молю вас, меня, опасавшегося за вас и потому подающего вам благие советы; послушайте того, который неложно заботится о вашем благе и вашей пользе. Пребудьте таковыми, каковыми вас соделал Художник Бог. Пребудьте таковыми, каковыми вас рука Отчая устроила. Да будет в вас лицо неподдельное, шея чистая, весь образ беспритворный. Не налагайте на уши ваши язв, а мышц и вый не опутывайте дорогими цепями из запястий и ожерельев; да будут ноги ваши свободны от золотых оков, волосы чужды всякой подделки, глаза достойны созерцания Бога. Ходите в бани только со своим полом, то есть с женщинами, коих совместное с вами омовение не опасно для вашего целомудрия, убегайте бесстыдных свадебных празднеств и сладострастных пиршеств, па которых присутствовать вам пагубно.

Истинная дева, докажи, что ты превыше убранств, ты, которая побеждаешь плоть и мир, победи страсть к золоту. Могущая торжествовать над большим не в состоянии ли восторжествовать над меньшим? *Тесный путь, вводя в живот* (Мф. 7,14); трудны и тяжелы стези, ведущие к славе. Этим-то путем, по этим стезям проходят мученики, шествуют девы, идут все праведники. Избегайте широких и пространных путей: там приманки губительны, удовольствия смертоносны: там диавол улыщается, чтобы обмануть, улыбается, когда наносит вред, завлекает, чтобы убить. Первый плод сториичный — это плод, приносимый мучениками; второй шестидесяти кратный — принадлежит вам (Мф. 13,8,23; Мк. 4,8,20). И как у мучеников нет помышления о плоти и мире, когда они вступают в тяжкую борьбу со врагом, так и у вас, коим предназначается вторая после них благодатная награда, да будет близок к ним и подвиг терпения. Не легко достигать высоких целей. Сколько проливаем пота, сколько подъемлем труда, когда стараемся взойти на холмы и вершины гор! Каких же не должны мы понести трудов, чтобы взойти на небо? А если сравнить обещанные нам награды, то они гораздо выше подвигов наших. Подвизающимся неослабно даруется бессмертие, обещается нескончаемая жизнь, гфедлагается вечное царство от Господа. Блюдите, девы, блюдите то, чем вы начали быть; храните свою будущность. Великая ожидает награда, великое мздовозда-яние за добродетель, величайший дар

за целомудрие.

Хотите знать, от каких бед избавляется и какими благами обладает добродетель девства? Господь сказал жене: *умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя; в болезнях родиши чада; и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет* (Быт. 3,16). Вы свободны от сего приговора: вы не боитесь свойственных женам печалей и воздыханию; нисколько не боитесь болезней чадорождения; и муж не обладает вами, но Владыка ваш и Глава есть Христос, вместо мужа. Жребий и положение у всех вас одинаковы. Сам Господь вещает: *сынове века сего женятся и посягают; а сподобльшиися век он улучити и воскресение, еже от мертвых, ни женятся, ни посягают; ни умрети бо тому могут: равни бо суть Ангелом, и сынове суть Божий, воскресения сынове суще* (Лк. 20,34–36). Вы начали уже быть тем, чем быть мы только надеемся. Вы в сем веке достигли уже славы Воскресения и преходите век, не оскверняясь от века. Пребывая чистыми и непорочными, пребывая девами, вы уподобляетесь Ангелам Божиим. Только да пребывает твердо и непоколебимо девство ваше; и с каким мужеством, с какою решимостию положили вы ему начало, таким да пребудет оно у вас и навсегда, ища для себя украшения но в ожерельях и одеждах, но в добрых нравах. Имейте в виду одного Бога и одно небо; не обращайтесь устремительных горе очей своих к похотям мира и плоти, — не низводите их долу к земному. Первое повеление Господне человеку было — *раститесь и множителя, а второе относилось к воздержанию* (Быт. 1,28; 2,16–17). В то время, когда мир пребыл еще так населен, род человеческий размножался и распространялся, наполняя его собою, но, когда он достиг надлежащей полноты, с того времени могущие вместить воздержание и жить подобно скопцам делают себя *скопцами* для Царства Небесного (Мф. 19,11–12). Этого впрочем не заповедует Господь, а только предлагает; не налагает ярма необходимости, а предоставляет это свободе и воле каждого. Но когда говорит, что *в доме Отца Его обители многи суть* (Ин. 14,2), то сим указывает и на обители по преимуществу лучшие. В эти лучшие обители вы стремитесь; отказываясь от плотских удовольствий мира сего, вы приобретаете право и на высшую благодатную награду на небе. Правда, что и все, в святом крещении омывающиеся Божественною банею, совлекаются там ветхого человека благодатию спасительной купели и, *обновившись Духом Святым*, очищаются от скверн древней язвы вторичным *рождением* (Тит. 3,5; Ин. 3,3–7); но истина и святость сего таинственного рождения в высшей степени приличествует вам, как вовсе чуждым похотей плоти и мира. У вас осталось только то, что свойственно добродетели и духу для достижения славы. Апостол, которого Господь назвал избранным сосудом Своим и послал пронести повсюду небесные повеления, говорит: *первый человек от земли, перстен: второй человек Господь с небесе. Яков перстный, такова и перстнии; и яков небесный, тацы же и небеснии. И якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небеснаго* (1 Кор. 15,47–49). Сей образ Небесного носит девство, носит непорочность, носит истина и святость; носят те, кои выну памятуют учение Господне, хранят правду и благочестие; кои непоколебимы в вере, смиренны в страхе Божиим, мужественны во всяком терпении, кротки в перенесении обид, всегда готовы на совершение дел милосердия; кои живут между собою в мире, как братья, единомушно и нераздельно. Каждую из сих добродетелей, — должны вы, добрые девы, хранить, любить и соблюдать, — вы, досужные для Бога и Христа, кои, посвятив себя Господу, лучшую избрали часть и предшествуете па пути к Нему лучшею пред многими другими стезею. Наставляйте же старейшие юнейших; младшие возрастом возбуждайте соревнование в подругах; ободряйте себя взаимными увещаниями; зовите одна другую к славе, каждая в себе являя образец добродетели, достойный соревнования: кренитесь, духовно стремитесь вперед и вперед, достигайте цели вашей благопоспешно. За всем сим не забудете и о нас в то время, когда девство ваше начнет венчаться в вас честью и славою.

Первый из этих текстов находится в книге Сир. 7:31; последний — Сир. 7:32 и 33.

У древних была пословица: кто всего желает, тотъ все теряетъ (qui totum vult, totum perdi).

Книга о зрелищах и следующая за нею — похвала мученичеству принадлежать къ числу сомнительныхъ произведеній св. Кипріана. Трудно доказать ихъ подлинность, но и решительно признать ихъ подложными нетъ вполне достаточныхъ основаній.

У римлянъ богиня обжорства и торгашества.